

ЮРИЙ
ВРОНСКИЙ

Кровь Викинга...

И НА КАМНЯХ
РАСТУТ ДЕРЕВЬЯ

Сын Одина

Юрий Вронский

**Кровь викинга... И на
камнях растут деревья**

«Алгоритм»

2014

УДК 82-94
ББК 84

Вронский Ю. П.

Кровь викинга... И на камнях растут деревья / Ю. П. Вронский —
«Алгоритм», 2014 — (Сын Одина)

[Исторические повести о приключениях Кукши из Домовичей стали основой для знаменитого фильма «И на камнях растут деревья».](#) Приключения Кукши – варяжского пленника, затем раба, вора, а затем – царского гвардейца в Царьграде, – необычайны, но язык не поворачивается назвать их невероятными. Ю. П. Вронский сочинил повесть таким образом, что в ее события, вытекающие одно из другого, охотно веришь. Приятно понимать, что сын конунга, товарищ в играх и побратим Кукши мальчик Харальд станет великим норвежским королем Харальдом Прекрасноволосым, а дерзкие морские разбойники викинги Хаскульд, Тюр и Рерик в нашей истории зовутся князьями Рюриком, Аскольдом и Диром.

УДК 82-94
ББК 84

© Вронский Ю. П., 2014
© Алгоритм, 2014

Содержание

Часть первая. Кукша, варяжский пленник	7
Вступление	7
Глава первая. Хальвдан Чёрный	9
Глава вторая. Первое знакомство с Кукшей	12
Глава третья. Воскресение отрока	13
Глава четвертая. У ладожского князя	15
Глава пятая. Кукшины побеги	16
Глава шестая. Харальд и Кукша	18
Глава седьмая. Сёстры Харальда	21
Глава восьмая. Посвящение	23
Глава девятая. Харальд и Кукша братаются	26
Глава десятая. Варяги в домовичах	28
Глава одиннадцатая. В засаде	30
Глава двенадцатая. Погоня	31
Глава тринадцатая. Варяжский пленник	32
Глава четырнадцатая. Ладога	34
Глава пятнадцатая. Пир у ладожского князя	36
Глава шестнадцатая. Попытки бежать	38
Глава семнадцатая. Варяги отправляются в путь	39
Глава восемнадцатая. Чудская деревня	40
Глава девятнадцатая. Ночной побег	41
Глава двадцатая. Домовой	42
Глава двадцать первая. Возвращение к варягам	43
Глава двадцать вторая. Замысел Харальда	44
Глава двадцать третья. Дар колдуньи	46
Глава двадцать четвёртая. Сигню	48
Глава двадцать пятая. Беспокойная ночь	50
Глава двадцать шестая. Гибель Хальвдана чёрного	51
Глава двадцать седьмая. Харальд – конунг	53
Глава двадцать восьмая. Харальдов пир	55
Глава двадцать девятая. Отплытие	58
Глава тридцатая. Датские викинги	61
Глава тридцать первая. Морская битва	63
Глава тридцать вторая. Кукша в нерешительности	65
Глава тридцать третья. Буря	67
Глава тридцать четвёртая. Хастинг	69
Глава тридцать пятая. В Рим!	71
Глава тридцать шестая. Нападение на город	73
Глава тридцать седьмая. Взятие города	75
Глава тридцать восьмая. Кукша расстаётся с викингами	78
Часть вторая. Кукша в Царьграде	81
Глава первая. Царьград	81
Глава вторая. Свечная мастерская	83
Глава третья. Скиф	86
Глава четвёртая. Столкновение с Димитрием	88
Глава пятая. Рябой	90

Глава шестая. Андрей Блаженный	93
Глава седьмая. Кабак Мустафы	95
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Юрий Вронский
Кровь викинга... И на
камнях растут деревья

© Вронский Ю. П., 2014

© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Часть первая. Кукша, варяжский пленник

Вступление

Ласковый весенний день. Ни облачка, ни ветерка. Не шелохнутся прошлогодние былинки у опушки бора. Но в вершинах древних сосен слышится немолчный шум, и кажется, будто над миром летит чей-то глубокий бесконечный вздох.

На высоком правом берегу Тихвины – порожистой лесной реки – раскинулась деревня Домовичи. Деревня невелика – всего несколько изб. Стоят они среди огромных валунов – не в ряд, а как придётся.

Окон в избах нет. Двери низкие, в ширину они больше, чем в высоту. Чтобы войти в избу, надо низко наклониться и, перешагивая порог, высоко поднимать ноги. А рослый человек, и наклонившись, рискует задеть спиной притолоку.

Кровли выложены дёрном по берестяной подстилке. Они уже запестрели весенними цветами, особенно густо – на скатах, обращённых к солнцу. Из волокового отверстия¹ в кровле струится дымок. Печь в избе никогда не гаснет – ведь от неё и тепло и свет.

Живут в деревне домовичи, люди, ведущие свой род от дедушки Домового, доблестного воина, искусного охотника и рыбака, неутомимого землепашца и на всякое дело умельца. Он, по преданию, первый из словен² срубил избу в этих местах, спокон веку заселённых людьми племени весь³.

Прежде жил дедушка Домовой далеко отсюда, на Волхове-реке, близ Ильмень-озера, да замучили данями-поборами князя – ещё деды-прадеды Гостомысловы⁴. Решил дедушка податься куда-нибудь в отдалённое место, куда не дотянуться княжеским рукам. Стал расспрашивать мимоезжих купцов. Купцы ведь по торговым делам забираются даже и на край земли. Они и поведали дедушке про реку Тихвину. Леса, мол, там нехожены, звери – непуганы, земли – непаханы: живи не тужи.

Тронулся дедушка в путь со всей семьёй и роднёй, со скотиной и скарбом, на трёх больших челнах. Трудный был путь, однако добрались все живы-здоровы. Не совсем там оказалось так, как рассказывали купцы. Жил уже и на Тихвине народ – волосы белые, глаза светло-голубые, будто выцветшие на солнце. Рыбаки да охотники.

Поначалу ошетинились, а потом – ничего, найдётся, говорят, и вам место. К тому же дедушка не утаил, что он и гончар, и кузнец, и на дуде игрец. Такой-то человек всюду ко двору. Зажили дружно, на праздники друг к другу ходили, домовичи женились на местных светлоглазых девушках, а местные парни – на домовических.

Однако со временем и сюда дотянулись долгие княжеские руки – как-то весной, точно гром с ясного неба, свалились на Тихвину сборщики дани. Дедушка Домовой этого, понятно, уже не увидел. Ещё и после него несколько поколений прожили спокойно. А теперь вот опять весна, самая радостная пора, а радости нет.

---

¹ *Волоковое отверстие* (окно) – делалось для вытягивания дыма из жилища во время топки, поскольку печи не имели труб.

² *Словене* – восточнославянское племя, жившее на территории нынешней Новгородской области. Судя по последним научным изысканиям, выходцы из Поморья, с южного побережья Балтийского моря. Одно из племён, составивших впоследствии русский народ. В древности существовало понятие «люди словеньска языка» – имелись в виду все вообще славяне.

³ *Весь* – финно-угорское племя, некогда населявшее огромные пространства на севере нынешней Европейской России. Одно из племён, составивших впоследствии русский народ.

⁴ *Гостомысл* – последний словеньский князь.

В деревне недавно побывали варяги⁵, посланные ладожским князем. Они не удовольствовались той данью, что к их приходу собрали домовичи, и пошли шарить по избам и клетям⁶. Забрав всё, что им приглянулось, они пустились дальше вниз по реке.

Тихо в ограбленной деревне. Не слышать гомона играющих детей. Даже брехливые псы и те умолкли. Только уцелевший петух, глупая птица, хотя и видел, как варяги сворачивали шеи его товарищам, нет-нет, да и закукарекает как ни в чём не бывало.

Домовичи безропотно позволили себя ограбить, потому что в деревне нет воинов. Здешние жители в позапрошлом году проявили непокорность и, объединившись с соседями, прогнали сборщиков дани, не дав им ни шкурки. Тогда на следующий год ладожский князь прислал своего воеводу с дружиной – усмирять строптивых.

Тяжко на сердце у Ельцы, вдовы, живущей в крайней избе, недалеко от обрыва. Когда домовичи дрались с княжескими дружинниками, у неё убили мужа, и осталась она с пятью сиротами – четырьмя девками и сыном. А нынче, после очередного прихода варягов, пропал и сын, отрок⁷ десяти лет, на которого была вся надежда.

Ублажала Ельца предка Домового, идол которого стоит в красном углу, угощала его хлебом и рыбой, молоком и мёдом, просила найти и вывести из лесу её сына, если он заплутал. Ходила с подношениями в лес, к огромной, в три обхвата сосне, уговаривала Лешего, если он держит её сына, отпустить его домой. Спускалась к реке, умоляла весёлых русалок отдать хоть тело сына, – известно, что живыми-то русалки ещё никого не отпускали...

Однако отрока нет как нет, ни живого, ни мёртвого. Верно, зверь задрал его в лесу и никогда больше не увидит мать своего единственного сына.

---

⁵ *Варяги* – морские разбойники и торговцы, приплывавшие с Запада. Нанимались на службу к русским князьям, а позже и к византийским императорам.

⁶ *Клеть* – холодное помещение при доме; чулан, кладовая.

⁷ *Отрок* – мальчик от семи до пятнадцати лет.

Глава первая. Хальвдан Чёрный

Хальвдан Чёрный – славный мурманский князь, или, по-здешнему, конунг. Он правит Вестфоллом, Рингерике, Румерике, Хедмарком и некоторыми другими землями. Конунг Хальвдан – мудрый и справедливый правитель, в его владениях царит мир, во всех делах конунгу сопутствует удача, урожаи при нём хорошие, и народ любит его.

Обширное хозяйство у Хальвдана Чёрного, чего только нет у него на усадьбе! Вот просторный хлев, конунг большое внимание уделяет разведению быков, их немало требуется для прокорма многочисленных родичей, домочадцев и гостей, но особенно для праздничных пиров, посвящённых богам и богиням.

Для жертвоприношений и для стола в хозяйстве конунга разводят также коней, свиней и петухов – это главные жертвенные животные варягов. Есть на усадьбе овчарня, где зимует большое стадо овец. Овцы – замечательные животные, их тоже можно приносить в жертву и употреблять в пищу, они дают тёплый мех и шерсть, а кроме того, – бараний жир, который идёт для светильников.

Каждый знает, что хорошие урожаи, чем так прославлено правление Хальвдана Чёрного, можно поддерживать только постоянными жертвами, и это первейшая обязанность конунга.

Бывали случаи, что какой-нибудь конунг пренебрегал своей обязанностью, тогда в стране, которой он правил, наступал недород. Опомнившись, конунг резал множество голов скота, приносил обильные жертвы, но не достигал никакого успеха. На следующий год он приносил человеческие жертвы. Толку не было по-прежнему.

Тут уж людям приходилось прибегать к последнему средству – приносить в жертву Одину⁸, верховному богу, самого конунга и омыwać жертвенник его кровью. Только такой ценой удавалось вернуть урожаи в свою землю.

Помимо хлева, конюшни, овчарни, свиарника и птичника, в конунговой усадьбе есть амбары, сенники, различные кладовые и погреба, соколятня, кузня, дом для гостей и другие постройки.

Шумно в усадьбе: с раннего утра до позднего вечера доносится из кузни звон молотов о наковальни, не смолкает кукареканье множества петухов, из кожевенной, шорной и прочих мастерских слышится заунывное пение разноплемённых рабов.

Однако сегодня здесь царит особенное оживление. В малом загоне режут скот, в поварне стряпают всевозможные яства, из погреба выкатывают бочки с хмельным мёдом и приятным на вкус слабым пивом – любимым напитком женщин и детей. Конунгова усадьба готовится к пиру. Накануне вечером из далёкой Гардарики⁹ приплыли викинги¹⁰. Их предводитель Хаскульд – давнишний приятель Хальвдана Чёрного. Он всегда охотно вступал в дружину конунга, когда требовалось отразить нападение врага или усмирить непокорных.

Знакомы Хальвдану и некоторые другие викинги. Конунг не раз беседовал с чернородым Тюром, бывалым воином, много повидавшим на своём веку. Его мать была рабыней, её купили когда-то на торгу в Хедебю, в Дании, однако Тюр – весьма достойный человек несмотря на происхождение.

Рыжий великан Сван тоже бывал в гостях у Хальвдана. Это доблестный воин, берсерк¹¹, он не побоится выйти один против дюжины.

---

⁸ *Один* – в скандинавской мифологии верховный бог.

⁹ *Гардарики* – страна крепостей, древнескандинавское название Руси.

¹⁰ *Викинги* – древнескандинавские воины, участники морских завоевательных походов.

¹¹ *Берсерк* – свирепый воин, который в битве приходил в исступление, выл, как дикий зверь, кусал свой щит и был, согласно поверью, неуязвим.

Викинги привезли с собой белобрысого отрока лет десяти-одиннадцати, с которым они все очень ласковы. Однако про него не скажешь, что он платит им той же монетой. Он угрюм и молчалив, впрочем, кажется, он не понимает по-мурмански.

Просторная гридница¹², где происходят пиры конунга Хальвдана Чёрного, освещена множеством жировых светильников, они укреплены на витых железных ножках, воткнутых в земляной пол. Посреди пола горит очаг, перед ним расположено почётное сиденье конунга, украшенное с двух сторон резными столбами. Стены гридницы сплошь затянуты коврами с изображениями особенно знаменитых битв. На коврах колышутся тени гостей.

Конунг – человек крепкого сложения, у него длинные, чуть не до пояса, седые волосы и борода. Он указывает гостям место напротив себя, у другой стены – там расположено второе почётное сиденье, на нём размещается предводитель Хаскульд и его ближние мужи. Один из них Тюр, он сажает рядом с собой белобрысого отрока. Остальные садятся на лавки по обе стороны почётного сиденья. Чем ближе место к огню, тем оно считается почётнее.

Конунгу, как и прочим участникам пира, не терпится послушать, что расскажут люди, прибывшие из далёких краёв, однако лицо его выражает только важность и спокойствие. Он ни за что не позволит себе торопить гостей.

Над каждым из мужей, своих и прибывших, поблёскивают доспехи, повешенные на стену: меч, секира, щит и шлем. Звучат заздравные речи, в могучие глотки воинов льётся хмельной мёд из рогов, оправленных серебром. Мало-помалу гости начинают рассказывать о далёкой стране Гардарики, о её городах, о Ладогe, которой правит знаменитый морской конунг Одд Стрела.

Гардарики – богатый край, но там неудобно совершать викингские набеги, потому что нет спасительного морского простора. Одд Стрела придумал, как без набегов пользоваться всеми дарами тех земель. Для этого он захватил город Ладогу, что на реке Волхов, укрепился в нём и покори́л или перебил окрестных князей, пользуясь их взаимной враждой. Ладога стоит на таком месте, что в неё стекаются богатства с трёх сторон: с запада – рабы, с севера – пушнина, а с востока – золото, серебро и драгоценные ткани. Правда, к югу от Ладоги расположен город Хольмгард...¹³ В последнее время он начал расти и богатеть, и, значит, часть богатств, идущих с юга и востока, оседает там. Конечно, он как бельмо на глазу, но со временем его можно захватить.

Возвращаясь в Норвегию из Гардарики, Хаскульд и его люди грабили берега Варяжского моря и взяли немало добычи, хотя тамошние места были уже изрядно опустошены до них.

Глаза пирующих то и дело останавливаются на отроке, которого опекает Тюр. Не только женщинам и девушкам, сидящим на женской скамье у торцевой стены, – пожилым воинам, умудрённым жизнью, тоже любопытно узнать, откуда взялся отрок и зачем он понадобился викингам. Уголёк любопытства жжёт даже охладелое сердце конунга, завершающего свой жизненный путь.

Наконец Хаскульд, заметив его взгляд, невольно брошенный на отрока, говорит:

– Я думаю, что теперь нам следует рассказать о Кукше¹⁴. Лучше всего это, пожалуй, сделать Тюру. Он ведь скальд¹⁵.

---

¹² *Гридница* – помещение для гриди – младшей дружины. В гриднице устраивались дружинные пиры.

¹³ Торговый город при истоке Волхова из Ильмень-озера. Так одним именем варяги называют четыре поселения – Словеньск, Славно, Прусы и Нерев, расположенные близ истока. А после того, как Рюрик построил в Словеньске новую крепость, Хольмгард все чаще называют Нов-городом.

¹⁴ *Кукша* – это лесная птица, то же, что роньжа, ближайшая родственница сойки. В дохристианские времена были очень распространены «птичьи» имена, любовь к ним сохранилась и после Крещения Руси – младенцам принято было давать наряду с крещальным ещё одно имя, и оно часто бывало «птичьим». Отсюда у нас так много «птичьих» фамилий. Имя «Кукша» носили двое русских святых, оба священномученики, пострадали в XII веке.

¹⁵ *Скальд* – поэт у древних скандинавов.

Тюр не заставляет долго себя уговаривать, он осушает только что поднесённый ему рог и начинает рассказывать.

Глава вторая. Первое знакомство с Кукшей

Рассказ Тюра

Собирали мы нынешней весной дань для ладожского конунга и приплыли в одну словенскую деревню. Угощение нам приготовили щедрое, мёд лился рекой. Однако дани оказалось маловато, нетрудно было сообразить, что жители решили восполнить мёдом недостаток белок и куниц.

Мёд мёдом, а дань данью. Не хотите отдавать добром, возьмём силой. Пошли мы по избам и клетям. Сунулись со Сваном в одну избу, а навстречу нам баба бешеная, встала на пути, кричит что-то, не пускает.

Если б это было не в Гардарики, мы бы её недолго думая убрали с дороги мечом, но там нельзя – конунг не велит людей зря убивать, они ведь как-никак его данники. Мы даже пригрозить той бабе не можем, не знаем толком по-ихнему, а она, того гляди, в глаза вцепится.

Стал её Сван оттаскивать, чтобы пройти, вдруг, откуда ни возьмись, выскакивает отрок – и на Свана. Да так бесстрашно! Он мне сразу понравился. Ах ты, волчонок, думаю, хороший волк из тебя со временем вырастет!

Я даже рассмеялся, когда он боднул Свана головой в живот и начал колотить его кулаками. Только Сван, как известно, до шуток не охоч. Быстро надоела ему эта забава, отшвырнул он отрока, отшвырнул бабу и хотел пройти. Глядь, отрок опять на него, только уже с топором. Тогда я вмешался, отнял у него топор. Там девчонки стояли – видно, сестры его, – велел им утащить отрока прочь, пока не поздно. Жаль мне его стало, ведь убьёт, думаю, его Сван!

Взяли мы всё, что отыскивали, и покинули ту деревню. Плыть дальше нельзя, на пути опасный речной порог, так что идём лесом, в обход порога. Вдруг слышу, позади меня что-то зазвенело. Оборачиваюсь – оказывается, в Сванов шлем камень угодил. Да увесистый, с гусиное яйцо будет! Несдобровать бы Свану, попади камень ему в лицо!

Камни не птицы, сами по лесу не летают. Гляжу, за кустами кто-то прячется. Я как увидел круглые серые глаза, сразу понял – опять тот отрок!

Бросился к нему Сван, лишь тогда отрок пустился улепётывать. Сван за ним в погоню, а мы сели ждать. Недолго, думаю, нам ждать, не уйти бедняге от Свана, другого такого бегуна, как Сван, может, во всей Норвегии больше нет. Сижу я, и грустно мне. Наверно, думаю, уже настиг Сван отрока, обнажил меч и рассек пополам маленького храбреца. Сейчас явится с окровавленным мечом.

Однако Свана всё нет и нет. Мало-помалу затеплилась у меня надежда, что он потерял мальчика в лесу. Ну что ж, поищет, поищет и вернётся. Ждём уже изрядно, кто-то говорит: «Не заблудился ли наш Сван, может, поискать, покликать?»

Вдруг в стороне от нас выскакивает из чащи мальчишка, рот разинут, глаза выкатились, бежит прямо к реке. Один из наших хотел было его подстрелить, я не дал. Не мешай, говорю, Свану, это его добыча.

Слышу приближается Сванов топот, а вот он и сам. Вылетает из чащи, меч обнажён, лицо багровое, на лице ярость, несётся вслед за отроком.

Бедняга уже на скале, а оттуда деваться некуда, потому что под скалой порог ревёт, и ярости в нём, пожалуй, не меньше, чем в Сване.

Не дал мальчишка себя зарубить, сам прыгнул в порог, на верную гибель, словно посмеялся над Сваном: оставайся, мол, ни с чем! Словом, поступил, как настоящий викинг.

Глава третья. Воскресение отрока

Продолжение рассказа Тюра

Не сразу мы тронулись в путь. Свану необходимо было выплеснуть гнев. Начал он рубить деревья. Долго рубил. Рычал, пеной плевался, совсем как порог, что украл у него жертву. Наконец устал, лёг и некоторое время лежал в бессилии, как бывает у берсерков.

Мы тем временем сели обедать, и разговор зашёл о погибшем отроке. Одни, как и я, жалели, что погиб такой храбрый мальчик. Другие возражали, что он, наоборот, трус и спятил от страха, иначе зачем бы ему загонять самого себя в ловушку, откуда нет пути, кроме как в гибельную стремнину.

Тогда я сказал:

– Он был не из тех, кто может спятить от страха, – я видел, как он защищал свою мать. Это был настоящий викинг в душе, и мне очень жаль, что он погиб.

Мудрый Хаскульд поддержал меня.

Наконец Сван пришел в себя, и мы тронулись в путь. Представьте себе наше изумление, когда, отыскав брод и переправившись через реку, на другом берегу мы увидели мальчишку! Он был цел и невредим, даже рубаха на нём была сухая. Он преспокойно спал, а в руке держал пращу¹⁶, заряженную хорошим камнем. Упрямый волчонок снова подстерегал Свана! Однако ждать ему пришлось слишком долго, и бедняга крепко уснул.

Наши парни подкрались к нему и схватили его. Вы бы поглядели, как он брыкался и вырывался! И тут его увидел Сван. Я участвовал со Сваном во многих битвах, но такой ярости, какая на него напала в тот раз, я, признаться, не видывал.

Выхватывает Сван меч и кидается к отроку. Ладно, Хаскульд помешал, а то бы наш берсерк сделал из мальчика начинку для пирога.

Однако викинги не поняли, почему Хаскульд заступился за отрока, иные даже начали ворчать. Пришлось Хаскульду объяснить.

– Кто мне растолкует, – спрашивает он, – почему духи реки вынесли мальчишку на берег живым и невредимым?

Все молчат, и Хаскульд говорит:

– Да потому что его гибель не угодна судьбе! Не очевидно ли, что отрок пользуется её особенной благосклонностью? А раз так, возьмём его с собой, и он принесёт нам счастье!

Хорошо иметь умного предводителя! Ведь каждый из нас изумился, увидев отрока спящим на берегу после пребывания в страшном пороге, – порог должен был изжевать его и выплюнуть обезображенный труп! Однако только Хаскульд сообразил, что отрок спасся неспроста, что сама судьба посылает его нам как знак своего расположения.

Кто посмеет пренебречь указанием судьбы? Могущественные боги? Но и самих богов судьба одаряет удачей или метит неудачей.

Каждый знает, что судьба может наделять людей разными видами счастья или несчастья. Есть люди, которым неизменно везёт в битвах, а есть такие, которых постоянно преследуют беды. Одни своим присутствием на корабле вызывают попутный ветер, другие навлекают бурю. Неудачников опасно иметь на судне, лучше сразу выбрасывать их за борт.

Наш найдёныш не погиб в страшной пасти порога и спасся от не менее страшного меча Свана – две такие удачи в один день внушают доверие.

---

¹⁶ Праща – древнее ручное оружие для метания камней.

У нас, как известно, особенно ценятся люди, вызывающие попутный ветер. Когда впоследствии мы убедились, что счастливый отрок наделён и этим видом удачи, я окончательно успокоился за его жизнь, потому что тут уж и Сван сменил гнев на милость.

Редок дар удачи —
Им судьба не щедро
Одаряет смертных
И бессмертных тоже.
Нам же послан отрок,
Что в воде не тонет,
Не страшится стали
И ветрами правит.

Теперь вы знаете, откуда у нас взялся этот отрок и зачем он нам. Однако нелишне будет рассказать о нём и ещё кое-что.

Глава четвертая. У ладожского князя

Продолжение рассказа Тюра

Пока плыли мы в Ладогу, привязался я к Кукше всё равно что к сыну. Сперва не желал он меня признавать. Бывало, подхожу к нему с лаской, а он, того и гляди, зарычит или укусит. Этим-то он мне и понравился. Зато, не скрою, я почувствовал гордость, когда он мало-помалу начал приручаться.

Вскоре убедился я: не зря мне казалось, что он может укусить руку, протянутую к нему с лаской. Приплыли мы в Ладогу и сразу попали на пир. Одд Стрела, ладожский конунг, встретил нас приветливо, Хаскульда и меня усадил на почётное сиденье рядом с собой. Другим тоже оказал всяческую честь.

Полюбопытствовал он, конечно, что за отрок с нами. Когда поведали мы ему о Кукше, конунг самолично приказал налить в самый красивый рог мёду и отнести Кукше: раз, мол, он воин, пусть пьёт.

Захотелось конунгу рассмотреть Кукшу поближе, и подозвал он его к себе. Кукша не робеет, подходит. Конунг улыбается, берёт его за подбородок, и тут Кукша выхватывает нож из ножен и всаживает его конунгу в руку.

Не понравилось мне, как конунг с Кукшей обошёлся, пнул он его, точно пса, хорошо ещё – не искалечил. Вижу, Хаскульду это тоже не понравилось. Однако промолчали мы.

Только начались у нас с конунгом с того раза нелады. Кто-то нашептал ему, будто Хаскульд утаил часть конунговой дани. Дальше – больше. Кончилось тем, что покинули мы конунга, уплыли из Гардарики.

Жаль было оставлять Гардарики. Благословенная страна! Нигде нет столь дешёвых рабов, нигде нет такого изобилия драгоценной пушнины. Серебро и золото с Востока щедро течёт в Гардарики! Мёду, подобного тамошнему, нет на всём свете! А какие там рабыни!

Одно плохо – жизнь чересчур спокойная. Викинг нет-нет да и затоскует по морю, по набегам, по сражениям. А там, того и гляди, моль паруса побьёт¹⁷. Мы с Хаскульдом давно уже собирались их проветрить. Но не уплыли бы мы оттуда навсегда, кабы не распря с Оддом. Впрочем, есть тому и ещё одна причина, более важная.

Спору нет, Одд Стрела – доблестный вождь, настоящий морской конунг, избородил все моря. Особенно знаменит он как лучник. У него полон тул¹⁸ заколдованных стрел, на каждой магические руны¹⁹ начертаны. От его стрелы никто не может уйти. Не зря он зовётся Одд Стрела.

Однако викинг должен, как видно, хоть время от времени выходить в море. От морской соли крепнет сердце. А тому, кто позволяет себе расслабиться, судьба перестает посылать удачу. В последнее время нам с Хаскульдом стало казаться, что счастье оставило Одда Стрелу.

И, конечно, не случайно Кукша ударил ладожского князя ножом, это судьба Кукшиной рукой пометила Одда Стрелу знаком неудачи. Рассудили мы, что плохо кончит ладожский конунг и незачем нам делить с ним его несчастливую судьбу.

---

¹⁷ Паруса у викингов были шерстяные.

¹⁸ Тул – колчан.

¹⁹ Руны – древнегерманские, преимущественно древнескандинавские, письмены.

Глава пятая. Кукшины побеги

Продолжение рассказа Тюра

Впрочем, я взялся о Кукше рассказывать, а не о ладожском конунге.

Истинную правду говорил Хаскульд, что судьба бережёт Кукшу. Пока мы были в Ладоге, он дважды пытался бежать. Один раз ночью он слез по наружной стене крепости, не имея ни верёвки, ни лестницы, а когда стал спускаться по крутому земляному валу, сорвался. Любой другой непременно сломал бы шею, а ему хоть бы что! Мы ходили смотреть то место – верная гибель!

Другой раз он спустился из крепости по верёвке, сел в лодку и поплыл. На следующий день к вечеру мы его нагнали. Как видите, опять ему повезло – ведь пока он плыл, его могли поймать какие-нибудь бездельники и продать в рабство. А если бы ему и удалось добраться до дома, он сгинул бы в неизвестности, теперь же его ждёт будущее знаменитого воина.

Но самое удивительное случилось позже, когда мы уже покинули Ладогу.

Остановились мы на ночлег на реке Неве неподалеку от финской деревни. Сходили в деревню, купили мёду. Кукшу я, по обыкновению, брал с собой. Из предосторожности ночевали мы на корабле, на якоре, отойдя немного от берега. Тамошние жители – народ воинственный, при случае и сами не прочь пограбить. Просыпаемся утром – Кукши нет.

Вспомнил я, что жена старейшины, которая нам мёд продавала, разговаривала с Кукшей. Наверно, она и сманила его. Приходим в деревню, говорим старейшине: мы-де хотели бы сохранить со здешними жителями мир да любовь и ожидаем от жителей того же. Поэтому мы просим вернуть нам похищенного отрока.

Старейшина отвечает, что ему ничего не известно о похищении. Он уверен, что отрока в деревне нет, ибо люди его рода не могли что-нибудь предпринять без его ведома. Чтобы у нас не было сомнений, он предлагает нам обыскать деревню.

Обыскали мы избы, облазили клетки да амбары и ни с чем вернулись на берег. Однако все уверены, что Кукша где-то здесь. Скорее всего, его спрятали в лесу. Но лес велик, его не обшаришь.

Устроили мы совет, как быть: плыть дальше, смирившись с потерей Кукши, или напасть на деревню и заставить её вернуть отрока?

Всем было ясно, что предстоящие походы в богатые западные земли без Кукши не будут столь удачны, как с ним. К тому же все мы успели привыкнуть к нему и особенно сильно почувствовали это, когда потеряли его.

Самые воинственные предлагали немедленно отомстить финнам – напасть на деревню, жителей перебить, имущество разграбить, а деревню сжечь. Кто-то из более осторожных напомнил, что в Ладоге говорят, будто у здешних финнов есть в тайных местах особые била, вроде огромных барабанов, которыми финны в случае нападения подают весть соседям. Весть мгновенно облетает всех единоплеменников, и жители окрестных деревень спешат на помощь своим. Как бы не попасть в беду, ведь вся Нева в их руках.

Хаскульд, как всегда, предложил мудрое решение. Он сказал:

– Устроим погром ночью. Внезапное ночное нападение сулит верный успех и наименьшие потери. Сейчас мы снимемся с якорей и пройдем немного вниз по реке, пусть финны думают, что мы уплыли своей дорогой. Тогда им уже незачем будет прятать Кукшу. А мы в укромном месте дождемся ночи, вернемся и нападём на деревню. Зажжём несколько домов, чтобы было светло, и начнём убивать и грабить. Я уверен, что мы найдем там и Кукшу. Покончив со своим делом как можно скорее, мы без промедления тронемся в путь и утром будем

уже в море. И пусть хоть все финны этой страны, а вкупе с ними и словене и кто угодно ополчатся на нас!

Большая часть викингов одобрила предложение, но всегда есть и такие, которые сомневаются. Кто-то спросил Хаскульда:

– Разве не чёрное дело убивать ночью?

Хаскульд и тут нашёлся. Он засмеялся и сказал:

– Не знал я, что в наши дни кто-то ещё может принимать в расчёт подобную чепуху. В старые времена глупые люди верили, правда, что ночное убийство – дело незаконное. Но разве великий Годфред не ночью разорил поморский Рерик? И разве Олав дожидался утра, чтобы сжечь Зеебург?

Не тратя больше времени на разговоры, мы подняли якоря и поплыли вниз по реке, чтобы найти место для стоянки.

Не успели мы приготовить обед, глядим: мимо нас Кукша в лодке плывёт и так гребёт, будто за ним тролль гонится. Окликнули мы его в берестяной рупор и ждём, как он себя поведёт. Он сразу, не задумываясь, к нам повернул. Ага, значит, нас он и искал. Не стану скрывать, обрадовались мы, словно сто лет не видались. И он тоже...

Тут Тюр с улыбкой взглянул на отрока и замолк.

Глава шестая. Харальд и Кукша

Викинги подарили конунгу Хальвдану парус для большого боевого корабля и много драгоценных соболевых и бобровых шкурок из Гардарики. Конунг был весьма доволен подарками. Он предложил всем гостям, у которых нет каких-либо важных и неотложных дел дома, остаться у него на зиму.

Кукша нравится Хальвдану. Старый конунг быстро понял, что викинги не ошибаются, видя в отроке будущего доброго воина. Конечно, в его возрасте все мальчишки любят воинские упражнения и готовы целый день махать деревянными мечами, разбившись на пары или на отряды по несколько человек. Но такой одержимости в постижении воинского искусства, какую проявляет этот словенский отрок, конунг не видывал, пожалуй, за всю свою долгую жизнь.

У конунга есть сын по имени Харальд. Харальд и словенский отрок примерно одного возраста. Харальду очень полезно иметь для воинских упражнений такого сильного противника.

Мальчики, кажется, уже подружились. В этом тоже нет ничего плохого. Такая дружба нисколько не унижает достоинства будущего конунга. Отрок не раб, хотя и пленник. Сами викинги, похищая Кукшу, не предназначали его для рабской доли. Сказать по правде, из таких зверёнышей и не получается хороших рабов.

Мудрый старый конунг, чью власть скоро уже унаследует его сын, знает, как дорог в этом беспокойном мире такой дружинник, который с малых лет привык любить своего вождя и видит в нём скорее друга, нежели господина. А в Кукше хорошо ещё то, что у него в этой стране ни роду, ни племени – словом, никакой опоры и никаких привязанностей. Такой человек будет особенно предан своему конунгу.

Харальд, гордый и вспыльчивый, на диво сдержанно переносит ловкие удары, наносимые Кукшей. Вспыхнет, закусит губу и продолжает сражаться, только делаясь более внимательным и осторожным.

Конунг Хальвдан, который иногда наблюдает за их поединками, с удовольствием видит, как его сын, учась воинскому искусству, одновременно учится житейской мудрости. Да, да, всегда рассчитывать, никогда не поддаваться ослепляющей силе гнева! Что ж, это утешительно, после его смерти власть попадёт в надёжные руки!

В словенском отроке старые опытные воины сразу отметили, помимо ловкости, ярость, овладевающую им во время боя. Иной раз ему не хватает одного деревянного меча на поединок – он разбивает его в щепки о щит противника. Воины переглядываются и одобрительно покачивают головами. Мурманы ценят и искусство боя, и воинскую страсть.

Гутторм, дядя Харальда по матери, его воспитатель и главный наставник в воинском деле, считает, что воин должен, помимо меча и секиры, в совершенстве владеть копьём и метко стрелять из лука. И Харальд с Кукшей мечут копье, изо всех сил колют им соломенное чучело или можжевёловый куст и стреляют в цель из лука.

У Харальда есть собственный настоящий меч, хотя Харальд не посвящен пока что в мужчины и, значит, не имеет права носить меч на поясе, как воин. Меч откован из самой лучшей стали, только размером поменьше взрослого. Мальчики по очереди с азартом рубят прутья Харальдовым мечом.

На родине Кукша слыл среди отроков искусным прашником. Он и здесь не забыл любимую прашу, обучил своему искусству Харальда, и, скитаясь по окрестностям, они редко пропускают какое-нибудь дерево, чтобы не метнуть в него камень, благо камней в Норвегии ничуть не меньше, чем на родине Кукши.

Дружба мальчиков крепнет день ото дня. Их редко видят врозь. Харальд выразил желание ночевать вместе с Кукшей в гостевом доме, где живут викинги, и отец охотно разрешил ему это – пусть сын побольше бывает с воинами и поменьше с женщинами.

Теперь Харальд и Кукша спят рядом, едят вместе и подолгу где-нибудь пропадают вдвоём. У Харальда есть брат Хельги, он младше Харальда и, конечно, таскается за старшими мальчиками, как тень. Харальда это очень сердит, и, несмотря на заступничество Кукши, он безжалостно прогоняет младшего брата.

Это мало помогает, и друзьям приходится убегать тайком от него в лес или на берег моря. Но лучше всего незаметно для брата пробраться в огромную сумрачную оружейную. Хельги никогда не догадывается туда заглянуть – ещё бы, ведь оружейная стоит в усадьбе на самом виду! Однако дело не только в том, что там удобно прятаться от Хельги. Им нравится самый воздух оружейной...

Все стены её увешаны оружием и доспехами. В стропила кровли, как и в стены, вбиты кованые крюки и гвозди, на них висят щиты, кольчуги и шлемы...

Давно уже не было войн, и оружейную никто не посещает, тут и там виднеются нетронутые кучки земли – это кроты без помех роют свои норы.

Мальчики сидят на древних, источенных неутомимым точильщиком и временем сундуках, в которых хранятся смазанные бараньим салом мечи, секиры и наконечники для копий. Среди мурманов Кукша быстро выучился варяжскому языку, и теперь они с Харальдом ведут бесконечные беседы, рассказывают друг другу сказки и мечтают.

Приходя в оружейную, Кукша разглядывает висящую на балке старую кольчугу, превосходящую остальные размером и более прочих потемневшую от пыли и ржавчины. Видно, её перестали чистить ещё в незапамятные времена. Однажды Кукша решается спросить, чья это кольчуга.

Харальд говорит, что кольчуга принадлежала его предку Ингви-Фрейру²⁰, богу, от которого произошли Инглинги, род конунгов, правящих ныне в Норвегии и Швеции. Сыновья и внуки Фрейра, люди весьма могучего телосложения, ещё пробовали надевать Фрейрову кольчугу, но всем она оказывалась велика, и в конце концов её перестали примерять. Так она и висит теперь без дела.

Харальду нравится, когда Кукша рассказывает о своей жизни на родине. Его рассказы о Гардарики совсем непохожи на рассказы викингов о ней. Оно и понятно, ведь викинги были в том краю чужеземцами, а Кукша там родился и вырос.

Особенно оживляется Харальд, если Кукша вспоминает о драках или об охоте. К охоте Кукшу отец начал приучать с малолетства и брал его с собой, даже идучи на медведя. А что касается драк, то по Кукшиным рассказам выходило, что мальчишки в Домовичах дерутся постоянно.

Сам Харальд больше всего говорит о своих мечтах, а мечтает он о викингских походах. Ему нужны несметные сокровища – добыть же их, как известно, легче всего морским разбоем.

С восхищением рассказывает Харальд о том, как викинги разграбили и сожгли богатые города юга. Знаменитый датский морской конунг²¹ Рагнар Кожаные Штаны лет пятнадцать тому назад поднялся по реке в глубь земли франков и разорил там славный город Париж. Другие храбрые викинги тоже постоянно разоряют города франков и разных иных народов.

Харальд слышал, что где-то далеко-далеко на юге есть сказочный город Рим, он во много раз больше и богаче Парижа. Считается, что Рим – величайший и прекраснейший город мира. Заветная мечта Харальда – разграбить и сжечь этот знаменитый город. Вот откуда можно привезти богатую добычу и громкую славу!

---

²⁰ *Ингви-Фрейр* – скандинавский бог плодородия и мира.

²¹ Предводитель большой шайки викингов, объединявшей несколько шаек.

Харальд сможет отправиться в поход, когда ему стукнет двенадцать лет – с этого возраста мурман считается мужчиной и имеет право носить на поясе меч.

Мальчики часто бродят по лесу с луками и пращами, упражняются в меткости, охотясь на мелкую дичь. Однажды на закате они вышли на поляну неподалеку от конунговой усадьбы. На поляне возвышался курган. Харальд сказал:

– Знаешь, кто здесь похоронен? Моя бабка, королева Аса. Она умерла, когда меня ещё не было на свете. Говорят, она умерла молодой и красивой.

Помолчав, он добавил:

– Видишь, какой большой курган? Её похоронили в корабле, потому что она была знатная женщина, и дали в дорогу всё, что нужно для жизни в загробном царстве. Даже любимую служанку закопали вместе с ней.

– Живую? – с ужасом спросил Кукша.

– Да.

Кукша смотрит на тёмный курган, за которым пылает жёлтое закатное небо.

– Как ты думаешь, – спрашивает он, – твоя бабка со своей служанкой и сейчас там?.. Или в загробном царстве?

Харальд задумывается. Такой вопрос никогда не приходил ему в голову. Известно, что знатного человека хоронят в корабле, повернутом носом на юг, к морю, чтобы покойный, когда положено, мог отправиться в путь. Но, с другой стороны, все знают, что покойники иногда выходят из своих могил. Так было, например, и с бабкой Асой.

– Не знаю, – отвечает Харальд. – Думаю, что сейчас их там нет. Но, когда надо, они возвращаются.

– А когда им бывает надо? – тихо спрашивает Кукша, глядя на курган.

– Когда дело какое-нибудь есть.

– А какое у них здесь может быть дело? – снова спрашивает Кукша.

– Чудной ты! Разные могут быть дела... Вот, к примеру, в ночь, когда я родился, бабка Аса вышла из кургана. Знаешь зачем?

– Нет.

– Затем, чтобы сказать вису²²:

Ныне родился
Конунг великий.
Харальдом будут
Звать его люди.
Землю норвежскую
Всю воедино
Он под своею
Рукой соберёт.

– Это она про кого? – спросил Кукша. – Неужто про тебя?

– А то про кого же? – ответил Харальд и приосанился. – Отец владеет четырьмя областями, а я буду владеть всей страной. Такого конунга в Норвегии ещё никогда не бывало!

Кукша восхищенно восклицает:

– Вот это да!... Здорово, ничего не скажешь!

Когда они покидают поляну, Кукша оглядывается на курган.

Там зарыт живой человек...

---

²² *Visa* – стихотворение из восьми строк, которое сочинялось на случай.

Глава седьмая. Сёстры Харальда

Наступила зима. Сыплет мелкий густой снег, и кажется, что над каменистыми холмами, над лесами, над конунговой усадьбой просто висит сырая белая мгла. Но прямо на глазах растут, словно разбухают, сугробы вокруг домов и хозяйственных построек, все тяжелее становятся снежные шапки на крышах. По утрам иной раз приходится лопатами прокладывать дорожки, чтобы попасть в конюшню или в кладовую.

С наступлением холодов Харальд и Кукша реже бывают в оружейной, потому что она не отапливается. Зато они чаще заходят в кузню, там всегда пышет жаром от горна. Они подолгу наблюдают за работой кузнецов, которые обращаются с раскалённым железом ловко и уверенно, не хуже, чем женщины с тестом.

Но особенно уютно по вечерам в девичьей горнице. Там собираются конунговы дочери и служанки. Они прядут или ткут. Сёстры Харальда – белокурые румяные девушки. У них длинные распущенные волосы, которые они старательно расчёсывают. Голову поверх волос они повязывают лентой, расшитой золотыми нитями, бисером или драгоценными камнями. Лента эта не только для красоты, её повязывают прежде всего затем, чтобы волосы не мешали работе. На руках у сестёр золотые и серебряные запястья, пальцы унизаны перстнями.

Они кажутся Кукше красавицами, но больше всех ему нравится Сигню, которая с ним ласковее других. Она уже совсем взрослая, ей двенадцать лет, поэтому она относится к нему покровительственно.

Хотя девушки – конунговы дочери, они много работают: сидят за прялкой или ткут на кроснах²³ льняные и шерстяные ткани. Сестры очень весёлые и часто рассказывают смешные случаи или затевают шутливую перебранку.

Но поздно вечером, когда вся усадьба засыпает, здесь звучат страшные истории и сказки. Девушки к этому времени перестают работать, вооружаются старыми тупыми ножами и начинают искать друг у друга в голове.

Коптят и потрескивают льняные светильни в жировых плошках²⁴. Сигню сидит на лавке, а Кукша стоит перед ней на коленях, уткнувшись лицом в подол её платья, и цепенеет от блаженства, когда Сигню ножом раздвигает его густые жёсткие волосы у самых корней.

Как сладко замирать от её прикосновений и от страха, слушая рассказы о назойливых покойниках, что выходят из своих могил и мешают людям спокойно жить, или о горных чудовищах троллях, которые любят тёплую человеческую кровь! Мало-помалу он погружается в омут сна и оказывается дома, голова его лежит на коленях у старшей сестры Денницы, и она чешет ему голову ножом. Потрескивает лучина и с коротким шипением гаснут искры в корыте с водой.

В углу обиженно мычит телёнок, которого разлучили с коровой и внесли в избу, чтобы он не замёрз в хлеву. Входит Кукшина мать, ставит на лавку большой горшок с вечерним удоём. Пахнет парным молоком.

Сейчас Кукша выпьет чашку молока и залезет на полати²⁵, на медвежьи и овчинные шкуры. Он будет уже засыпать, когда сёстры тоже влезут на полати и Денница, как обычно, ляжет возле него. А может, это не Денница, а Сигню? Хорошо бы они обе всегда были рядом с ним.

Потом всё пропадает, нет больше ни Денницы, ни Сигню. Какая-то неодолимая сила скосывает его по рукам и ногам, на груди он ощущает неимоверную тяжесть. Он кричит в отчая-

---

²³ *Кросна* – ткацкий станок.

²⁴ *Плошка* – низкий плоский сосуд, большей частью глиняный.

²⁵ *Полати* – помост в избе от печи до противной стены.

нии и просыпается. Кукша лежит на лавке, на нём сидит Сигню, она заливается громким смехом. Кругом хохочут её сестры и служанки.

Спросонья все они кажутся Кукше сказочными колдуньями. Сигню хохочет громче всех, зубы у неё белые, как творог. Глаза, прозрачные, с темной обводкой, сверкают. Хохоча, она раскачивается и запускает пальцы в волосы Кукши, будто собирается оторвать ему голову.

На шее у Сигню на золотой цепочке болтается крохотный мешочек из тонкой козловой кожи. Она говорила как-то, что в мешочке особый заговорённый корешок, который предохраняет от злого глаза. Корешок ей дала одна старая колдунья, финка.

Кукша хочет подняться и не может шевельнуть ни рукой, ни ногой. «Разве сама она не колдунья? – со страхом думает он. – Колдунья и есть, только не старая, а молодая и красивая». И Кукша робко просит Сигню расколдовать его, чтобы он мог встать.

Хохот становится таким громким, что, того и гляди, обвалится крыша. Понемногу Кукша приходит в себя, остатки сна улетучиваются, и он обнаруживает, что, пока он спал, его привязали к лавке. Кукша смущённо улыбается и, глядя на смеющуюся Сигню, тоже начинает смеяться.

Сигню отвязывает его и говорит:

– Крепко же ты спишь! Мы тебя привязали и начали звать: Кукша, вставай! А ты хоть бы что! Кричим тебе в уши, а ты не просыпаешься. Потом мне надоело, что ты спишь, и я села на тебя. А ты так страшно закричал во сне, что я даже испугалась!

Кукша глядит на Сигню – какая она красивая, какое у неё доброе, весёлое лицо, неужели она только что казалась ему сказочной колдуньей?

Глава восьмая. Посвящение

Дни становятся всё светлее. Позади праздник Юль – середина зимы. В этот день конунг Хальвдан принёс обычную жертву – откормленного коня, чтобы умолиť Солнце поскорее вернуться.

Дети наряжались маленькими духами гор, воды и полей, водили хороводы, славили Солнце и звали его поскорее вернуться с весной, теплом и зеленью. Взрослые надевали козлиные шкуры и кружились в неистовой пляске, посвященной Солнцу. Праздник завершился весёлым пиром, в котором участвовали все от мала до велика.

С приближением весны у викингов только и разговоров, что о походах в богатые западные и южные земли. По всей Норвегии идёт молва о Хастинге – морском конунге мурманского роду-племени, который обосновался в Дублине и оттуда совершает набеги на западные берега франкской земли.

Хастинг не грабит малой шайкой, у него целый флот, и он, подобно Рагнару Кожаные Штаны, имеет возможность нападать даже на большие города. Это вождь великой храбрости и редкой удачливости, а по красоте и обходительности ему нет равных. Говорят, будто никто никогда не слышал от него ни единого грубого слова.

Надоела зима бородатым морским разбойникам. В нетерпеливом ожидании весны то и дело кто-нибудь принимается точить и без того острый меч, чистить сверкающий шлем. Не в радость уже пиры и охота – первое развлечение мужчин.

Однако по утрам всё чаще слышен звон сосулек, намерзающих под стрехой²⁶. Скоро, скоро уже придёт пора конопатить и смолить корабли, которые пока что отдыхают от бурь и походов в длинных корабельных сараях! Иной раз чернобородый Тюр вздохнёт и скажет Кукше мечтательно:

– Повезло тебе, парень. Мальчишкой побываешь в невиданных странах! Иные по сто лет живут, а дальше своей овчарни ни шагу!

Молчит Кукша, а сам думает: «Дались мне ваши невиданные страны!» И вспомнит родные Домовичи. Как-то там сейчас! Матушка, чай, все глаза проплакала по единственному сыну. И милые его сёстры зимними вечерами небось не слюной, а горячими слезами смачивают кудель, сидя за прялкой. Сам он не плакал ни разу, с тех пор как увезли его мурманы. Иной раз так хочется, но он ни-ни! Ведь он давно уже взрослый.

Викинги тоже так считают. Они рассудили, что Кукше должно быть уже не меньше двенадцати лет и пора посвятить его в мужчины. Изнывающие от безделья воины рады развлечению, все они принимают участие в подготовке к торжественному действу.

По их заказу местные оружейники изготавливают для Кукши круглый варяжский щит с медными бляшками. Серебряник спешит выковать ко дню посвящения шейную серебряную гривну²⁷ с молоточками бога Тора. Хотели викинги заказать для Кукши и кольчугу, но раздумали – тяжела она для неокрепших отроческих костей.

В сундучке Тюра лежал сарацинский²⁸ шлем, весь изукрашенный золотыми узорами и непонятными сарацинскими письменами. Тюр раздобыл его на Волге. Шлем не лезет ни на кого из викингов, он хранится у Тюра как красивая игрушка. С двумя суконными подшлемниками шлем пришёлся Кукше впору, и Тюр счастлив, что может подарить его отроку к посвящению.

Конунг Хальвдан Чёрный ради такого случая выделил из своих оружейных запасов меч доброй франкской работы. Его когда-то привезли из похода, он несколько короче обычного,

---

²⁶ *Стреха* – край крыши.

²⁷ *Гривна* – металлическое шейное украшение в виде обруча.

²⁸ *Сарацины* – мусульмане, главным образом арабы.

и о причинах этого было много споров. Одни считали, что, по-видимому, какой-то богатый франк заказал меч для своего малолетнего сына, чтобы тот сызмала привыкал к хорошему оружию, другие полагали, что просто меч принадлежал франку маленького роста. А кто-то возражал, что франки тут ни при чём, что это ромейский²⁹ меч, какими-то путями оказавшийся во франкской земле, где он и попал к викингам в числе прочей добычи. Так или иначе, он Кукше покуда больше подходит, чем обычный викингский меч.

В один прекрасный вечер, в ту пору, когда румяные сумерки незаметно растворяются в синеве и над полоской зари загорается первая звезда, из усадьбы выходит вереница людей. Возглавляют и замыкают шествие воины со смоляными свечками.

Под подошвами сапог хрустит наст. Один из воинов несёт петуха, и петух недовольно квохчет. Шествие направляется вверх по склону холма. На его вершине, на поляне, окружённой старыми корявыми соснами, стоит идол Одина.

Среди идущих нет рабов, нет зависимых людей, нет женщин, здесь только свободные мужи, только воины. Вон тот седой муж с длинной бородой и длинными волосами, на котором драгоценный багряный плащ, подбитый бобром, сам конунг Хальвдан Чёрный. Его окружают немолодые дружинники, долгие годы разделявшие с ним все превратности судьбы.

Достигнув вершины холма, воины заполняют поляну, обступают Одина. У идола только один глаз. В ушах у него висят большие серьги, усыпанные сверкающими камнями, на шее несколько золотых гривен, руки унизаны серебреными запястьями.

Полоска зари на западе угасла, и одноглазый Один, освещаемый колеблющимся пламенем свечек, кажется грозным и страшным. Выхваченные огнём из темноты, стволы и сучья сосен похожи на обнажённые человеческие тела, сведённые судорогой страдания. Глядя на них, невольно вспоминаешь о человеческих жертвах, приносимых здесь на огромном камне у подножия идола.

Кукше указывают его место – перед лицом Одина, близ камня-жертвенника. Кукша здесь единственный, кто стоит с непокрытой головой. Его обходят четыре воина, они совсем юные, едва переступившие отроческий возраст, у каждого из них в правой руке яркий, только что зажжённый свечок. Юноши становятся с четырёх сторон от Кукши – с севера, востока, юга и запада – и замирают в неподвижности.

Воцаряется тишина, которую нарушает лишь потрескивание горящих свечек и квохтанье петуха.

К Кукше медленно приближается конунг Хальвдан, в руках у него большие ножницы. Он поднимает с Кукшиного затылка прядь волос и отстригает её. После этого конунгу подносят меч на широком узорном поясе. Конунг отдаёт ножницы, принимает меч и собственноручно препоясывает им Кукшу.

Кукша чувствует, как широкий пояс подпирает ему нижние рёбра, от чего он кажется себе выше и стройнее. У старого конунга не сразу получается застегнуть большую блестящую пряжку. Кукша хочет помочь ему, но не смеет пошевелиться.

Наконец пряжка застёгнута. Теперь к Кукше подходит Хаскульд и вручает ему щит. Вслед за Хаскульдом выступает Тюр и надевает на обнажённую Кукшину голову блестящий сарацинский шлем.

Сейчас Кукше надо сказать то, что он выучил ещё накануне. В горле у него сухо от волнения, чужим голосом он произносит:

В битве не струсит,
Друга не выдаст
Тот, кто звенящим

---

²⁹ Римский.

Мечом опоясан,
В царстве подземном
Не место мужчине —
Ждёт его Один
В светлой Вальгалле.

Кукше подадут петуха и большой тяжёлый нож. Он должен отсечь петуху голову и вылить его кровь на жертвенник у подножия Одина. Звучит высокое тонкое пение рогов, ему вторят грубые голоса барабанов, похожих на дуплянки для мёда.

Отныне Кукша – мужчина, отныне он воин, теперь от него самого зависит добыть себе славу и богатство. Вереница воинов возвращается в усадьбу, там будет пир в честь новопосвящённого.

Кукше кажется, будто он не идёт по мёрзлому снегу, а плывёт по воздуху. Его переполняет гордость. Никогда ещё это чувство не владело им с такой силой.

Глава девятая. Харальд и Кукша братаются

Слушая разговоры викингов о том, как весной они отправятся в поход, Харальд хмурится. Сейчас, после посвящения Кукши в воины, ему ясно, что Кукша тоже уплывёт с викингами.

Однажды Харальд не выдерживает.

– Возьмите меня с собой! – просит он Тюра.

Озадаченный Тюр не сразу находит что ответить.

– Об этом не может быть и речи! – говорит он наконец.

– Почему?

– Тебя отец непустит.

– Ну, это мы ещё посмотрим!

И Харальд решительной походкой выходит из гостевого дома. Весь тот день его никто больше не видит, и в гостевом доме он не ночует. Понятно, что конунг Хальвдан отказал сыну. Наутро он всё-таки появляется.

– Весной, когда вы отправитесь в поход, – говорит он Тюру, – я убегу с вами. Отец всё равно простит меня, когда я вернусь с добычей и славой.

– Нет, – отвечает Тюр, – мы тебя не можем взять. Хаскульд не захочет ссориться с конунгом Хальвданом. Ты сам это должен понять.

Харальду нечего возразить, и он умолкает. Оставшись наедине с Кукшей, Харальд просит его:

– Не ездь в поход, останься со мной, мне будет скучно без тебя. Подождём, пока мне исполнится двенадцать лет, и отправимся вместе.

– Что ты! Они нипочём не оставят меня! – отвечает Кукша.

– Но ведь ты не раб, хотя они и взяли тебя в плен! Это твоё дело – ехать или оставаться. Ты такой же гость моего отца, как и все другие.

– Да если я вздумаю остаться, они увезут меня насильно, как из моей родной Гардарики. Не для того они меня сюда тащили, чтобы поселить в вашей усадьбе.

– Я спрячу тебя, – продолжает уговаривать Харальд, – и им придётся уплыть без тебя.

– Они спросят про меня у конунга, и он всё равно выдаст меня.

– А я, – подхватывает Харальд, – попрошу отца не отпускать тебя, я скажу ему, что ты мне нужен, что ты мой будущий дружинник. Ведь ты теперь свободный муж и волен служить кому захочешь. Вот увидишь, отец послушается меня. И пусть они посмеют украсть тебя, как украли в твоей Гардарики!

– Нет, нет! – испуганно восклицает Кукша. – Только не проси отца!

– Почему? – удивлённо спрашивает Харальд.

– Не проси его меня оставлять! – умоляет Кукша.

– Но почему?

Кукша молчит, угрюмо глядя в сторону.

– Почему?

– Мне надо быть в походе, – выдавливая из себя Кукша.

– Вот ты какой друг! – обиженно восклицает Харальд. – Подождать немного и отправиться в поход вместе со мной ты не хочешь, а с ними хочешь!

– Я должен быть с ними!

– Скажи почему, и я отстану от тебя.

– Не могу, – тихо, но твёрдо отвечает Кукша.

Глаза Харальда засветились любопытством. У Кукши есть какая-то тайна! Харальд не отстанет от него, пока не узнает, в чём дело! Однако упрямый Кукша не желает рассказывать.

Несколько дней Харальд пытался у Кукши его тайну, прибегая ко всяким уловкам и ухищрениям, но успеха не достиг. Наконец он смирился. Или сделал вид, что смирился. Однажды он предложил Кукше смешать кровь. Если два человека смешают в земле свою кровь, они станут братьями навек.

Харальд и Кукша идут в оружейную. Там они укрепляют в земле два испещрённых рунами копия так, чтобы наконечники скрещивались наверху, а между вкопанными в землю древками было расстояние в два шага, и выкапывают ямку как раз под скрещением наконечников. После этого они проходят рядом в образовавшиеся ворота, каждый надрезает левую ладонь и поливает кровью вырытую землю. Перемешав землю с кровью, они заполняют ямку этой землёй и выравнивают её так, будто здесь ничего не происходило. Потом они опускаются на колени, клянутся мстить друг за друга, как брат за брата, и призывают в свидетели всех богов. Встав, они подают друг другу руки.

Отныне Харальд и Кукша – побратимы. Отныне у них всё общее – и радость, и горе, они должны помогать друг другу в беде и, если надо, делиться последним, а также отныне у них нет тайн друг от друга.

Харальд больше не в силах терпеть, он сгорает от любопытства. Едва они выходят из оружейной и прикладывают к порезам снег, чтобы унять кровь, как он объявляет с торжеством в голосе, что теперь-то уж Кукша ему расскажет, что у него за нужда непременно отправиться в поход с викингами, – ведь теперь они побратимы и не должны ничего скрывать друг от друга!

Кукша ошеломлённо хлопает глазами. У него мелькает подозрение: уж не за тем ли только, чтобы вывести его тайну, затеял Харальд с ним побрататься? Нет, такого не может быть! Ведь каждый с пелёнок знает, что побратимство – дело нешуточное.

Однако делать нечего, Кукше приходится поведать своему побратиму обо всём, ничего не утаивая.

Никогда ещё Харальд не слушал его с таким вниманием. Он негодует, если Кукша рассказывает слишком торопливо или недостаточно подробно. В самых захватывающих местах он заставляет Кукшу замедлять повествование, перебивая его разными вопросами, чтобы подольше насладиться собственным волнением. Кукша уже многого не помнит и, сам того не замечая, придумывает подробности, чтобы украсить свой рассказ.

Глава десятая. Варяги в домовичах

Рассказ Кукиши

Дело было весной, рассказывает Кукша, возвращаясь я из лесу с грудой хвороста на волокуше, в деревне тихо, только куры квохчут да ребятишки малые играют. Мне играть некогда, с той поры, как отца убили, я и сею, и пашу, и сено кошу. Словом, вся работа мужская на мне – один ведь я мужик в семье остался. И другие мои сверстники так же. Мужиков-то почти всех без мала побили княжеские дружинники.

За что мужиков побили? А вот за что.

Притесняли нас сильно варяги – сборщики княжеской дани, с каждым разом всё больше и больше им давай. Не выдержали мужики. Однажды на сходке решили: побьём, мол, варягов, если опять потребуют больше прежнего.

Сказано – сделано. Весной приплывают варяги и требуют столько, что и захочешь отдать, да неоткуда взять. Мужики помнят уговор, побросали сохи да бороны, похватали копья да топоры и побили сборщиков. А которых живьём взяли, тех казнили по обычаю. Пригнули к земле два дерева, привязали руку-ногу к одному дереву, руку-ногу – к другому и отпустили. У нас всегда татей³⁰ так казнят.

На другой год присылает князь воеводу с дружиной – наказывать. Крепко бились мужики, однако сила солому ломит: почти все полегли. Так и осталась деревня без мужиков.

Возвращаясь я, значит, из лесу с хворостом. Вдруг слышу крик:

– Плыву-у-ут!

А кто плывёт, ясно: гости незванные-непрошенные. Гляжу на реку, река на солнце сверкает – больно глазам. Однако различаю: сверху идут четыре лодки, в каждой по две пары вёсел, по человеку на весле. Шибко гребут, скоро здесь будут. Народ высыпал из домов, все на реку глядят.

Погода утыкаются лодки носами в берег. Выскакивают из них варяги, народ рослый, как на подбор. У каждого щит, копье, меч и секира. Вдвое против прежнего стал посылать князь людей после того случая. Значит, вдвое больше народу надо поить и кормить.

Наш старейшина встречает варягов хлебом-солью, кланяется. Да и как не кланяться, коли знает он, что мало собрали домовичи беличьих и кунных шкурок, меньше того, что установил ладожский князь? А где взять установленное? Мужиков-то перебили, охотиться теперь некому.

Ведёт старейшина варягов в дом, там для них дань приготовлена и стол накрыт. Садятся варяги за стол, а снохи старейшины начинают обносить гостей хмельным мёдом да снедью. И долго ли так будет, неизвестно – сколько захотят варяги, столько и прогостят – метлой ведь их не выметешь.

Попировали варяги, стали дань смотреть, и, конечно, мало им показалось, говорят: давайте ещё столько же. Старейшина опять кланяться, упрашивать: нет, мол, больше, неоткуда взять. А те и слушать не хотят, – не дадите добром, сами найдём, где взять! – разделились по двое и пошли шарить по избам да по клетям.

Я на дворе был, когда к нашему дому двое подошли. Один чёрный, с горбатым носом, другой великан с рыжей гривой. Это были Тюр и Сван. Сван мне особенно не понравился – дух от него ненавистный. Однако стою, словно замороженный, и гляжу, как они к клетки подходят. В клетях-то одежда зимняя хранится. Вижу, Сван хочет в клеть войти, а матушка встала на колени перед дверью и не пускает его.

– Бояре, – говорит, – добрые! Пожалейте сирот, не забирайте одежды!

---

³⁰ Тать – вор.

Сван её, конечно не слушает, да и не понимает он по-нашему. Скалится, хватает матушку ручищей своей, вроде как играет. А матушка его руку отталкивает, своё твердит. Он снова тянется к ней, и вижу я, что матушка сердится! Оказывается, обижает её Сван!

Заревел я дурным голосом, бросился на Свана и что есть силы боднул его головой в живот. А у него под плащом железо. Ушибся я и пуще рассвирепел, колочу варяга кулаками по чём попало.

Рассердился варяг и отшвырнул меня. Потом матушку оттолкнул от двери, да так, что полетела она к избе на вёдра и ушаты. Вскрикнула матушка, гляжу, а из руки у неё кровь хлещет – напоролась она на топор.

Тут уж я совсем разум потерял, схватил тот топор и прыгнул на Свана. Однако Тюр меня поймал и отнял топор. Подскочили ко мне сёстры, потащили меня прочь, в избу. Я реву, вырываюсь, сёстры плачут, умоляют утихнуть: пожалей матушку, мол, и всех нас, кабы хуже нам не сделали.

Затих я помаленьку. Вижу, матушка в избу входит, рука у неё тряпицей завязана, а тряпица от крови намокла. Я уж больше не реву и не говорю ничего, только думаю: надо отомстить за родную кровь. Каждый знает, если кровные обиды, обиды рода, остаются неотомщёнными, душа рода начинает хворать, чахнуть и род может вовсе погибнуть. А ведь для человека нет беды страшнее. Лучше погибнуть самому, чем дать погибнуть роду.

Глава одиннадцатая. В засаде

Продолжение рассказа Кукиши

На другой день я с самого утра слежу за варягами. Наконец вижу, собираются в дорогу, деревенских коней навьючивают – ниже по реке порог, на лодке плыть опасно, нужно обходить посуху. А лодки через порог пустыми на верёвках сплавляют.

Побежал я в бор и затаился среди можжевёловых кустов близ тропки, по которой пойдут варяги. Размотал пращу, камень в неё заложил, жду. На поясе мешок висит, в нём запасные камни.

Надо, думаю, попасть Свану в рожу, раз он в шлеме и в кольчуге, иначе моя затея ни к чему. Я, ожидая, всё прикинул, предусмотрел – и чтобы ветки не помешали пращу раскрутить, и чтобы варяги меня раньше времени не заметили.

Сосны шумят, порог бушует, однако слышу – конские копыта по песку стучат, глухо так – тук, тук... Это варяги вьючных коней в поводу ведут. Ну, Кукша, готовься!

Показались копыта среди сосен, плывут, покачиваются над зарослями можжевельника, а самих варягов ещё не видать. Но вот и сами они – один за другим проходят по открытому месту.

Страшно ли было? Нет, не страшно. Коли боишься, и не берись за такое дело – сиди за прялкой или за кроснами.

Гляжу, вот и мой враг идёт. Раскручиваю пращу, отпускаю конец. И надо же было ему, шишку³¹ рогатому, споткнуться о сосновый корень! Камень мой вместо рожи его красной попал ему по шлему, зазвенело на весь бор, будто в гусли ударили.

---

³¹ *Шишок* – лесная нежить, сказочное существо, враждебное человеку.

Глава двенадцатая. Погоня

Продолжение рассказа Кукиши

Мне уже некогда другой камень в пращу закладывать – Сван не мешкает, сразу за мной припустился.

Бегу я в глушь лесную, слушаю, как позади сапожища топчут, а сам думаю: погоди, уже заманю тебя в дебри лесные, наиграюсь с тобой всласть, загоняю до седьмого пота, а потом и влеплю камень в рожу твою ненавистную.

Мне сперва показалось, что ему меня нипочём не догнать, я налегке, а на нём и шлем, и кольчуга, и даже щит болтается за спиной. Бегу себе, мешок с камнями у пояса рукой придерживаю, чтобы не мешал, даже веселюсь: сыграю, мол, я с тобой шутку, погоди маленько, шишок рогатый.

Слышу, топот вроде ближе становится. Я нажимаю. Однако Сван не отстаёт. Не знал я варягов, особенно этих, которых у вас берсерками зовут. Призвал на помощь Лешего. Помог он мне немножко. Там в одном месте узкий проход в можжевёловых зарослях. Я юркнул в него, а Сван застрял. Ну, и отстал он от меня чуть-чуть.

Камни мне мешать начали. Всё равно, думаю, не даст мне проклятый шишок метнуть в него камень. Отвязываю мешок, кидаю его назад через голову. Оглядываюсь, вижу, озадачил я его. Остановился он, поднял мешок, высыпал камни на мох. А как понял, что я над ним посмеялся, завыл, как дикий зверь, и опять за мной!

Без мешка бежать легче. Однако мне уже не до шуток, надо голову спасать. Леший больше не помогает. Поворачиваю назад к реке. А топот сзади не отстаёт... как будто рожь цепями молотят... До чего ж силён проклятый варяг! Сам-то я бегу из последних сил, дышу, как кузнечные мехи³², лицо горит, точно в жарко натопленной мовне³³ на полке.

Только бы, думаю, мне сейчас на варягов не выскочить. А далёко обегать их моченьки моей уже нет. Наконец увидели нас варяги. Гляжу, один варяг лук из налучника достаёт, стрелу из тула тянет. Конец, думаю. Однако другой его остановил. Уж не ведаю, меня ли пожалел или не захотел, чтобы тот помешал Свану самому меня прикончить.

Варяги смотрят на нас, смеются, что-то кричат, видно, подбадривают, точно мы со Сваном наперегонки бежим.

Из-за деревьев река в глаза светом ударила. Ну, кажется, ушёл я от рыжего. Выскочил на скалу, подо мной стремнина бурлит, пеной плюётся – в том месте скалы сжимают реку, тесно ей, она и бесится.

Наши домовичские ребята ту стремнину знают как свои пять пальцев: где нырнуть нужно, чтобы в вир³⁴ не затянуло, где перевернуться ногами вперёд, чтобы головой о камень не ударило. Мы туда летом ходим прыгать. Неведомо, кто и придумал эту забаву. Называется то место Отрокова стремнина. Гибнет ли кто-нибудь? А как же, конечно, гибнут. Только редко. Кто не очень ловок, тот ведь и не лезет.

Выскочил я, значит, на скалу, а прыгать боязно – вода в эту пору больно студёная. Однако думай не думай – прыгать всё равно надо. С той скалы пути уже больше никуда нет. Помянул я Сварога³⁵, главного бога нашего, помянул Водяного и прыгнул.

---

³² Мех – снятая целиком (дудкой) шкура, зашитая и обделанная для держания жидкостей, для поддувания воздуха в волынке или в горне.

³³ Мовня, мовница – баня.

³⁴ Водоворот.

³⁵ Сварог – славянское языческое божество, бог неба.

Глава тринадцатая. Варяжский пленник

Продолжение рассказа Кукиши

Обожгло меня, точно я в кипятке очутился. С непривычки чуть память не отшибло – я ведь никогда прежде в такую-то пору не купался. Однако одолел я всё же Отрокову стремнину.

Ниже по течению река опять становится шире, стремнина распадается на несколько потоков, тут её сила иссякает. Выбрался я из воды и по россыпи валунов перешёл на другой берег.

Выжал рубаху, повесил сушить на можжевёловый куст. Сам бегаю, прыгаю вокруг, чтоб согреться; сильно я продрог, вода-то холоднее, чем в ключе.

Влез на сосну, поглядеть, не блестят ли на том берегу варяжские шлемы, не мелькают ли копья. Нет, не видать, хотя должны бы уже показаться.

Пониже стремнины брод, там варяги перейдут на этот берег. Мне нужно подождать, пока они реку перебредут и дальше отправятся, а потом воротиться на свой берег – и домой. Видно, не судьба сегодня отомстить – подожду до будущего года, до нового их появления... Может, к тому времени что-нибудь понадежнее придумаю, да и подрасту маленько...

Жду-пожду, варягов нет. Рубаха моя высохла, надел я её. Когда согрелся и зубами-то лязгать перестал, опять начал думать про месть. Досадно мне, что не сделал я дела, жаль упускать проклятого варяга. Думал-думал и решил ещё раз попытать счастья у брода.

Отыскал два хороших гольша, пошёл к броду и сел ждать. Место там не такое удобное, как было в бору, да делать нечего. Метну, думаю, в рыжего шишка камень, покуда он реку перебредать будет, чтоб самому успеть удрать.

Удрать-то там просто. За сосняком болота начинаются, больно хороши там трясины. Я те болота насквозь знаю – мы туда за клюквой ходим. Если незнающий погонится за мной, то на свою погибель.

Солнышко греет, так хорошо, тепло, покойно, будто и нет на свете никаких варягов. Начинает меня долить дремота. Только бы не уснуть, думаю. А сон тут как тут.

Проснулся я, когда меня уже за руки схватили и над землёй подняли. Проспал я варягов!

Тащат меня, а я брыкаюсь, что есть мочи. Пустое это дело, конечно, руки-то у них не хуже, чем клещи. Однако что же мне ещё остаётся делать? Рычу я и всё вырваться норовлю, точно зверь из капкана.

С реки цепочкой поднимаются варяги, и в самом хвосте Сван. Увидел меня, глаза кровью налились, что у быка бодучего, хрипит, на губах пена. Выхватывает меч и кидается ко мне.

Тут Хаскульд как гаркнет что-то громовым голосом. Сван и ухом не повёл. Тогда Хаскульд швырнул ему под ноги щит, Сван споткнулся и упал.

Упасть-то упал, а меча из рук не выпустил, что значит воин! В тот же миг вскакивает и с воем кидается на Хаскульда. Тут подоспели остальные, сдавили его щитами, а Хаскульд вышиб меч у него из рук.

Мало-помалу Сван успокоился, и его отпустили. Дышит тяжело, будто на нём целый день пахали. Нагнулся, поднял свой щит. На него никто не смотрит. Больше уже он не пытается меня убить, спокойно прячет меч в ножны.

Не понимаю я, однако, с чего это Хаскульд за меня заступился.

Вижу, что и варяги не понимают. Глядят на предводителя, словно ждут, чтобы он рас толковал им, в чём дело. Иные хмурятся – недовольны, видать.

Хаскульд словно усмехается, а после говорит им что-то. Гляжу, варяги повеселели, головами кивают, улыбаются: видно, по сердцу им то, что он им сказал. И уж совсем дивное дело – на меня поглядывают ласково, точно я у них гость долгожданный. Лопочут мне что-то, только без толку, я ведь тогда ни слова не знал по-варяжски.

Плыву я в лодке с варягами и думаю: Эх, быть бы оборотнем! Обернуться бы вороном, полететь обратно в Домовичи, удариться оземь перед матушкой и обернуться опять отроком: здравствуй, родная матушка, вот он я! Не печалься, дай срок, я его ещё достану, шишка проклятого! Или шукой на время стать... Да, хорошо бы так-то... Только не всякий это может.

Везут меня неведомо куда. Уплывают назад пороги-перекаты, уплывают тихие плёсы. Берега проплывают мимо, словно прощаются со мной и торопятся назад, к моему дому. А дом-то от меня всё дальше и дальше, и на сердце тоска. Ведь пора жито³⁶ сеять, а я даже не знаю, что со мною будет!

Вот и устье, река Сясь, в неё впадает наша Тихвина. Сижу в лодке, и одно у меня дело: думать. За всю жизнь я столько не передумал, сколько за ту дорогу. Теперь я пленник. В рабство, наверно, меня продадут. Однако удивительно мне, что варяги так ласковы со мной, никто пальцем не заденет, есть дают что получше. Не слыхивал я, чтобы с рабами так обходились.

Тюр, тот добрее всех, – учит меня варяжским словам, нашёл мне одежонку потеплее, я ведь из дому в одной рубахе ушёл, следит, чтобы я наедался досыта. Не о каждом отец родной так печётся, как чернобородый Тюр обо мне.

Только рыжий Сван косо на меня поглядывает, однако и он ничего плохого мне не делает.

А я всё думаю, думаю: о матушке, о сёстрах, о погибшем отце, о роде домовичей. Кто же теперь будет мстить за обиды нашего рода? Я вон попытался, и ничего у меня не вышло. Может, я мал ещё и взял на себя дело не по силам? Много слышал я песен и преданий про подвиги местников³⁷ за наш род, но не слыхал, чтобы там говорилось про отроков вроде меня.

И решил я убежать при первом удобном случае. Вернусь, думаю, в Домовичи, подрасту, стану настоящим сильным воином, а тогда разыщу Свана и убью его.

---

³⁶ *Жито* – всякий хлеб в зерне; на юге нашего отечества так ещё называют рожь, а на севере – ячмень.

³⁷ *Местник* – то же, что мститель.

Глава четырнадцатая. Ладога

Продолжение рассказа Кукиши

Плывём мы вниз по реке Сяси, смотрю, она становится всё шире и шире. Только что было тихо, солнышко припекало, а тут, откуда ни возмись, потянуло свежим ветром. Глянул я вперёд, а берега не видно, только вода и небо. Догадался я, что это великое озеро Нево.

И чернобородый Тюр показал туда рукой и говорит:

– Нево!

На том озере волны не хуже, чем на море. Едва вышли из Сяси, налетел такой ветер, что наши лодки даже на берег повыбросило. Хорошо, там камней не было, песок один, а то бы разбило в щепки.

Переждали ветер, вошли в устье большой реки и поплыли вверх по течению. Тюр говорит мне:

– Волхов!

И про эту реку я слышал. Говорят, она прежде называлась Мутная, потому что она и вправду мутная.

По берегам Волхова лес не тянется сплошной стеной, как у нас, то и дело нивы да деревни попадают. Недолго мы там плыли, глядь – за излучкой – детинец³⁸: крутой земляной вал, на нём рубленые стены и башни. Кругом домики. Посады³⁹. Тюр говорит:

– Ладога!

Так вот где, думаю, сидит ненасытный варяжский князь, которому, сколько ни собирай куниц да соболей, всё мало!

Подплываем мы к Ладоге, а там по берегу лодок да кораблей видимо-невидимо! Дивно мне: я таких больших судов сроду не видывал, да ещё у каждого на носу на длинной шее голова страшная скалится. Оторопь меня взяла: уж не сам ли чародей Волхв тут по-прежнему княжит?

Что за чародей? А вот послушай. В незапамятные времена пришёл на берега этой реки с берегов Варяжского моря великий муж по имени Словен и сел там с родом своим. От него и пошло наше племя – словене. Старшего сына его звали Волхв. Был Волхв исполин ростом и знаменитый оборотень. Обращивался он змеем лютым и залегал в реке, на пути у тех, кто по ней плывёт. Всех, кто не хотел ему поклониться, он либо пожирал, либо, истерзав, топил. От него река Мутная и прозвалась Волховом. Его-то я и вспомнил, как увидел страшные головы на корабельных носах.

Пристали мы к берегу. По берегу народ снуёт. С оружием, без оружия – всякий. Я никогда столько людей зараз не видывал. Гляжу, варяги мои лодок с княжеской данью сами не разгружают и мне не приказывают – всё за них рабы делают. Рабы, как один, бритоголовые, в железных ошейниках. Рубахи на них драные, верёвками подпоясаны.

Поднялись мы на берег, идём к детинцу. Рабы мешки тащат, мы налегке идём. Непохоже, что варяги мне рабскую долю готовят. А что у них на уме, не ведаю.

Перешли по мосту через речку малую, входим в детинец. Много в детинце разных построек – и жила⁴⁰, и конюшни, и кладовые, однако я сразу понял, которая тут княжеская изба. Не потому, что она самая большая, а потому, что над нею, на коньке, опять голова страшного змея возвышается.

---

³⁸ *Детинец* – центральная укреплённая часть древнерусского города, обнесённая стенами.

³⁹ *Посад* – большое торгово-ремесленное поселение с выборным правителем – посадником. Позже торгово-ремесленная часть города вне городской стены.

⁴⁰ *Жило* – жилое помещение.

Не напрасно, думаю, рассудил я, что ладожский князь – змей-оборотень. Тут всюду его знаки. Теперь понятно, почему варяги не убили меня, почему так заботливо кормили всю дорогу и сейчас не заставляют ничего тащить вместе с рабами – они меня холили, потому что решили принести в жертву змею-людоеду, своему князю. Похолодело у меня в животе.

Глава пятнадцатая. Пир у ладожского князя

Продолжение рассказа Кукиши

Угадали мы как раз на княжеский пир. Князь обрадовался, встал навстречу, Хаскульда и Тюр усадил возле себя, на свое княжеское сиденье. Для остальных тоже место нашлось. Меня посадили рядом со Сваном, напротив князя. От князя нас отделяет очаг.

Я боюсь смотреть на князя, а не смотреть не могу. Князь – настоящий великан, глазищи, что сковороды, ручищи, как лопаты. Волосы светлые, длинные, чуть не до колен, борода в две косички заплетена, торчат те косички вперед, точно раздвоенное змеиное жало. На шее у князя золотая гривна, на ней молоточки нанизаны. Сиденье княжеское двумя столбами резными украшено, на каждом по идолу, один – молот к груди прижимает, другой так стоит. Теперь-то я знаю, что это варяжские боги Тор⁴¹ и Один, а тогда не знал.

Смотрю я на князя и жду, что со мной дальше будет. Сызмала я наслышан, что уж больно любят великаны-людоеды свежую человечину, особенно ребят, вроде меня. Хоть бы я ему не понравился!

Пока, вижу, он за меня приниматься не собирается, налегает на конину да на зверину. Там на столе всего полно – жареное, пареное, варёное; мясо, рыба, овощи. Поглядываю на дверь – нельзя ли удрать незаметно? Однако пока не напьются, об этом нечего и думать.

Ещё когда пристали к Ладогe, заметил я на берегу хорошие маленькие челноки, одному как раз впору. Вот все напьются, думаю, выберусь отсюда, столкну один из тех челноков в воду – и поминай как звали! Только бы поскорей напились! Ем впрок, неизвестно, когда в другой раз есть придётся, прячу куски за пазуху.

Вдруг замечаю, что на меня все смотрят. В чем дело? Может, заприметили, что я еду прячу? Оказывается, князь велел наполнить рог мёдом и дать его мне. Ну, думаю, добирается и до меня! Только я ему в руки так не дамся! Пощупал нож на поясе.

Подходит ко мне рабыня, подаёт рог. Я взял его и не знаю, что дальше делать. Сван говорит:

– Пей!

Это-то я уже выучился понимать по-варяжски. Выпил рог, и закружилось у меня в голове. Всё мне стало трын-трава. А Хаскульд что-то рассказывает князю, тот смеётся и на меня поглядывает. Близко, думаю, мой конец. Только погоди радоваться, змей ненасытный, я хоть мал да удал!

От мёду того хмельного сделался я храбр не в меру.

Слышу, зовёт меня Хаскульд: поди, мол, сюда! Встаю, иду к ним. Страху ни на мизинец. Подхожу, а сам глаз с князя не спускаю, чтобы не застал он меня врасплох.

Звал-то меня Хаскульд, но я знаю, что к князю он меня звал, потому и останавливаюсь перед князем: вот он, мол, я! Улыбается князь, берёт своей ручищей меня за подбородок. Я, недолго думая, выхватываю нож и ем в ручищу!

Пнул он меня ногой в живот так, что я через очаг перелетел и плюхнулся у ног Свана, без мала на своём месте очутился. Поднял меня Сван с полу, посадил, вернее сказать, положил на лавку. Долго я разогнуться не мог, а когда разогнулся, вижу спускает князь рукав, кто-то уже успел перевязать ему руку чистой тряпицей.

Князь улыбается кисло, точно у него рот полон клюквы, опять велит рабыне подать мне рог с мёдом. Тюр смотрит на меня, головой качает. Хаскульд сидит хмурый, в пол уставился.

---

⁴¹ Тор – в скандинавской мифологии бог грома, бури и плодородия, божественный богатырь, защищающий богов и людей от великанов и страшных чудовищ.

Выпил я рог, глядь: снова передо мной рабыня с мёдом. И все кругом тоже стали пить больше прежнего. Однако показалось мне, что давешнего веселья уже нет. После второго или третьего рога свалился я с лавки и, что дальше было, ничего не помню.

Глава шестнадцатая. Попытки бежать

Продолжение рассказа Кукиши

После того пира очнулся я в дружинной избе. Весь день пролежал, как мёртвый, после угощения княжеского, а Тюр меня молоком отпаивал. Если бы кто-нибудь надо мной тогда копье занёс, я бы не пошевелился – убивай на здоровье, мне жизнь не дорога. Так худо мне было.

Отошёл я, живу себе, князь меня не трогает, варяги на меня не гnevаются, словно и не было ничего. Дивное дело. Однако в другой раз меня на пир уже не взяли. А мне только того и надо.

Дождлся я темноты и прокрался к стене детинца. Тихо-тихо взбираюсь по лестнице. Башмаки мне Тюр подарил, так я их ещё в дружинной избе разул, чтобы дозорные шагов моих не услышали.

Взошёл наверх, внизу Волхов чернеет, светлая дорожка от месяца по воде на тот берег убегает. Стал я спускаться по стене снаружи. Как уж я там голову не сломал! Это не то, что по углу избы лазить. Детинец хитро строили, все бревна вровень стесали и рогов по углам тоже, конечно, не оставили.

Спустился я кое-как до земляного вала. Что дальше делать? Свернулся калачиком, обхватил руками колени, пригнул голову, сколько можно, и – была не была! – покатился вниз. Как ни берёг голову, всё же ударился внизу о камень и память потерял.

Не знал я, когда побег затевал, что варяги на кораблях стражу на ночь оставляют. Эти-то сторожа услышали меня, когда я на берег скатился, и подобрали беспамятного.

Опять мне от варягов никакого наказания, только, если на пир идут, оставляют со мной раба – стеречь меня. А Тюр пуще прежнего со мной возится, даже стал меня воинскому делу обучать, особенно бою на мечях.

Приметил я как-то в конюшне длинную верёвку, видно, с зимы валяется, сено ею на волокуше перехлёстывали. Закопал её в углу под соломенной трухой. Нашёл вожжи старые, выброшенные – туда же снёс. Так помаленьку набралось у меня верёвок изрядно.

И вот однажды ночью вышел я из дружинной избы до ветру – а сам в конюшню! Связал там все свои верёвки крепко-накрепко и смотал в моток. Моток большой, тяжёлый получился. Надел я его на себя через голову и пошёл. Поднялся опять на стену детинца, привязал верёвку к столбу и начал спускаться. В этот раз спустился без шума, отвязал челнок и поплыл вниз по течению, стараясь не шуметь вёслами.

На другой день догнали меня варяги. Плыл я по озеру Нево. Солнце клонилось к закату. Ещё издалека завидел я погоню – сперва там, где небо с водой сходится, показалась чёрная точка, потом точка в жучка превратилась. Машет лапками жучок – вверх, вниз, вверх, вниз... Это вёсла поднимаются и опускаются.

Гляжу по сторонам, а спрятаться некуда – я и сам как муха на полотенце. Мелководье да ровный берег песчаный. Повернул я всё же к берегу, гребу изо всех сил. Слышу, зашуршал мой челнок днищем по песку и сел. Выскочил я из него, вода мне по щиколотку, бегу – только брызги во все стороны. Добежал до берега – ни деревца, ни кустика, кругом один песок. А дальше песчаные гряды, как застывшие волны.

Словом, поймали меня и привезли обратно в Ладогу. И, веришь, опять ничего не сделали. Князю меня не отдают, в рабство не продают, за побеги не наказывают. Тюр со мной, как с сыном, возится. Чудно!

Глава семнадцатая. Варяги отправляются в путь

Продолжение рассказа Кукиши

После того пира, на котором я князя ножом пырнул, Хаскульд хмурый ходит. И другие из его ватаги тоже не так веселы, как прежде. Что-то у них с князем вышло. Из-за меня, видно.

Гляжу, собираются мои варяги в путь-дорогу. Один из тех кораблей, что удивили меня в Ладогe, оказался их. Корабль осмотрели, починили, где надо, продовольствия запасли, добро погрузили и отправились. Меня, конечно, тоже не забыли. К ним присоединились ещё некоторые варяги из княжеской дружины.

На носу корабля голова какого-то лютого чудища. Тюр называет его драконом. И сам корабль называется драконом из-за этого чудища. На корабле пятнадцать пар вёсел, каждым веслом гребёт один человек. Гребут все по очереди, только меня не заставляют – больно велики вёсла.

Вышли из волховского устья на озеро Нево. Сперва долго на север плыли, чтобы мели миновать, потом повернули на запад. Тут ветер стал попутным, корабельщики оставили вёсла, подняли полосатый парус. Корабль, как конь, вперёд рванулся. Управляется с ним теперь один кормчий кормовым веслом.

Варягам весело, а на меня тоска напала, хоть волком вой. Смотрю назад, на восток, где-то там далеко-далёко мой дом, и с каждым мигом он всё дальше. Увижу ли я его когда-нибудь? Завезут меня варяги на край света, откуда и птица назад дороги не найдёт, не то что отрок вроде меня!

Судя по сборам, варяги отправились теперь куда-то за тридевять земель. Добрый корабль при попутном ветре не плывёт, а летит. Когда расшибает носом волну, под носом у него вырастают огромные седые усы. Эх, думаю, дракон ты, драконище, кабы не на запад ты плыл, а на восток!

Глава восемнадцатая. Чудская деревня

Продолжение рассказа Кукиши

Озеро Нево позади осталось. Дракон влетел в исток большой реки. Немалая река Волхов, а эта больше! Здесь, вниз по течению да при попутном ветре, дракон идёт ещё быстрее. Однако на склоне дня ветер стихает, варяги снова берутся за весла. Впрочем, гребут недолго, пора и на ночлег устраиваться. Пристают к берегу, снимают с корабельного носа драконью голову – боятся, как видно, прогневать здешних богов.

Чуть пониже стоянки – деревня. Тюр и ещё несколько варягов отправляются туда. Тюр берёт меня с собой.

Входим в деревню, я, по обычаю домовичей, каждому встречному кланяюсь и доброго здоровья желаю. Только не нашего языка здесь народ живёт, никто меня не понимает, хотя иные улыбаются и что-то говорят по-своему. Слышу: говор-то знакомый, похожий на говор наших соседей. У нас там по Тихвине весь живёт. Племя такое.

Гляжу, у избы старик стоит. Поздоровался я с ним, как сызмала от соседней веси научился, и он мне отвечает: здравствуй, мол. Выходит, вишь, невская-то чудь⁴² и наша весь, почитай, одного языка.

Подходим мы к самой большой избе, дверь с резными косяками, на вершине кровли птица. Навстречу хозяйка. Я здороваюсь, и она в ответ здоровается, да с ласковой примолвкой, а голос-то у неё, как у матушки, хоть и речь другая. И пахнет от неё, как от матушки, дымом и парным молоком.

Варяги пришли сюда мёду хмельного купить. Продала она им, сколько просили, и стала угощать: наливает ковш из жбана и подаёт каждому по очереди. И со всеми заговаривает по-своему, у одного спрашивает, хорош ли мёд, у другого – далеко ли путь держите. Никто, конечно, её не понимает. Догадался я, что это она нарочно, – проверяет, не разумеет ли кто из варягов её язык.

Потом меня начала расспрашивать, кто я, да откуда, да как попал к варягам. Расспросила и опять с варягами разговаривает, только теперь уже по-варяжски. Вижу, она о чём-то их просит, потому что головами мотают: нет, мол.

После того говорит она мне:

– Постарайся убежать ночью, когда они уснут, и приходи ко мне, я тебя спрячу.

Хотела и мне налить, потом передумала, наливает молока.

– Ни к чему тебе мёд, – говорит, – после мёда слишком сладко спится.

---

⁴² Чудь, чудины (собир.) – так называли несколько финно-угорских племён. Западная чудь – это предки нынешнего эстонского народа, а большая часть восточной вошла в состав русского народа.

Глава девятнадцатая. Ночной побег

Продолжение рассказа Кукиш

Варяги – народ храбрый, однако осторожный. Ночуют на драконе, а дракон на якоря поставили в нескольких саженях от берега.

После доброго ужина все спят крепким сном. Мёду за ужином один я не пил. Угощали меня, конечно, да, спасибо, Тюр заступился. В темноте на берегу ещё костер догорает, где пировали варяги. Тихо. Только спящие храпят да быстрая вода речная у борта журчит.

Я ощупью пробираюсь на корму. Месяц ещё не взошёл, темь такая, что собственных ног не видно, того гляди, наступишь на кого-нибудь.

Вот оно! Чувствую, тёплое – чья-то рука. Отдёрнул я ногу, будто на змею наступил, замер. Ничего, обошлось, помычал варяг и затих.

Пошёл дальше – кому-то на бороду наступил. Этот закричал по-варяжски, умолк, а потом заговорил сердито. Я стою ни жив ни мертв. Пробормотал что-то варяг и снова захрапел.

Конечно, проще было сразу прыгнуть за борт, чем пробираться на корму, да боялся я: вдруг кто-нибудь услышит всплеск и решит, что пьяный варяг за борт свалился. Поднимут тревогу, запалят светочи, начнут искать.

Добрался я до кормы, ухватился за якорный канат и спустился в воду. Вода студёная, сразу-то даже вздохнуть не могу, будто чёрствым куском подавился. Разжал я пальцы, и подхватило меня течение.

Вылезаю из воды, гляжу: далеко вверх по реке остатки варяжского костра мерцают, изрядно отнесло меня. Оно и лучше, к деревне ближе.

Припустил я бегом вдоль берега. Чтоб в пути не сбиться, на прибрежную воду смотрю, в ней звёзды небесные струятся-переливаются.

Вот и деревня – крыши на звёздном небе чернеют. Вышел на дорогу. Она за день нагрелась, ещё остыть не успела. Быстро зашагал я по ней. Ноги мне были вместо глаз. Чуть свернёшь в сторону – трава холодная, в росе. Вижу впереди огонёк. Это та добрая женщина приотворила дверь и лучину перед нею зажгла, чтоб мне в потёмках не плутать, ища её избу.

Не успел я постучать, дверь отворяется, на пороге она сама. Обнимает, как родного сына, шепчет:

– Мокрый, бедняга, продрог!

Глава двадцатая. Домовой

Продолжение рассказа Кукиши

В избе тепло, пахнет квашнёй. Хозяйка даёт мне сухую рубаху.

– Теперь пойдём, – говорит, – отведу тебя в надёжное место.

Мне уходить неохота, хорошо у неё в избе, как дома у матушки, ребятишки по лавкам спят, и меня в сон клонить начало. Однако встаю и иду следом за ней прочь из избы.

Берёт она меня за руку и куда-то ведёт. Глаза к темноте попривыкли, вижу: идём лугом, различаю лес впереди. К лесу она меня и ведёт.

В лесу уже вовсе ничего не видать. Она дорогу знает, а я за ней, как слепой иду. Шли мы, шли, наконец остановились. Велит она мне нагнуться. Нагнувшись, делаем с нею несколько шагов. Здесь, верно, какая-то постройка. И тут она открывает над нашими головами лаз. Лаз тот ведёт в какое-то помещение, и, вижу, оно чуть-чуть освещено. Влезаем туда по лестнице – по наклонному столбу с зарубками. В помещении – очаг, в очаге угли тлеют. У стены идола стоят, один большой, другой поменьше. Это, вишь, здешнее чудское капище⁴³. Женщина говорит:

– Здесь тебя не найдут.

Кидает она на угли берёсту, раздувает огонь, приносит толстых сухих поленьев. Хорошо стало, пламя над дровами приплясывает, дым к крыше, к волоковому отверстию, поднимается. Светло, тепло. Приносит она охапку сена.

– Вот, – говорит, – тебе постель. Живи здесь, пока варяги не уплывут своей дорогой. А там видно будет. Еды здесь достаточно, боги всегда готовы поделиться с людьми, попавшими в беду.

Гляжу: возле идолов вяленая рыба, мясо положено, деревянная чашка с кислым молоком стоит.

Женщина ушла, а я в углу на сено лёг. Идолы на меня уставились, страшновато мне, одно себе твержу: наверно, добрые они, иначе женщина не привела бы меня сюда.

Лежу, гляжу на идолов, боязнь мало-помалу прошла, уютно. Проваливаюсь я куда-то, а на сердце сладко, весело.

Очнулся я в родной избе. Никого в ней нет. Посреди избы светец стоит, в нём лучина горит. И лучина эта не простая – горит она и не сгорает.

Зову матушку, сестёр – никто не откликается. И вдруг вместо них невесть откуда является витязь. Усищи вот такие, шлем как жар горит, у пояса меч. Гляжу, а это Домовой, предок нашего рода. Я его сразу узнал, хоть и не видел никогда.

Глянул он на меня грозным взглядом – оторопь меня взяла. Говорит громовым голосом:

– Ты хочешь вернуться домой, а сам ещё не отомстил за кровь матери!

Откуда-то взялись матушка и сёстры, стоят у стены, как идолы чудские, кивают речи Домового. Хочу что-то сказать в своё оправдание и ни слова не могу вымолвить.

А Домовой пошёл к двери. У порога остановился, вынул меч из ножен и поставил его возле косяка. И сияет тот меч, что солнечный луч.

– Вот тебе меч. Убьёшь обидчика – вернёшься домой.

Матушка и сёстры опять кивают. Гляжу: где ж Домовой?

Дверь вроде не отворялась, а Домовой пропал, будто его и не было. Матушки и сестёр тоже не видать – вместо них у стены стоят недвижные чудские идолы. И меча нет – падает сквозь щель солнечный луч.

---

⁴³ Языческий храм.

Глава двадцать первая. Возвращение к варягам

Продолжение рассказа Кукиши

Вылез я наружу – солнце уже высоко. И напал на меня страх: вдруг варяги уже уплыли? Огляделся: капище, в котором я ночевал, посреди лесной поляны стоит, на четырёх пнях, как на птичьих ногах, корни, как лапы. Такие же избушки на курьих ножках ставят в лесу и наши соседи – весь.

Нашёл я тропу, по которой мы с хозяйкой пришли, и припустился по ней. Кругом сосны огромные, толстые, вьётся тропинка между ними, через корни перепрыгивает. Бегу я и думаю: если варяги уплыли, мне конец. Зачем жить, коли отомстить за кровь рода я уже не могу, а вернуться домой не смею? И так мне захотелось увидеть варягов, словно нет для меня на свете людей дороже!

Как я буду мстить, я и не думал тогда. Бегу и одно твержу: только бы не уплыли, только бы не уплыли! В лесу сумрачно, лишь иногда сверкнёт солнечный луч, как меч, что Домовой мне оставил. Не знаю, может, это и был меч.

Наконец лес редееет, тропка ведёт лугом в деревню. Я деревней бежать не хочу, вдруг встречу там эту добрую женщину? Что я ей скажу? Да и нельзя мне сейчас задерживаться. Бегу в обход деревни.

Видю: над варяжской стоянкой дымок поднимается. Обнадёжил он меня немного, может, думаю, не уплыли ещё! Выбегаю на берег, на косогор, смотрю: пусто, лишь уголье тлеет. Глянул на реку, тоже пусто.

Упал я ничком на траву и лежу. Ни о чём не думаю, будто у меня и дел никаких нет. Лежу себе, и всё. Долго лежал. Потом встал, спустился к воде, поплёлся по берегу.

Иду и камешки ногой в воду кидаю. Ухвачу пальцами камешек и кину, ухвачу и кину. И слушаю, как они булькают. Стали мне лодки попадаться, вытащенные на песок. И словно проснулся я. Столкнул один челнок в воду и давай грести!

Знаю, конечно, что догонять в долблёной лодочке добрый варяжский корабль дело пустое, однако гребу что есть мочи. А что мне ещё делать? Гребу и думаю: буду плыть, пока не найду варягов или не погибну в чужом краю.

И вот чудо: недолго мне и плыть-то пришлось! Не оставил меня Домовой своей заботой. Миновал я деревню, проплыл ещё немного, глядь: стоит в заводи дракон, а варяги мои на берегу у костра сидят, обед стряпают. Обрадовался я, и варяги тоже. Накормили они меня, и поплыли мы дальше опять вместе.

Покуда плыли морем сюда к вам, судьба не послала мне случая убить Свана, а, может, всё дело в том, что у меня не было настоящего оружия. Ныне же у меня есть меч, и я убью Свана, когда буду с варягами в походе.

Ну вот, всё я тебе рассказал, ничего не утаил.

Теперь Харальд знает, что нешуточное дело обязывает Кукшу отправиться в поход с викингами. Возразить тут нечего, более того, он должен помочь Кукше в его деле, только ещё не знает, как к этому подступиться, но он непременно что-нибудь придумает!

Глава двадцать вторая. Замысел Харальда

Добрый меч у Кукши: ударишь на лету подброшенную тряпку – тряпка пополам. От души, видно, пожаловал его Кукше старый конунг. Когда никто не видит, Кукша вынимает меч из ножен и подолгу любит им или начинает размахивать, воображая, будто рубит Свана. Ему объяснили, что меч у него ромейский, из далёких южных краёв, народ там помельче северного, потому и меч покороче. Ромейский меч, сказали ему, хорош как отроческое оружие, когда же Кукша станет взрослым мужем, у него будет меч, как у остальных, а этот он в свою очередь подарит какому-нибудь отроку.

Кукша вспоминает меч, который Домовой оставил ему у порога чудского капища и который превратился в солнечный луч. Может быть, это тот же самый меч?

Теперь Харальд и Кукша рубят прутья каждым своим мечом. Спору нет, хороший меч и у Харальда, но чужой меч или собственный – тут нет никакого сравнения. Свой словно и блестит ярче, и свистит веселее, и в руке сидит крепче.

Судьба вручила Кукше оружие для того, чтобы он мог отомстить, дело только за удобным случаем. Однако, пока он гость конунга, об убийстве Свана не может быть и речи, ведь Сван тоже гость. Кто из смертных решится попать закон гостеприимства?

Однажды Харальд говорит Кукше:

– Я придумал. Тебе незачем весной уплывать с викингами. Мы разделаемся со Сваном здесь.

Кукша вопросительно смотрит на Харальда.

– Мы его отравим, – говорит Харальд.

– Как отравим? – изумлённо восклицает Кукша.

– Очень просто. Дадим яду в питье. Тут неподалёку в лесу живет одна колдунья, финка, она и лечит, и ворожит, и варит всякие ядовитые зелья – из трав, из кореньев, из жаб, из змей – из всего. Колдунья даст мне самый страшный яд, если я попрошу.

Однажды, ещё в младенчестве, Кукша видел, как на лугу возле Домовичей подыхала корова. Из рта у неё ручьём бежала слюна, и она часто-часто дышала. Потом у неё начались судороги, а немного погодя она вытянула ноги и затихла. Взрослые говорили, что корова наелась ядовитого вёху⁴⁴, которого много растёт на соседнем болотце.

– Не надо травить, – растерянно просит Кукша.

– Почему не надо? – говорит Харальд. – Сам же сказал, что должен отомстить. А мы теперь побратимы: твоя обида – моя обида, твоя месть – моя месть. Хорош я буду, если не помогу тебе в таком деле.

– Его надо... убить мечом, – говорит Кукша. – Кровь за кровь...

Ему не по себе, он никогда не слышал, чтобы кто-нибудь из Домовичей кого-нибудь отравил. Да и Домовой говорил о мече, а не об отраве.

– Кто же спорит! – восклицает Харальд. – Конечно, убить мечом было бы лучше! Но как это сделать? Вызвать Свана на поединок? Сван – берсерк, а берсерки, как известно, в бою неуязвимы. Напасть неожиданно или прикончить сонного? Это значит нарушить мир и попать закон гостеприимства. Мой отец – человек справедливый и никогда не простит такого убийства!

– А если отравить, простит? – удивлённо спрашивает Кукша.

– Чудной ты, – снисходительно отвечает Харальд, – ведь об этом никто не узнает!

И он с увлечением рассказывает о своём замысле:

---

⁴⁴ Вёх – болиголов.

– Я выпрошу у колдуньи самый лучший яд и дам ей за это марку⁴⁵ серебра. Не за горами большой пир по случаю весеннего жертвоприношения дисам⁴⁶. Когда все захмелеют, я насыплю в один рог яду и пошлю его с рабыней Свану. Никто не обратит внимания, что ещё один пирующий свалился с лавки – там многие будут валяться. А наутро никому не покажется удивительным, что он так и не встал – на пирах ведь нередки случаи, когда упиваются до смерти.

Кукше не нравится Харальдова затея. Раз Свана нельзя убить в поединке, поскольку он берсерк и в бою неуязвим, Кукша отправится с викингами в поход и выждет подходящего случая, когда Сван будет лежать после битвы в приступе берсеркского бессилия, и прикончит его. Справедливая месть допускает подобное действие, если силы настолько неравны. Но тайно расправиться с гостем доброго конунга Хальвдана, у которого ты сам в гостях!..

Кукша просит друга не трогать Свана, но Харальд неумолим. Он уже весь поглощён своим замыслом и во что бы то ни стало должен его осуществить. Таков уж Харальд – сын конунга Хальвдана Чёрного – всякое дело он доведёт до конца!

---

⁴⁵ *Марка* – древнескандинавская мера веса, равная приблизительно 216 г, и денежная единица.

⁴⁶ *Дисы* – в германо-скандинавской мифологии сверхъестественные существа женского пола, олицетворявшие силы плодородия.

Глава двадцать третья. Дар колдуньи

К колдунье мальчишки пробираются на лыжах по сосняку, растущему на склонах высоких холмов. К её дому не ведут ни тропинки, ни лыжни – перед мальчиками нетронутая снежная целина. Давно, как видно, никто не бывал у колдуньи. То и дело приходится огибать поваленные бурей сосны. Кукша неотступно думает о том, как помешать Харальдовой затее, но ничего придумать не может. А просить бесполезно – Харальд всё равно сделает по-своему.

Впереди между сосен забелелся просвет. Это поляна, там у подножия скалы стоит хижина колдуньи. Возле опушки Харальд говорит Кукше:

– Подожди здесь. Она терпеть не может, если к ней является больше одного человека.

Кукша остаётся ждать в лесу, а Харальд выходит на поляну и бежит к хижине. Он останавливается перед низенькой дверью с высоким порогом и стучится в неё лыжной палкой. Дверь открывается, как чёрная пасть, и проглатывает Харальда. Кукша успевает заметить мелькнувшее в двери жёлтое лицо, обрамлённое длинными седыми космами.

От нечего делать он разглядывает жилище колдуньи. Перед ним маленькая хижина из нарезанного дёрна, потонувшая в пушистых сугробах, на неё нахлобучена высоченная снеговая шапка, над шапкой поднимается синеватый дымок. Хижина стоит среди огромных камней, иной из них больше её самой. На камнях тоже высятся снежные шапки.

Кукша давно уже заметил, что в Норвегии не рубят домов из брёвен, как у него на родине. Здесь забивают в землю толстые колья и оплетают их прутьями или, обтесав, забивают как можно плотнее друг к другу. Получившиеся стены обмазывают глиной, а потом обкладывают нарезанным дёрном или камнями, которые слегка обтёсывают, чтобы лучше держались. Щели между камнями тоже забивают глиной. Кровли такие же, как в Домовичах – дерновые на берестяной подстилке, – но покоятся они не на стенах, а на особо врытых в землю столбах.

Харальд говорит, что его отец давно собирается построить новую гридницу из брёвен, как строят в Гардарики. Но здесь, в Норвегии, негде взять добрых мастеров для такого дела. Рабов с востока не привозят, а свободные, что воины, что торговцы, бывающие в Гардарики, не стремятся освоить там плотницкое ремесло.

Из хижины колдуньи доносится бляенье коз. На Кукшу наплывают воспоминания о родном доме. Плохо одному, в одиночестве тоска сдавливает сердце, словно капкан. Что ж, однако, так долго нет Харальда? Наверно, старуха не хочет давать яду и Харальд её уговаривает, стремясь, по обыкновению, во что бы то ни стало добиться своего. Хоть бы колдунья оказалась ещё упрейме, чем он!

Вдруг Кукша видит над хижинкой вместо синеватой струйки густые жёлтые клубы. А немного погодя жёлтый дым начинает идти слабее, и постепенно его сменяет прежняя синеватая струйка. Сомнения нет, ведьма колдует. Значит, решила, как видно, дать яду, не посмела отказать конунгову сыну!

Наконец снова распаивается чёрная пасть двери и выплёвывает Харальда. Опять мелькают седые космы и жёлтое лицо. Когда Харальд приближается, Кукша видит, что глаза у него красные, точно он плакал.

Бежать обратно легче – они бегут по собственной лыжне. Харальд весело рассказывает:

– Сперва не хотела давать. Большого быка, говорит, ты задумал свалить. Боюсь, что тебе это не удастся. Есть силы, которые не хотят этой смерти. – Тут Харальд с усмешкой взглядывает на Кукшу. – Это она про тебя! Я, конечно, начал уговаривать. Долго уговаривал, наконец берёт она из каменной ступы какой-то жёлтый песок, а из деревянной – зелёный и кидает в пламя. Что тут началось! Повалил дым, поднялась вонь – я чуть не задохнулся! Она пригнула меня к земле и говорит:

– Смотри!

А у меня из глаз слёзы, ничего не вижу.

Когда дым рассеялся, колдунья говорит:

– Вот тебе то, чего ты просишь, только, сдаётся мне, что не судьба ещё быку околеть. Сдаётся мне, не от яда он околет, а падёт от меча, и не здесь, а в дальних краях. Будь, говорит, поосторожнее, юный господин!

– Это уж, отвечаю, не твоя забота!

Отсыпая ей серебра – не берёт.

– Раз я не уверена в успехе дела, – говорит, – так и плату вперёд брать не буду. Коли выйдет дело, принесёшь, не забудешь, а нет – значит, квиты. Боюсь, от того, что ты задумал, будет у тебя больше огорчений, чем радостей.

Помолчав, Харальд добавляет:

– Вишь, сколько накаркала, серая ворона!

– А может, не напрасно она каркала, – с надеждой говорит Кукша, – может, лучше её послушаться?

Харальд громко смеётся, даже чересчур громко; в смехе его слышится натужность.

– А ты и рад! Всё, мол, сходится – и в дальнем походе, и от меча, всё, как ты хочешь! Да это она просто боится, как бы Хальвдан не узнал, вот и отговаривает. Так же, как и ты. Ты ведь тоже боишься! Ведь боишься?

Молчит Кукша, а Харальд меж тем продолжает:

– Не бойся! Никому и в голову не придёт, что мы его отравили.

Он останавливается и достаёт из-за пазухи крохотный кожаный мешочек, точно такой же, как у Сигню. Харальд развязывает его и говорит:

– У финки на стенах много развешано таких мешочков. Откуда она знает, в котором что? Гляди!

Они оба с любопытством рассматривают щепотку таинственного серого порошка, похожего на золу, но обладающего таким страшным могуществом.

– Зола! – говорит Харальд. – Помогает от изжоги!

Он высовывает язык и тянется кончиком языка к порошку, вот-вот коснётся. Кукша цепенеет от ужаса, а Харальд, взглянув на него, весело хохочет. Перестав смеяться, он говорит с удивлением:

– Чудно, так и подмывает попробовать!

Глава двадцать четвёртая. Сигню

На дворе яркое солнце, по сугробам стелются синие тени. Студёно, а Кукше всё кажется, что он чувствует запах талого снега. Весна ещё не пришла, но уже дразнит ноздри.

Харальдовы сёстры беззаботно катаются на санках с горы. Харальд и Кукша присоединяются к ним. Санки маленькие, с широкими полозьями. Они рассчитаны на двоих, и Кукша садится вместе с Сигню. Вот Кукша и Сигню съезжают по склону холма среди утонувших в снегу молоденьких сосёнок. Всё быстрее и быстрее летят расписные санки, оставляя позади облако снежной пыли.

Кукша правит. У него в руках две палки, просунутые в особые гнёзда, он нажимает то на одну, то на другую, в зависимости от того, в какую сторону надо повернуть. Сигню сидит сзади и крепко обнимает его. У Кукши дух захватывает от нарастающей скорости и от близости Сигню. Кукша чувствует, что она, такая взрослая и насмешливая, сейчас полагается на него, на его силу и ловкость.

Они медленно всходят на холм и снова вихрем съезжают, и так без конца. Когда они очередной раз поднимаются по склону холма, таща за собой санки, Кукша набирается решимости и просит:

– Сигню, сшей мне такой же мешочек, как у тебя!

– Для чего он тебе?

– Я тоже боюсь злого глаза, я стану, как и ты, носить в нём корешок.

Сигню хохочет, всё-то она хохочет, зубы её сверкают, как снег.

– Боишься злого глаза? – восклицает она. – Мужчина ничего не должен бояться, он должен бояться только угодить в гости к старой Хель!

Кукша вспыхивает от стыда. Он хорошо знает, что Хель – это хозяйка подземного царства, мрачного и унылого. Она наполовину синяя, наполовину цвета сырого мяса, её легко узнать по сутулой спине и свирепому виду. К ней попадают те, кто умирает от старости и болезни. Храбрые воины, павшие в битве, отправляются в Вальгаллу – во дворец бога Одина, они живут там весело и беззаботно: с утра бьются на мечах и копьях, к вечеру прекрасные девы валькирии лечат-исцеляют их раны, и воины садятся за огромный стол, где на почётном сиденье восседает сам Один. Там они пируют в своё удовольствие, а наутро всё начинается сначала.

Кукша сердится, он горячо возражает Сигню, нет, он не трус, он ничего не боится, даже старухи Хель. Насмешница Сигню тут же ловит его на слове – ведь он сам сказал, что боится злого глаза. Кукша путается, лепечет какую-то невнятицу, мешая мурманскую речь со словенской. Ему трудно обманывать, он не привык к этому – обычно, когда он хочет что-нибудь скрыть, он просто молчит. А сейчас ему приходится врать – и кому! – прекрасной Сигню!

Прекрасная Сигню к тому же и хитра. Кукша не замечает, каким любопытством загораются её глаза, когда она слушает его сбивчивую речь.

– Возьми мой мешочек вместе с корешком! – говорит Сигню. – Он на золотой цепочке!

Кукша мотает головой:

– Нет, твоего я не возьму! Сшей мне другой.

– Бери! – уговаривает его Сигню. – Чем он тебе нехорош?

– Мне не нужен на золотой цепочке, – отвечает Кукша, – мне нужен на простой льняной верёвочке.

– Чудной ты! – говорит Сигню, совсем как брат. – Никогда ещё не видела викинга, который предпочитает лён золоту. Ну, заменим цепочку на верёвочку!

– Поехали! – кричит вконец запутавшийся Кукша.

И вот они снова летят с горы. Когда санки проносятся там, где сосенки растут чаще и где от Кукши требуется особенное внимание и ловкость, Сигню внезапно закрывает ему глаза,

как в игре «Угадай, кто?». Кукша изо всех сил крутит головой, но поздно – они насккивают на молодое упругое деревце и вверх тормашками катятся под гору. Такая шутка может стоить шеи!

Кукша поднимается и ищет глазами Сигню. Она лежит неподвижно в нескольких шагах от него. Глубоко увязая в снегу, Кукша спешит к ней. Видя, что она по-прежнему не шевелится, он тревожно окликает её.

Внезапно Сигню оживает, с хохотом хватая его за ноги и валит на снег.

Начинается борьба – каждый стремится оседлать другого. Глаза Сигню, прозрачные, с тёмной обводкой, оказываются то внизу, то наверху. Кукша и Сигню скатываются по склону, взметая снежную пыль.

Когда они поднимаются в гору, таща за собой санки, Кукша думает, искоса поглядывая на Сигню: «Если бы можно было побрататься с ней, а не с Харальдом!» Ему кажется, что девушка гораздо надёжнее своего брата. И к тому же она наверняка не захочет, чтобы в усадьбе её отца совершилось такое злодейство.

– Сигню! – вдруг говорит Кукша.

Сигню удивлённо поворачивается к нему.

– Клянись, – продолжает он взволнованно, – клянись молчать о том, что я тебе сейчас скажу!

– Клянусь Фрейей!⁴⁷ – быстро произносит она и глядит на Кукшу, с нетерпением ожидая, что он скажет.

Кукша рассказывает ей о замысле её брата и о своём намерении помешать ему. Кукша не ошибся, Сигню тоже не нравится затея Харальда, она готова помочь Кукше и ещё раз торжественно клянётся блюсти тайну.

Хвала Одину, у Кукши есть теперь союзник!

---

⁴⁷ Фрейя – богиня любви и плодородия у древних скандинавов.

Глава двадцать пятая. Беспокойная ночь

Надо спешить – пир, посвященный дисам, будет уже совсем скоро. Сигнию исполнила своё обещание – под рубахой у Кукши на льняной бечёвке висит теперь точно такой же мешочек, как у Харальда. Кукша насыпал в него золы, и ему остается только подменить Харальдов мешочек своим.

Поздний вечер. В гостевом доме затихают бесконечные рассказы о подвигах и грабежах, о смешных и страшных случаях, о ведьмах и привидениях. Прерывается игра в кости. Даже самых заядлых игроков в шахматы одолевает усталость. Викинги гасят пальцами светильни и укладываются спать на помостах, выстланных соломой и шкурами.

Теперь дом освещается только пламенем очага, горящего посреди земляного пола. На бревенчатых стенах поблёскивают доспехи. Над каждым из спящих висит его снаряжение – кольчуга, меч и секира, шлем и щит. Викинги строго блюдут такой порядок. В случае нужды каждый воин даже в темноте может быстро облачиться в свои доспехи и приготовиться к бою.

Над Кукшей и Харальдом тоже висит их оружие – хороший воин сызмальства привыкает к военному порядку. Пламя очага бросает красноватый отблеск на выдавшие виды доспехи взрослых воинов и на отроческое оружие Кукши и Харальда.

Кукша ждет, чтобы уснул его побратим. Он волнуется, и от волнения на него нападает сонливость. «Только бы не уснуть прежде Харальда!» – твердит он себе. Веки его тяжелеют, смыкаются, и он раздвигает их пальцами.

А Харальд сегодня, как назло, особенно разговорчив, он и не думает спать. По обыкновению, он мечтает о том, как они с Кукшей, сделав Кукшино дело, будут вместе ходить в заморские походы и непременно вступят в дружину знаменитого Хастинга, а потом Хастинг погибнет славной смертью, и викинги провозгласят морским конунгом знатного и доблестного Харальда. Кукша, понятно, будет его правой рукой. Вот тут-то и начнутся главные подвиги Харальда и Кукши.

Когда умрёт старый конунг Хальвдан, его сын Харальд, а с ним и Кукша, уже прогремевшие на весь мир воины, вернутся в Норвегию отбирать власть у людей, нагло захвативших её в отсутствие законного наследника. Сделавшись конунгом, Харальд начнёт с помощью Кукши выполнять предсказание бабки Асы – покорять соседние земли.

Харальдова болтовня убаюкивает Кукшу, в конце концов он не выдерживает и проваливается в бездонный мрак. Среди ночи Кукша просыпается, словно от толчка. Он садится и озирается, не сразу понимая, где он. Угли очага еле освещают гостевой дом. Кругом слышится храп и свист, кто-то надсадно кашляет.

Кукша вглядывается в лежащего рядом Харальда. Лицо его спокойно, дыхание ровно и почти беззвучно. Кукша тяжело вздыхает. Сейчас он сделает обманное дело со своим другом, который так любит его, с побратимом, что смешал свою кровь с его, Кукшиной, кровью.

Протянув руку к Харальдовой шее, Кукша вытаскивает у него из-под рубахи мешочек с ядом. Харальд что-то бормочет, мычит и переворачивается на другой бок. Отпрянув, Кукша замирает, потом снова склоняется над Харальдом.

Некоторое время Кукша пребывает в нерешительности, а потом поступает дерзко и просто – он подсовывает ладонь под голову Харальда и немного приподнимает её. Это совсем не нарушает крепкого отроческого сна. Кукша снимает с шеи Харальда его мешочек и надевает ему свой. Теперь можно спокойно спать и Кукше.

В гостевом доме царит безмятежный сон. Спят Кукша и Харальд, спят бородатые, длинноволосые воины, спит берсерк Сван, не подозревая, какой спор шёл о его жизни и смерти. Узнает ли он когда-нибудь, что в эту ночь судьба отвела от него мучительную смерть, неотступно приближавшуюся к нему в последние дни?

Глава двадцать шестая. Гибель Хальвдана чёрного

Снег с крыш уже стаял, обнажились вершины бугров, а в низинах ещё синеют сугробы. Но и их дни сочтены, они незаметно съеживаются, уползая всё дальше в тень, в лесные чащи, уступая место прошлогодней траве.

Солнце поедает снеговые шапки, всю зиму пригнетавшие еловые лапы к земле. Когда изъеденные остатки снега с шумом рушатся к подножию дерева, освобождённая еловая лапа шевелится, как живая, и поднимается вверх, приветствуя солнце.

Все в усадьбе радуются ранней весне – и знатный воин, сидящий на пирах у конунга на почётном сиденье возле огня, и жалкий раб, грызущий кусок окаменелого овечьего сыра в хлеву на тёплом навозе. Оба блаженно жмурятся, выходя на двор и подставляя лицо весеннему солнцу, хотя весна сулит им разные вещи – одному заманчивые походы за добычей и славой, а другому увеличение ненавистной, безысходной работы.

Славный конунг Хальвдан Чёрный собирается в гости к своему другу ярлу⁴⁸ Сигурду. Путь к нему лежит через фьорд. Старый верный управляющий конунга Бьёрн не советует конунгу ехать по льду. Да, обыкновенно в эту пору и даже гораздо позже люди преспокойно ездят на саних по фьорду, однако в этом году очень уж ранняя весна, старику кажется, что лёд должен быть ненадёжен и не следует рисковать.

Но Хальвдан только посмеивается. Весело сверкают его зубы, белые и крепкие, несмотря на преклонный возраст. Седые длинные волосы и борода блестят на солнце, как чистое серебро. Весна. Вкусно пахнет талым снегом и преющей на проталинах землёй.

Владения Хальвдана благоденствуют. Сердце конунга радуется и ранней весне, и прочности власти, и верности жителей страны. Он хороший конунг. Он живёт не зря. Судьба к нему благосклонна. Никогда его ничто не подводило – ни здоровье, ни люди, ни силы природы. Почему на этот раз должно быть иначе, с какой стати подведёт его сегодня лёд фьорда?

Слуги запрягают пару коней в лёгкие сани. Чудо что за сани! Все они сплошь изрезаны затейливой резьбой, по углам украшены звериными головами с оскаленными пастьми. Внутри сани поверх соломы выстелены медвежьими шкурами.

Конунг с сыном садятся в сани, и кони трогаются. Правит юный Харальд. Он помахивает бичом, посвистывает и покрикивает. Но сытые кони не нуждаются в поощрении. Они и сами, того гляди, пустятся вскачь.

Следом из усадьбы выезжает целая вереница саней, это дружинники и гости Хальвдана Чёрного. Среди гостей и Кукша в одних саних с Тюром и Сваном. С тех пор как он избавил Свана от смерти на предстоящем празднике, посвящённом дисам, он чувствует к нему уже гораздо меньше неприязни, хотя ничего, кажется, не изменилось и долг мести по-прежнему тяготеет над ним...

Хорошо вдыхать встречный ветер, хорошо не быть рабом, что всю зиму греется теплом навозной кучи, хорошо быть дружинником или гостем конунга и мчаться на пир к гостеприимному ярлу!

Что за кони у Хальвдана Чёрного – соколы, а не кони! Особенно веселится сердце, когда сани летят под гору и возницы с трудом сдерживают коней. Вот как сейчас, когда внизу раскинулся ослепительно белый фьорд и на него с берега одна за другой вылетают упряжки.

Но что это? На месте передней упряжки появляется чёрное неровное пятно... Передней упряжки больше нет. Есть только зияющий зловещий пролом. Все, кто следовал сразу за упряжкой конунга, поспешно сворачивают в сторону и осаживают коней.

---

⁴⁸ Ярл – высший воинский титул, следующий за титулом конунга; наместник конунга, воевода.

Люди выскакивают из саней и бросаются к полынье. На поверхность воды всплывают обломки льда, вода клокочет и пузырится, точно сама негодует, что вынуждена была поглотить столь славного мужа и его юного сына.

Юного сына? Но Харальд жив и невредим, он стоит на льду у края пролома и не отрываясь глядит в воду. В последнее мгновение, когда сани пошли вслед за конями под воду, он успел перепрыгнуть на лёд. Наверно, он из тех, про кого в народе говорят: в воде не тонет и в огне не горит.

Харальд, как замороженный, глядит на пузыри, обломки льда и соломины, всплывающие на поверхность.

Глава двадцать седьмая. Харальд – конунг

Четыре области – Рингерике, Румерике, Вестфолл и Хедмарк – спорили за честь похоронить в своей земле прах славного конунга Хальвдана Чёрного. В конце концов сошлись на том, чтобы разделить тело конунга на четыре части и каждую похоронить в одной из четырёх областей. Насыпали четыре кургана, и каждый был назван именем любимого конунга.

Новым конунгом провозглашён Харальд, сын покойного конунга Хальвдана Чёрного. Управлять государством до совершеннолетия юного конунга и возглавлять войско будет Гутторм, дядя Харальда по матери.

Харальд уже не собирается в викингские походы – он государь, у него дела поважнее, он должен выполнить пророчество бабки Асы, а она, как известно, сказала про своего внука:

Землю норвежскую
Всю воедино
Он под своею
Рукой соберёт.

Кукша останется при нём. Предстоит пиршество по случаю весеннего жертвоприношения дисам, на нём будет отомщена Кукшина обида и Кукше не понадобится уплывать с викингами.

– А если берсерк не сдохнет здесь от яда, – говорит Харальд, – значит, проклятая ведьма сказала правду и ему суждено погибнуть где-то в дальних странах от меча. Но тут уж я ничего не могу поделать, такова его судьба.

Нет, конунг Харальд не собирается отпускать Кукшу с викингами, для них обоих лучше, если он останется. Кукша должен понять, как ему повезло, что он попал к Харальду, у Харальда он заслужит славу и богатство, а со временем, может быть, даже женится на одной из его сестёр. Каждый знает, какая это высокая честь – жениться на сестре конунга.

В смятении бродит Кукша по усадьбе и по берегу. Фьорд уже очистился ото льда, корабли тех, кто собирается в поход, спущены на воду и теперь покачиваются на якорях у островков, отделяющих простор фьорда от берега. Викинги намерены отправиться в путь сразу же после жертвенного пира и сейчас время от времени плавают к кораблям на лодках – возят припасы и налаживают оснастку.

Если они уплывут без Кукши, ему, возможно, уже никогда больше не представится случай отомстить. Но уплыть наперекор воле Харальда – значит поссориться с ним. Тогда прощай женитьба на конунговой сестре! А ведь даже знатные люди почитают за честь породниться с конунгами. Он представляет себе, как про него говорят: «Кукша? Тот, что в родстве с норвежскими конунгами?» – «Да, он самый». И от этой мысли Кукша испытывает странное удовольствие.

Как, однако, переменялся Харальд, став конунгом! Он не ночует больше в гостевом доме на общем помосте, теперь он спит в отцовской опочивальне на отцовской кровати с резными стойками и парчовым пологом. Кукша слышал, как старшие говорили, что Харальд поступает правильно, что конунгу не к лицу продолжать мальчишеское баловство, даже если он пребывает ещё в мальчишеском возрасте.

Харальд уже не собирается в заморские походы сам и не отпускает Кукшу, он заранее примиряется с тем, что обида его друга и побратима, возможно, останется неотомщённой. Какой же он, однако, после этого друг и побратим? Он не только не желает помогать, но и мешает!

Невольно Кукше вспоминается, как в тот раз, когда они смешали кровь, у него возникло подозрение, что Харальд предложил побрататься лишь для того, чтобы выведать его тайну. В душу Кукши закрадывается сомнение: «Может быть, у конунгов всё иначе, чем у остальных людей, и они по-другому понимают закон дружбы и побратимства?»

Глава двадцать восьмая. Харальдов пир

Это первое празднество при новом конунге. Кажется, пир удался на славу. Впрочем, он ещё не кончен. Сказать, что пир удался, можно будет лишь в том случае, если ничто не омрачит его и он завершится так же хорошо, как и начался.

На пиру множество людей с разных концов страны. Они воспользовались праздником, чтобы приехать и помянуть покойного конунга, которого все уважали за мудрость и справедливость, а заодно познакомиться с новым конунгом, совсем ещё юным, но, как говорят, властным и решительным.

Щедро льётся мёд в рога, искусно отделанные серебром, с серебряными лапками, чтобы их можно было ставить. Служанки с ног сбиваются, разнося по столам подносы с яствами. На служанок покрикивает управляющий Бьёрн, всю жизнь верно служивший покойному конунгу и распоряжавшийся у него на пирах.

На почётном сиденье вместе с конунгом Харальдом по правую руку от него сидит Гутторм, конунгов дядя и воспитатель, по левую – Кукша, друг и побратим. Напротив них, на втором почётном сиденье, сидит Хаскульд, близ него Тюр, Сван и прочие Хаскульдовы воины.

Много уже выпито, но жажда пока что не ослабела. Гости поминают умерших, и прежде всего покойного Хальвдана. Пьют они и за здоровье юного конунга, желая ему во всём быть подобным отцу.

Больше всех пьют Хаскульд и его товарищи. Гостеприимный конунг особенно внимателен к ним. Да и как же иначе? Ведь это друзья его побратима, в котором он души не чает. Впрочем, каждый разумный конунг старался бы расположить к себе таких доблестных и бывалых воинов. Чего стоит хотя бы Сван, бесстрашие и сила которого известны далеко за пределами Норвегии!

К Хаскульду и его друзьям то и дело подходят служанки с полными рогами, посланные то конунгом, то его управляющим Бьёрном. Чаще всех подносят Свану, очевидно, конунг полагает, что у самых неистовых воинов должна быть самая неистовая жажда.

Наконец, некоторые из товарищей Хаскульда начинают сдавать; Тюр, сидящий рядом со Сваном, уже еле держится на лавке, однако ему неохота покидать весёлый пир и одному тащиться спать в гостевой дом. Кое-кто из остальных тоже клюёт носом.

В гриднице жарко. Мёд в жбанах, внесённый к началу пира, успел согреться. Не худо бы принести гостям холодного мёда!

Харальд подмигивает управляющему Бьёрну, тот понимающе кивает и покидает гридницу. Вскоре из двери, ведущей в сени, появляется служанка, держа перед собой большой наполненный рог, она идёт ко второму почётному сиденью и отдаёт рог Тюру. Вслед за нею показывается другая служанка с таким же рогом и направляется к Свану.

Юный конунг пожирает Свана глазами, когда тот принимает от служанки рог. Кукша тоже весь напрягается, словно тетива лука. У него вдруг возникает сомнение: да подменил ли он мешочек с ядом? Ведь он мог спросонья перепутать и надеть на шею Харальда тот же мешочек, что и снял. А может, он и вообще в ту ночь не просыпался и всё, что он тогда делал, ему только приснилось! Видя, что Сван собирается пить, Кукша вскакивает, чтобы бежать к Свану и на всякий случай выбить рог у него из рук. Поняв Кукишино движение, Харальд хватается за плечо и сажает на место.

– Не мешай ему, – шепчет Харальд Кукше в ухо, – пусть полечится от изжоги!

В это время Сван взглядывает на юного конунга и кричит ему, что пьёт этот рог скорби в память его отца, славного конунга Хальвдана Чёрного. С этими словами он выпивает содержимое рога и возвращает рог служанке.

Кроме Харальда и Кукши в гриднице есть ещё один человек, который с особенным вниманием следит за происходящим. Это Сигню, сидящая на женской скамье в конце гридницы.

Рядом со Сваном сидит Тюр; осоловело глядя на только что принесённый рог, он не в силах больше пить и не знает, что ему с ним делать. Сван избавляет его от сомнений, забрав у него рог и единым духом осушив его в честь ныне здравствующего конунга Харальда.

Едва Сван успевает опорожнить рог, как Тюр сползает с лавки и валится на пол. Если бы Тюр хотя бы пригубил принесённый ему мёд, Харальд мог бы, пожалуй, решить, что служанки перепутали рога и Тюр отравлен вместо Свана.

Но Харальд ясно видел, что Тюр не прикоснулся к напитку, что Сван выпил оба рога. Юный конунг не верит своим глазам, он спрашивает у Кукши, так ли всё было, как он видел, и Кукша подтверждает, что Харальд не ошибается.

Проклятая ведьма права – не время ещё умереть могучему берсерку! Харальд говорит это Кукше, и тот кивает. Кукша испытывает громадное облегчение, он не может скрыть радостной улыбки.

Однако Харальд даже не замечает его радости. Юный конунг взволнован: у него на глазах сбылось пророчество. Значит, судьбу ничем не отворишь. Но, значит, так же неотвратимо сбудется и пророчество бабки Асы, ведь не зря же она выходила из кургана!

Нет, беспокойному Харальду мало того, что он видел, он недоверчив, как все конунги. А вдруг колдунья обманула его и насыпала в кожаный мешочек золы? Может, она потому и предсказывала так уверенно, что Сван не умрёт на пиру?

Харальд уже забыл, что всё дело он затеял для того, чтобы отомстить за Кукшину обиду. Теперь он поглощён одной мыслью – проверить колдунью, проверить судьбу. Его увлекает эта удивительная игра. К тому же, проверяя предсказание колдуньи, он как бы проверяет заодно и предсказание бабки Асы.

Сейчас он прикажет своим людям убить Свана, когда тот выйдет из гридницы. Если колдунья права, то и из этого ничего не получится, и, значит, Сван действительно должен погибнуть от меча в дальних краях. Но если людям Харальда удастся его убить, значит, Харальда обманули, значит, яд был не яд, а простая зола, средство от изжоги!

Щёки Харальда пылают; сообщая Кукше о своём намерении проверить колдунью, он почти не понижает голоса. Кукша невольно оглядывается на Гутторма. Но Гутторм ничего не слышит, он поглощён разговором с ярлом Сигурдом.

– Если проклятая ведьма посмеялась надо мной, – говорит Харальд, – завтра она пожалеет об этом!

Кукша догадывается, что сделают с колдуньей, если Свана сегодня убьют. Однако ему и в голову не приходит, какая буря бушует в душе Харальда, как страстно он желает спасения Свану, хотя сейчас прикажет убить его, только сперва обдумает, кому из надёжных людей поручить убийство. Конунг спрашивает совета у своего побратима, но побратим не может сказать ничего вразумительного.

Кукша не знает, как быть. Он находит глазами Сигню на женской скамье и встречается с нею взглядом. Сигню улыбается ему. Однако её удивляет Кукшин растерянный вид. В чём дело? Ведь всё, кажется, вышло так, как он хотел. Кукша видит, что Сигню встревожена, но не имеет возможности ничего ей объяснить.

Наконец любопытство побеждает Сигню, и она придумывает, что ей следует сделать. Она выходит в сени, потом возвращается, неся два рога холодного мёда, и направляется к Харальду и Кукше.

– Мне показалось, что вам жарко, – говорит она, подавая им мёд, и садится рядом с ними.

Но Харальду не до напитков, он поднимается и вместе с Бьёрном выходит в сени, ему надо отдать кое-какие распоряжения.

Сигню оглядывается на Гутторма – тот по-прежнему занят беседой с ярлом Сигурдом и не обращает на них внимания.

– В чём дело, говори скорее, – шепчет она Кукше.

Кукша рассказывает ей о том, что задумал её брат. Сигню слушает и кивает. Потом она берёт из рук Кукши рог и, напевая, идет через гридницу к скамье напротив. Остановившись перед Сваном, она протягивает ему рог и произносит вису:

Тот, кто пьёт сегодня
На пиру всех больше,
Должен остеречься,
Выходя отсюда.
Сталь мечей звенящая
Жаждет крови воина.
Помни, рыжий воин,
Предостереженье!

Сказав это, Сигню, не оглядываясь, идёт прочь к женской скамье.

Сван мгновенно трезвеет, он смотрит вслед прекрасной деве, он знает, что таких вещей зря не говорят. Могучий берсерк не из тех, кто в бездействии ожидает своей судьбы. Если его подстерегает опасность, он бросается ей навстречу, нечего жмуриться, от судьбы всё равно не спрячешься!

Судя по словам прекрасной Сигню, дело касается его одного. Значит, незачем поднимать лишний шум и впутывать других. Выпив рог, принесённый девой, Сван встаёт и направляется к двери. Распахнув её ногой, он обнажает меч и выходит из гридницы.

Никто не замечает исчезновения Свана, в гриднице по-прежнему царит весёлый пьяный гомон. Немного погодя возвращается Харальд, он садится на своё место и говорит Кукше:

– Ведьма не соврала – Сван ушёл живым. А старик Бьёрн и ещё двое лежат мёртвые. Мои люди бросились было искать проклятого берсерка, но я им сказал, чтобы не тратили попусту времени.

Кукша с удивлением замечает, что лицо конунга Харальда озарено радостью.

Глава двадцать девятая. Отплытие

Готовые к отплытию корабли стоят на якорях на открытой воде фьорда, отделённой от берега цепью островков. Кораблей три, на одном предводительствует Хаскульд, на двух других – братья Хринг и Хравн. Братья и Хаскульд решили объединиться для похода.

Викинги ждут попутного северного ветра. Хаскульд и его люди не очень-то веселы, хотя и отправляются в долгожданный поход, о котором столько говорили зимой. Вчерашний пир закончился намного хуже, чем можно было ожидать. Во время пира пропал Сван, один из лучших воинов ватаги. Он убил троих людей конунга, в том числе управляющего Бьёрна, а сам как в воду канул.

Однако ещё хуже, может быть, то, что своенравный Харальд не отпустил Кукшу, несмотря на незаконность такого действия. Юный конунг с самого начала показывает коготки. Он не похож на своего покойного отца, которого все так любили и уважали. Разве при Хальвдане Чёрном возможны были такие беззакония?

Попутного ветра всё нет. Хринг со своего корабля кричит в берестяной рупор, что надо отправляться на вёслах, что попутного ветра может и не быть. Хаскульд отвечает, что спешить некуда и лучше всё-таки ещё немного подождать.

В это время из-за островков показывается лодка. Она приближается к дракону. В ней один гребец. Может быть, в лодке сидит Сван? Нет, на Свана гребец не похож, слишком мал ростом. Да ведь это Кукша! Он удрал от конунга, чтобы отправиться с ними в поход. Вот настоящий викинг! Как разумно они поступили, увезя его с собой из Гардарики!

Кукшу встречают ликованием. Этот отрок несомненно вестник счастливой судьбы. Суровые, обычно сдержанные воины радуются, как мальчишки, тормозят и расспрашивают Кукшу.

Оказывается, конунг Харальд, не уверенный в том, что Кукша останется у него по доброй воле, велел запереть его в оружейной и держать там, пока не уплывут викинги. Такой поступок конунга окончательно решил дело. Свободолюбивый отрок уже не мог оставаться у него. При помощи меча и секиры Кукша сделал подкоп под стену и убежал.

Впрочем, самым трудным и опасным делом были не подкоп и побег – следовало ещё пробраться в гостевой дом, Кукша ни за что не хотел оставлять там свои доспехи. Вот тут-то легко было попасться. Хорошо, что большая часть Харальдовой челяди⁴⁹ не знала, что Кукша посажен под замок в оружейную. Было у Кукши и ещё одно дело в усадьбе, о котором он викингам не сказал, – проститься с Сигнью.

Благодарение судьбе, Кукша вернулся! Так вот чего ждал мудрый Хаскульд, оттягивая отплытие! На корабле уже нет и следа уныния, которое только что царило. Радость от того, что вновь обретён Кукша, почти начисто смыла огорчение от потери Свана.

Однако радоваться рано. В протоке между островками появляются боевые корабли. Это корабли конунга. Сомнения нет, конунг ищет Кукшу.

– Давай поднимем якоря, – говорит Тюр, обращаясь к Хаскульду, – и попытаемся уйти от них на вёслах.

– У меня нет желания, – отвечает Хаскульд, – проверять, чьи корабли более быстроходны, конунговы или наши. Тем более что направление ветра благоприятно для них, а не для нас.

Кукша поникает. Значит, зря он старался, ему сейчас придётся перейти на Харальдов корабль и вернуться в усадьбу.

– Надо выбить дно у двух бочек, – продолжает Хаскульд, – а Кукше залезть в них. Мы свяжем их выбитыми доньями друг к другу и бросим за борт.

Корабли конунга приближаются к кораблю Хаскульда. Харальд кричит:

---

⁴⁹ *Челядь (собир.)* – прислуга, рабы.

– Выдайте мне Кукшу, если хотите сохранить со мной мир. Он обманул меня, и я должен его проучить.

– Государь, – отвечает Хаскульд, – здесь нет Кукши. Если не веришь, можешь обыскать корабль.

Харальд и несколько его дружинников переходят на Хаскульдов корабль и тщательно обыскивают его.

– Попробуйте поискать на корабле Хринга, – говорит Хаскульд, когда конунг прекращает поиски, – мне кажется, кто-то не так давно переплывал туда на лодке.

Конунг отправляется к кораблю Хринга и обыскивает его. Тем временем Хаскульд велит достать бочки, выпустить Кукшу и снова бросить бочки за борт. Продрогшему в ледяной воде Кукше дают переодеться в сухое и укрывают овчинными одеялами. Харальд, не найдя никого на корабле Хринга, задумчиво глядит на Хаскульдов корабль. На его детском лбу появляются две поперечные складочки.

– Как же мы не догадались, – говорит он вдруг своим дружинникам, – заглянуть в те бочки, что плавают возле корабля. Я уверен, что Кукша там! Плывём туда скорее!

Видя, что конунг возвращается к его кораблю, Хаскульд велит взять несколько мешков из кладки, спрятать там Кукшу и снова положить мешки так, чтобы для Кукши оставалась пустота величиной в один мешок.

Подойдя к Хаскульдову кораблю, Харальд велит достать и развязать бочки. Убедившись, что они пусты, он подозрительно обшаривает глазами каждый предмет на Хаскульдовом корабле и возвращается на свой корабль.

– Государь, – говорит Хаскульд ему вслед, – может быть, не мешает теперь обыскать корабль Хравна?

Юный конунг искоса взглядывает на Хаскульда и отворачивается. Ему кажется, что Хаскульд издевается над ним. Конунговы корабли ни с чем направляются к берегу.

Вскоре начинает дуть северный ветер, и на всех трёх кораблях поднимают паруса. Корабли, истомлённые долгим стоянием на якорях, вольно устремляются на юг. Викинги видят, как наперерез им от одного из островков идёт лодка. Человек, сидящий в ней, гребет сильно и умело. Это Сван.

Вещий Хаскульд, как всегда, оказался прав, не желая уплыть без Кукши. С появлением удачливого отрока незамедлительно поднимается попутный ветер, а вслед за тем обнаруживается и Сван. Шумное веселье сопровождает возвращение берсерка на корабль. Даже Кукша радуется ему, как родному.

После ночной стычки с людьми конунга Сван прятался на островках, ожидая, когда его товарищи тронутся в путь. Он видел конунговы корабли и думал, что ищут его.

Корабли выходят из фьорда в открытое море. Холодное солнце, холодный ветер. Вода вдали тёмно-синяя, с отливом в черноту. По ней бегут стада белых барашков. Вблизи вода вздыбливается зелёными волнами, сквозь которые просвечивает солнце.

Кукша смотрит на море. Он сейчас не думает ни о доме, ни о долге мести, что тяготеет над ним. Он просто смотрит на море и слушает свист ветра в снастях да уханье волны, разрубаемой носом корабля.

Настал час, и он уплывает от Харальда, лукавого побратима и своевольного конунга. От Харальдовой взбалмошной и доброй сестры. Сегодня Кукша впервые видел слёзы на глазах хохотушки Сигню. Жаль, что Сигню – сестра Харальда! Кукша уж больше никогда её не увидит. Как бы ни сложилась его судьба, вряд ли он снова ступит на землю, которой правит конунг Харальд.

Колдунья ни в чём не обманула Харальда – похожий на золу порошок всё-таки оказался ядом. Кукша высыпал его вечером в том месте, где выливают помои, а наутро узнал, что там сохли петух и две курицы, копавшиеся в помоях.

На всякий случай Кукша сжёг в очаге мешочек, который честная колдунья дала в своё время его побратиму.

Быстро сгорел среди пылающих угольев крохотный кожаный мешочек. Так же быстро сгорела дружба Харальда и Кукши. Нет, как видно, проку в дружбе между конунгом и простым смертным!

Глава тридцатая. Датские викинги

Три мурманских корабля плывут на юг вдоль западных датских берегов.

Датские берега не похожи на норвежские, здесь не видать ни гор, ни скал, песчаные просторы отделяют от моря ровные зелёные луга и буковые рощи.

Здесь хозяйничают все, кому не лень, – и пришельцы из других земель, и датские любители быстрой наживы. Несколько лет тому назад в междоусобной борьбе погибли почти все члены конунгова рода, и страна распалась на множество областей, враждующих между собой. Некому теперь собрать силы и дать отпор викингам, нагло опустошающим страну. Молодые даны, знатные и незнатные, больше склонные к грабительским походам в Англию и землю франков, нежели к защите родных берегов, а нередко и сами грабят берега своего отечества.

Прибрежные жители покидают земли, где стояли их селения, ныне сожжённые викингами, и уходят в глубь страны. Кое-где жители строят укреплённые бурги, в которых затворяются со всем своим скарбом, едва завидят на море полосатые паруса.

Самые бедные и убогие никуда не бегут и не прячутся, считая свою бедность надёжной защитой. Но и они не всегда оказываются правы – случается, что викинги врываются и к ним, отбирают последние припасы и в гневе на то, что пожива слишком мала, сжигают их жалкие лачуги.

Людам Хаскульда, Хринга и Хравна иной раз не удаётся здесь раздобыть даже пропитание, и им приходится тратить свои запасы. Но викинги не унывают – впереди, на западе, их ждут богатые, пока что не разорённые страны!

Кукше не приходится грести – ещё мал, и он коротает время с теми, кто отдыхает от гребли.

Тюр рассказывает молодым викингам, что здесь, в Дании, многие отступаются от богов своих предков – Одина, Тора и прочих – и поклоняются Иисусу Христу, Богу, распятому на кресте. Немудрено, что даны терпят такие бедствия: как может их защитить Бог, который не смог защитить Самого Себя!

Рассказывает Тюр и о том, как иные даны, мурманы или свеи, делают вид, что переходят в новую, христианскую веру, чтобы получить подарки, положенные при Крещении.

– Один император франков – это у них самый главный конунг, – говорит Тюр, – требовал, чтобы все люди, которые прибывают к нему, принимали Крещение, то есть отрекались от своих богов и начинали веровать в Распятого. Как-то являются к нему с полсотни викингов и говорят: «Окрести нас. Мы желаем отныне веровать в твоего Бога». Императора долго упрашивать не пришлось. Викингов тут же окрестили и по франкскому обычаю раздали крещёным белые одежды и разные подарки – деньги, украшения и всякую снедь. Случилось так, что одежд на всех не хватило. Викинги, понятно, начинают рвать их на части – делить как положено, чтобы было поровну. А самый старый швырнул императору полученное одеяние и сказал: «Я принимал Крещение двадцать раз и всегда получал хорошую одежду, а ныне мне дали мешок, больше подходящий пастуху, нежели воину».

Викинги смеются. Конечно, что это за Бог, если Он позволяет такие шутки со своей верой! Впрочем, они знают, что и их могучие боги часто прощают людям святотатство. Знаменитый воитель Фритьоф Смелый осквернил и сжёг храм бога Бальдра⁵⁰, любимца богов и людей, и не только не поплатился за это, но, напротив, вознёсся на вершину славы и удачи.

Есть среди викингов двое или трое таких, что на всякий случай приняли христианство, но поклоняются и своим богам. Они рассудили: пусть нам помогает и распятый Бог и боги предков!

---

⁵⁰ Бальдр – самое светлое божество скандинавского языческого пантеона.

Кто-то из них говорит Тюру:

– Бог Один сам повесился на дереве, чтобы обрести мудрость. Откуда мы знаем, зачем дал Себя распять Иисус Христос?

Кончаются датские берега, корабли плывут вдоль островов, населённых фризами⁵¹. Фризы – знаменитые суконщики, их цветные сукна скупают разноплеменные купцы и везут во все страны, даже далеко на Восток. Викинги, возвращающиеся с запада, стараются купить в здешних землях побольше сукон, если не удаётся добыть их грабежом.

Впереди показываются два лесистых острова. Чтобы спрямить путь, Хаскульд направляет корабль в пролив между ними. Справа и слева проплывают уютные зелёные берега, изрезанные удобными бухтами.

Вскоре викинги обнаруживают, что входить в пролив не следовало: на их пути появляются четыре боевых корабля – два идут от одного острова, два – от другого. Видно, они прятались до поры в укромных бухтах.

Можно ещё попытаться удрать, кораблю не нужно разворачиваться, чтобы плыть назад, достаточно гребцам пересестись на сундучках, заменяющих им лавки, таким образом, чтобы оказаться лицом к вражеским кораблям.

Однако викинги стыдятся удирать. К тому же, несмотря на совершенство их корабля, остановка и начало движения назад сопряжены с потерей времени, выгодной для преследователей.

Но самая страшная потеря заключается в другом. Опытные воины хорошо знают: у тех, кто спасается бегством, неизбежно падает боевой дух, у тех же, кто преследует, он, напротив, неуклонно нарастает.

– Это даны, – говорит Хаскульд. – Приготовимся к бою и будем продолжать свой путь. Но если они не нападут на нас, мы тоже не будем их трогать.

На кораблях Хринга и Хравна согласны с мнением Хаскульда.

Все надевают доспехи и проверяют оружие. Кукша тоже надевает свой сарацинский шлем и разматывает пращу. Он искоса поглядывает на Свана – ведь это та самая праща, с которой Кукша когда-то охотился за ним! Но Сван не обращает на Кукшу и его пращу никакого внимания. Ноздри его раздуваются, и ветер шевелит длинную рыжую гриву.

Корабли сближаются настолько, что уже можно переговариваться. На самом большом из встречных кораблей возле мачты стоит человек в синем шёлковом плаще. Он кричит:

– Как зовут старших на ваших кораблях?

Хаскульд кричит ему в ответ:

– Меня зовут Хаскульд, а ещё со мной братья Хринг и Хравн. А как твоё имя?

– Мое имя Атли, – отвечает человек в синем плаще, – со мной мой брат Ацур! У вас есть выбор: либо вы сойдёте на берег, а мы заберём ваше добро, либо мы нападём на вас и перебьём всех до единого.

Слыша его речи, Хаскульд и прочие викинги убеждаются, что перед ними действительно даны, ибо только даны говорят так неразборчиво, будто у них во рту горячая каша.

Хаскульд оглядывается на корабли Хринга и Хравна и видит, что гребцы на них стараются изо всех сил, чтобы вовремя поспеть к месту боя, а Хринг, Хравн и остальные стоят в полной боевой готовности.

Тогда Хаскульд спрашивает у своих товарищей, что они думают насчёт предложения Атли. Викинги отвечают, что, по их мнению, надо как можно скорее начать битву. И Хаскульд кричит предводителю данов:

– Не спеши делить добычу, Атли! Мне кажется, что победа пока ещё в руках у судьбы!

---

⁵¹ Фризы – германское племя, в Средние века жившее на северо-западе нынешней Германии.

Глава тридцать первая. Морская битва

Корабли, оскалив хищные звериные пасти и оцетинившись копьями, устремляются навстречу друг другу. Атли хватает тяжёлое копьё и мечет его в корабль Хаскульда. Оно насмерть поражает воина, стоявшего впереди. В следующее мгновение один из воинов Атли забрасывает крюк на корабль Хаскульда и начинает притягивать его к себе.

Не дожидаясь, пока корабли сойдутся бортами, Сван перепрыгивает ещё весьма широкую полосу воды и оказывается на корабле Атли. Вслед за ним прыгают другие.

Атли поднимает секиру и наносит страшный удар по щиту Свана. Щит расщепляется пополам, но в следующий миг Сван отсекает руку врага, сжимающую секиру. Атли отбрасывает щит за спину и поднимает секиру левой рукой. Но в нём уже нет прежнего проворства, Сван отсекает ему вторую руку прежде, чем Атли успеет занести секиру для удара. Атли спотыкается, падает на колени и куда-то уползает. Вскоре он появляется у борта корабля, держа обрубками рук чёрный ларец. Сделав последнее усилие, он прыгает за борт. Атли отправился в Вальгаллу вместе со своим золотом, как велит воинам Один.

Оставшись без щита, Сван берет меч обеими руками и рубит направо и налево. Он рычит, как дикий зверь, с губ его падает пена. Некоторые из тех, что последовали за ним на корабль Атли, заражаются его неистовством, и звон боевой стали смешивается с диким рычанием и воем бойцов.

Люди погибшего Атли падают один за другим, натиск слишком силён. Оставшиеся в живых не выдерживают и начинают прыгать за борт, кто не тонет сразу, тот плывёт к берегу.

Тем временем с другой стороны к Хаскульдову дракону подходит ещё один вражеский корабль, и людям Хаскульда приходится туго. Даны наводняют носовую часть корабля. Хаскульд вынужден вернуться с корабля Атли на выручку своим.

Хаскульд – опытный воин. Несколько данов безуспешно пытаются одолеть его. С третьего вражеского корабля кто-то мечет в него копьё. Хаскульд успевает отскочить в сторону, и копьё поражает дана, который зашёл сзади и хотел нанести удар Хаскульду в спину.

Хаскульд пронзает мечом двоих, а третьего сталкивает щитом в воду. Неожиданно на его пути вырастает могучий воин, это Ацур, брат убитого Атли. Его меч уже обagrён кровью многих людей Хаскульда. Ацур зловеще улыбается и не спеша идёт на Хаскульда.

– Мне жаль тебя, – насмешливо говорит Ацур, – ты уже не сможешь никому рассказать об этой славной битве.

Хаскульд отступает, потом, изловчившись, наносит сильный удар. Меч глубоко вонзается в щит Ацура. Тот отводит щит в сторону, и меч Хаскульда переламывается у самой рукоятки.

Безоружный Хаскульд пятится перед нарочито медленно надвигающимся на него противником. Но тут в правую руку Ацура попадает камень. Ацур роняет меч, Хаскульд подхватывает его и недолго думая закалывает врага.

Камень, попавший в руку Ацура, пущен Кукшей. Битва на Хаскульдовом драконе кипит в носовой части судна, а в кормовой нет никого, кроме Кукши. От глаз сражающихся его отчасти заслоняет мачта, на которой косо висит рея со свёрнутым парусом. Кукша не теряет времени даром – возле него большой запас камней, и он мечет их туда, где, по его мнению, они нужнее всего.

Один из вражеских воинов замечает отрока с пращой как раз в то мгновение, когда он спасает своего предводителя от верной гибели. Дан устремляется к отроку, держа наготове окровавленное копьё, которым он только что пронзил Хаскульдова воина.

Кукша успевает метнуть в него камень, но дан заслоняется щитом, и камень, с громким стуком ударившись о щит, бессильно падает на палубу. Кукша бежит прочь, по дороге он на

всякий случай обнажает свой меч, хотя и понимает, что меч мало поможет ему в схватке со взрослым воином.

Кукше ничего не остается, как прыгнуть в воду. Нет, уже не успеть: пока он будет вскакивать на борт, дан как раз достанет его копьем. Неожиданно для преследователя, а может быть, и для самого себя Кукша останавливается и поворачивается лицом к врагу. Дан, ухмыляясь, поднимает копье, и Кукша в отчаянии швыряет в него свой меч.

К сожалению, меч на лету переворачивается и попадает в лицо врага не острием, а рукояткой. Но и этого достаточно для того, чтобы враг замешкался, а Кукша проскочил мимо него, уйдя таким образом из ловушки.

У преследователя разбита правая бровь, и кровь заливает ему глаз. Дан задыхается от ярости, он больше не хочет продолжать игру в кошки-мышки, он изо всех сил кидает копье, целясь бегущему отроку между лопаток. Копье с шипением обгоняет Кукшу и глубоко вонзается в палубный настил, оно пролетело значительно левее цели. Правый глаз воина залит кровью, а он не успел сообразить, что если видишь только левым глазом, то и копье надо кидать левой рукой.

Воин вынимает из ножен меч и с проклятиями бросается вслед за Кукшей. Кукше ясно, что теперь ему не уйти, рассвирепевший дан сейчас настигнет его – и конец. Ведь у Кукши в руках уже нет даже его короткого меча. Если бы успеть прыгнуть в воду!

Вдруг с носа корабля Атли на Хаскульдов дракон перепрыгивает какое-то косматое чудовище с рыжей гривой. Оно вырастает на пути Кукши. Возможно, это то самое существо, которое мурманы называют троллем, потому что простому смертному такой прыжок не под силу.

Троль, конечно, явился, чтобы уничтожить его, Кукшу. Чудовище в бешенстве оттого, что дерзкий мальчишка заставил взрослого воина так долго возиться с собой. Кукша не пытается спастись, одно дело тягаться с человеком, пусть даже очень сильным, и совсем другое – с троллем или шишком. Это безнадежное занятие.

Однако вражеский воин, увидев тролля, в страхе пятится, он тоже, как видно, не ждет от него добра. И правда, троль, едва очутившись на палубе, устремляется к дану. Дан в отчаянии прыгает за борт и плывет в сторону открытого моря.

Тогда троль, оказавшийся Сваном, выдергивает из палубы копье и мечет его вдогонку датскому викингу. Копье попадает дану между лопаток, плывущий сразу погружается в воду, а вскоре исчезает в воде и древко копья.

Глава тридцать вторая. Кукша в нерешительности

Тем временем люди Хринга и Хравна тоже не мешкают, они стремительно нападают с двух сторон на корабли, сцепившиеся с Хаскульдовым драконом. Братья бьются как одержимые, каждый сжимает одной рукой меч, другой – секиру, натиск их подобен буре, никто не может устоять перед ними. Мало-помалу чаша весов склоняется в пользу Хаскульда, Хринга и Хравна, несмотря на первоначальное численное превосходство у Атли и Ацура.

Наконец раздаётся высокий звук рога, возвещающий о конце сражения – он такой мирный, словно где-то неподалёку пастух созывает коров на пастбище. Даны, потерявшие обоих предводителей, не выдержали и запросили пощады.

Сеча была жестокая, погибло много народу с обеих сторон. Погиб Хравн – его кто-то так ударил копьём в спину, что наконечник вышел из груди. Обезумевший от потери Хринг ринулся на вражеские корабли и начал убивать всех подряд, несмотря на то, что даны объявили, что сдаются на милость победителей. Видя, что просьба о пощаде не принесла им спасения, даны стали прыгать за борт, а некоторые снова взяли за оружие.

Кое-как Хаскульду удаётся утихомирить Хринга, и оставшиеся в живых даны помогают перетаскивать добро на корабли победителей. Победители забирают всё оружие, кроме того, что Хаскульд великодушно оставляет побеждённым, забирают сукно, которое даны успели награть здесь, в краю фризов, и много всякой прочей добычи, в том числе немало золота и серебра.

В стане победителей больше всего павших приходится на дружину Хаскульда. Хаскульдов корабль завален телами и своих и врагов. Победители понимают, что дело решила прежде всего доблесть Свана и людей, которых он ещё в самом начале заразил своим бесстрашием и яростью.

А самого Свана что-то не видать. Неужели доблестный берсерк погиб? Тюр безуспешно ищет его тело на корабле Атли.

Нет, Сван не погиб. Когда он убил дана, охотившегося за Кукшей, и собирался снова ринуться в гущу сражения, звук рога возвестил об окончании битвы, и бранный шум стих. Сван поднял бочонок с мёдом, осушил его и швырнул пустой бочонок за борт. Потом он рухнул, как подкошенный, и теперь лежит в приступе берсеркского бессилия.

Возле него стоит Кукша, в руке у него блестящий меч, сослуживший ему сегодня добрую службу. Перед Кукшей Сван, распростёршийся на палубе.

Вряд ли судьба пошлёт более удобный случай – теперь ему легко убить берсерка и легко скрыть, что убил он. На корабле валяется много окровавленных тел, кому придёт в голову, что Свана убил Кукша!

Отчего же он, однако, медлит?

Раздувая ноздри, Кукша ловит запах Свана, он хочет распалить себя и тогда погрузить меч в горло врага своего рода. Но это не помогает, запах Свана уже не кажется ему столь враждебным, как раньше, более того, Кукша улавливает в нём даже что-то приятное.

Кукша пытается вспомнить матушку, но матушка, и сёстры, и родной дом словно подёрнуты плотной дымкой. И в душу его закрадывается сомнение, есть ли они на самом деле? Всё это было так давно, что, может, и не было вовсе...

В голове его крутится и не находит разрешения одна и та же мысль: если бы не подоспел Сван, вражеский воин убил бы Кукшу. А если бы Кукша погиб, некому было бы сейчас убить Свана. Значит, Сван спас его на свою погибель? Снова и снова Кукшина мысль бежит по заколдованному кругу, и никак ей из него не выскочить.

Явился бы сейчас Домовой и подсказал, как быть! Однако Домового Кукша не видел с тех пор, как ночевал в чудском капище. Домовой тоже словно прячется в дымке. Да и был ли он?

Кукша садится на балку, положенную поперёк судна: убивать удобнее стоя, а думать – сидя. Убрать меч в ножны он забывает и недвижно сидит, опершись подбородком на рукоятку.

Глава тридцать третья. Буря

При дележе добычи Кукша получает долю наравне со всеми. Викинги говорят о том, что к Кукше на редкость благосклонна судьба и что это справедливо с её стороны, ибо он храбрый и умелый воин.

Кукше приятно слышать похвалы бывалых бородатых воинов, но особенно тешит его гордость то, что он получил долю в добыче наравне со взрослыми. Теперь он рад, что не убил Свана, как бы он сейчас смотрел в глаза остальным?

Кукша захвачен опьянением победы, это чувство похоже на то, которое он испытывал после охоты с отцом на медведя. Как жаль, что никто из домовичских сверстников не видит его торжества! Да и взрослые сейчас бы качали головами и говорили:

– Да, Кукша – настоящий воин, не хуже своего отца.

Только какой-то червячок точит его сердце: нет, Кукша, не всё ладно, не всё хорошо, нечего тебе так радоваться! Но Кукша старается не обращать на него внимания. Что ему до каких-то червячков, ведь он вместе со взрослыми воинами участвовал в настоящей морской битве, они победили в ней, и теперь все его хвалят!

Время от времени викинги пристают к берегу или входят в устья рек. В прибрежных селениях слышатся крики и стоны, мольбы о пощаде. Викинги убивают всех, кого могут убить, и уносят всё, что могут унести. Остальное имущество и дома они сжигают, а скот режут, и мясо, которое они не смогли взять с собой, гниёт на берегу. Иные воины развлекаются тем, что подбрасывают младенцев и ловят их на копья. Это в обычае у викингов. Один только Тюр не одобряет подобного развлечения.

– Скверное это занятие, – говорит он, – скверное и недостойное воина. Недаром знаменитый вождь Альвир Детолоб запретил своим воинам так делать.

Но викинги только посмеиваются над его упрёками, называя его самого Тюром Детолобом.

Во время набегов корабли обычно стоят на якоре в море или на реке, а воины отправляются на берег в лодках. Кукша остаётся с теми, кто сторожит корабли. Он не видит того, что происходит в разоряемых селениях, только видит, как вдали начинает клубиться дым пожаров, а погода возвращаются в лодках воины и перетаскивают на корабли мешки и сундуки с награбленным добром.

Всё было точно так же, когда они плыли из Гардарики вдоль берегов Варяжского моря, направляясь в страну мурманов, только добыча была беднее.

Сван, после того как спас Кукшу, очень привязался к нему, часто заговаривает с ним, сулит, что скоро возьмёт его с собой в набег – пора ему привыкать к настоящей воинской жизни.

Кукша боится смотреть Свану в глаза: вдруг он догадается, что Кукша ещё совсем недавно собирался убить его. Однако ему хочется, чтобы его взяли в набег, ведь он уже взрослый воин, они сами столько раз говорили об этом! Но Тюр неизменно возражает против этого: нечего спешить, Кукша ещё мал.

Меж тем корабли минуют берега Англии и плывут на запад вдоль северной части Франкской империи. Здесь они редко пристают к берегу – берега сильно опустошены данами, то и дело встречаются их корабли. Иные из кораблей данов нагружены добычей, это видно по их осадке, но Хаскульд и Хринг уклоняются от столкновений.

Скоро берега Франкской империи повернут на юг, там начинается открытый океан, который, как полагают викинги, нигде не кончается.

Дует сильный юго-восточный ветер. Кукша смотрит, как бело-красные полосатые паруса двух других кораблей ныряют в волны. Каждый раз кажется, что теперь-то уж они скрылись навсегда. Однако корабли ухитряются вынырнуть, и игра начинается сначала.

Несмотря на то, что викинги плывут далеко от берега, ветер оттуда дует горячий, как из печи. Его нисколько не остужает большое водное пространство. Солнце палит нещадно. Но никто не раздевается – солнце расслабляет человека, подставляющего ему голое тело. Впрочем, время от времени порыв ветра срывает пенные гребни с волн, и тогда водяная пыль и брызги освежают мореходов.

К вечеру ветер продолжает усиливаться, так что даже приходится спустить паруса. Смеркается, но крепчающий ветер не даёт приблизиться к берегу, и темнота застаёт викингов на воде.

Ночью разыгрывается буря с грозой. Уже непонятно, откуда дует ветер и куда несёт корабли, гребцы и кормщики напрягают все силы, чтобы корабли не развернуло бортом к ветру. Те, кто не занят на веслах, вычёрпывают воду. Викинги стараются не потерять из виду другие корабли. К счастью, в этом им помогают беспрерывно вспыхивающие молнии. Только бы не унесло в бесконечный океан!

С приближением утра гроза кончается, но ветер не стихает. Он лишь меняет направление и становится пронизывающе холодным. Люди достают из сундуков тёплую одежду.

Утром ветер ослабевает, но зато откуда-то приносит густой, как молоко, туман. Чтобы не потеряться, люди на разных кораблях постоянно перекликаются друг с другом. Голоса их увязают в тумане, словно в гряде неспряденной шерсти.

Никто не знает, где они – может быть, далеко в открытом океане, и им уже никогда не найти никакой земли. А может быть, наоборот, их несёт сейчас к неизвестному берегу, где их поджидают предательские подводные камни.

На склоне дня туман рассеивается, и появляется солнце. Викинги видят вдали высокий берег, кое-где изрезанный глубокими бухтами. Вскоре ветер совсем стихает. Однако со стороны берега доносится сильный шум прибоя. Это о прибрежные камни разбивается зыбь. Старшие на кораблях полагают, что их, вероятно, принесло к берегам франкской земли.

Берега кажутся пустынными и безлюдными. Измученных мореходов это радует – они входят в одну из бухт и становятся на якорь. Теперь они могут как следует отдохнуть после напряжённой борьбы с морем, не опасаясь нападения встревоженных местных жителей или своего брата викинга.

Глава тридцать четвёртая. Хастинг

На закате дозорные поднимают тревогу. В горле бухты появляются корабли. Они медленно входят в бухту, их много, не меньше пяти десятков. Освещённые сзади закатными лучами, ярко пылают красные полосы на парусах. За ними горит золотистое небо, море похоже на расплавленное золото.

Корабли, плывущие по золоту, – если бы это был сон, он сулил бы богатство.

Против света трудно разглядеть, что за люди на кораблях. Зато отчётливо виден лес копий, чернеющий над ними. Кто бы ни были эти люди, ясно одно – вступать в бой с такой силой бессмысленно.

На кораблях меж тем спускают паруса и берутся за вёсла. Теперь уже видно, что палубы заполнены бородатыми воинами в полном вооружении. На переднем корабле стоит высокий человек в золочёном шлеме и пурпурном плаще. Он говорит:

– Кто вы такие и что здесь делаете?

Ему не приходится напрягать голос, чтобы быть услышанным, хотя расстояние между ним и теми, к кому он обращается, довольно большое. Слова его доносятся по тихой вечерней воде так отчётливо, будто он стоит рядом. По выговору слышно, что он мурман. Похоже, он несколько удивлён, встретив здесь неизвестных воинов.

Ему отвечают, что перед ним Хаскульд и Хринг со своими людьми, что они попали в сильную бурю и теперь не знают, где, собственно, находятся. Кроме того, они не прочь узнать, кто перед ними.

– Меня зовут Хастинг, – отвечает человек в пурпурном плаще, – а находитесь вы на западном берегу земли франков.

Его имя производит сильное впечатление. Кукша глядит на него во все глаза. Так это и есть тот знаменитый морской конунг Хастинг, о котором столько говорилось на зимовке у Хальвдана Чёрного!

А Хастинг меж тем продолжает:

– Я слышал о вас только доброе, Хаскульд и Хринг!

Предводители Хаскульд и Хринг весьма польщены словами знаменитого морского конунга. Они тоже, в свою очередь, отвечают, что наслышаны о нём с самой лучшей стороны.

– Позвольте узнать, – спрашивает Хастинг, – а где Хравн, брат Хринга?

Узнав, что Хравн погиб, Хастинг говорит:

– Это большая потеря, Хравн был славный воин. Я разделяю твое горе, Хринг. Однако от судьбы не уйдёшь. Уверен, что Хравн – один из почётнейших гостей в Вальгалле у Одина.

Когда корабли Хастинга приближаются настолько, что можно разглядеть цвет глаз у собеседника, Хастинг говорит:

– Мне бы хотелось, чтобы вы вступили в мою дружину: я собираюсь в большой поход и мне нужны храбрые люди. Если же вы откажетесь, я вынужден буду забрать ваше добро и ваши корабли, а вас высадить на берег.

Хаскульду и Хравну не приходится уговаривать своих людей – все воины кричат, что они с радостью вступят в дружину знаменитого морского конунга, они долго искали его и счастливы, что наконец нашли.

Корабли Хастинга становятся на якорь. Вечереет. На кораблях загораются смоляные свечки. Оказывается, бухта, в которую после бури попали воины Хаскульда и Хринга – становище Хастинговой дружины. Отсюда его воины отправляются в набеги, здесь делят добычу и пируют после удачных грабежей.

Вот и сейчас на всех его кораблях начинается пир. Старые Хастинговы дружинники приглашают на свои корабли вновь принятых, а Хаскульда и Хринга зовёт к себе в гости Хастинг,

на корабле которого уже воздвигнут шёлковый шатёр. Хаскульд берёт с собой Тюра, Свана и Кукшу.

Кукша глаз не спускает с Хастинга. Морской конунг очень хорош собой, у него длинные золотистые волосы и кудрявая бородка, светло-зелёные глаза, крашенные ресницы и тонкий нос с горбинкой.

Не зря столько говорят про обходительность Хастинга. Каждому из присутствующих кажется, что именно его Хастинг отмечает своим вниманием. Несколько раз он обращался к Кукше, при этом лицо его озаряла дружеская улыбка. Кукша испытывал неизъяснимое удовольствие оттого, что с ним разговаривает такой замечательный человек.

Гости узнают, что теперь, вместе с ними, у Хастинга шестьдесят два корабля. Морской конунг считает, что это хороший флот, с таким флотом можно совершить великие дела. Он сообщает гостям о своей заветной мечте. Его мечта: разорить прекраснейший и богатейший город мира – Рим.

При слове «Рим» Кукша вздрогнул. Это не укрылось от взора Хастинга. Морской конунг спрашивает Кукшу, почему он так встрепнулся, услышав об этом городе. Кукша смущается, не зная, что ответить, но Хастинг продолжает допытываться, и в голосе его столько дружелюбия, что Кукша наконец рассказывает, как они с Харальдом, сыном Хальвдана Чёрного, мечтали о походе в Рим.

– Вот видите, – говорит Хастинг, – эту мечту морской ветер давно уже носит по всему свету. Мне кажется, нам не мешает поторопиться, чтобы кто-нибудь не опередил нас.

Глава тридцать пятая. В Рим!

По дороге в Рим Хастинговы корабли огибают берега Испании и Лузитании. Ветер то и дело доносит незнакомые, волнующие запахи. Вокруг городов и селений тянутся бесконечные сады с неведомыми сказочными плодами.

Здесь жители выращивают много винограда, из него делают хмельной напиток – вино, которое викинги любят, может быть, даже больше своего мёда. Впрочем, не все жители делают вино – смуглым худощавым маврам их бог вино запрещает.

Кукша уже успел отведать винограда, персиков и апельсинов, а кислого лимона одолеть не смог, изошёл слюной. Зато пахнет лимон, пожалуй, слаще всех остальных плодов. Кукша смотрит на проплывающие мимо берега и с упоением нюхает большой жёлтый плод.

По склонам холмов виднеются оливковые рощи. Из плодов оливок давят вкусное оливковое масло. А на вид дерево самое обыкновенное, на ракиту похоже. Повсюду близ берегов легонько колышутся огромные длинные листья диковинных деревьев – пальм.

Блаженная земля! В такой земле жить – и умирать не надо! Не захочешь ни в Вальгаллу к мурманскому Одину, ни к словеньскому Сварогу на небо.

Вода в здешнем море и та особенная. Она радостно переливается на солнце голубым и зелёным цветом, невиданным на севере. А до чего тепла – хоть целый день не вылезай! Кукша вспоминает, как на родине он купался в реке до того, что слова сказать не мог – зубы, бывало, лязгают, того гляди, язык себе отхватишь.

Прекрасны здешние города и селения, утопающие в зелени садов. Затейливые башенки, светёлки, крылечки, и всюду что-то резное, что-то плетёное, точно кружева. Постройки большей частью каменные, добротные.

Однако кто побывает здесь после посещения Хастинговой дружины, тот не узнает цветущих городов и селений – от них остаются только закопчённые камни.

Нападая, викинги, по обыкновению, забирают добро и убивают всех, кто не успел убежать, разве что иной раз берут в плен молодых красивых женщин, на которых всегда спрос у работорговцев.

Забрав то, что им приглянется, воины поджигают всё прочее. Грабят воины ради добычи, а убивают и жгут ради славы. Разорить город дотла считается большим подвигом, и чем больше город, тем больше подвиг. Зимой на пирах они будут хвастать друг перед другом: «Мы разорили такой-то город!» – «А мы сожгли такой-то!»

Впрочем, не только на зимних пирах, но и во время плавания тоже немало можно узнать о подвигах, а иной раз случается услышать и о неудаче. Кукша глядит, как вдали медленно уплывают назад диковинные пальмы, и слушает рассказ бывшего Тюра.

– С той поры минуло уже полтора десятка лет. Вот так же приплыли мы в эту благословенную страну на многих кораблях. Сколько мы тут разорили городов да селений, и не упомнить. Назову три славных города – Кадис, Лиссабон и Севилью.

Лиссабон с Кадисом у моря стоят, а чтобы захватить Севилью, пришлось по реке подняться. Хорошая река, большая, Гвадалquivир называется. Уж столько мы там добра взяли – и не счесть. Боялись, корабли потонут, – пришлось часть добычи за борт выбросить. Словом, сперва всё шло – лучше некуда. Однако судьба не меч – в руки не возьмёшь. Собрали проклятые мавры войско несметное и кораблей видимо-невидимо.

Тюр вздыхает.

– Много наших кораблей тут погибло, много храбрых воинов покоится на дне этого ласкового моря. И не меньше, наверно, мавры взяли в плен, а после повесили в Севилье на пальмах – вот на таких, как эти.

И Тюр кивает в сторону пальм, что горделиво колышут на берегу своими листьями. Кукша со страхом представляет себе, как на каждом из этих деревьев под огромными листьями висит по несколько викингов в шлемах и кольчугах. А Тюр продолжает:

– Говорили мавры нам, пленным, будто двести отрубленных голов, в том числе и голову нашего предводителя, послал эмир Абдаррахман, их конунг, в другую страну, где конунгом сидел его приятель: вот, дескать, полюбуйся, уничтожил наш Аллах свирепых северных пришельцев за их злодеяния.

А нескольких человек, в том числе и меня, мавры пощадили, вернули нам один корабль и велели плыть к своим – рассказать всё, как было. Насколько мне известно, впервые с тех пор появляются здесь наши корабли. Мавры-то небось думают, что навек нам сюда дорогу заказали. Как бы не так!

Однако морской конунг Хастинг, видимо, держит всё же в голове урок, полученный здесь мурманами полтора десятка лет тому назад – не слишком задерживается в этом изобильном солнечном краю. Ведь если Хастинга постигнет участь незадачливых предшественников, то его мечту – разграбить Рим – осуществит кто-нибудь другой!

Впрочем, викинги не обходят стороной юг Испании, Марокко и Балеарские острова – всюду они сеют смерть и разорение. Добравшись до устья Роны, викинги поднимаются по ней далеко в глубь земли франков.

После этого они некоторое время плывут по морю, никого не трогая, и, найдя удобную бухту, останавливаются на зимовку. Викинги договариваются с местными жителями сохранять мир и торговать. До весны они живут в своё удовольствие, проводя время в пирах и забавах, а весной снова пускаются в путь дальше на восток.

Красно-белые паруса мурманских кораблей полощутся над лазурными водами Лигурийского моря. Слева от кораблей проплывают берега прекрасной Италии. Позади дымятся ограбленные и сожжённые города и селения, впереди викингов ждут новые подвиги и новые сокровища. Говорят, здесь уже рукой подать до Рима, «вечного города», как его называют.

– Посмотрим, так ли уж он вечен, – с усмешкой говорит Хастинг, вглядываясь в голубоватую дымку, в которой тонут очертания дальних берегов.

Ему не терпится совершить главный подвиг своей жизни. Рагнар Кожаные Штаны съжёт Париж и многие другие города франкской империи. Спору нет, это славные подвиги. Однако, если он, Хастинг, разграбит и разорит Рим, его деяние навсегда останется в памяти людей как величайший подвиг всех времён!

Местные жители, которых по дороге расспрашивает Хастинг, говорят, что Рим узнать нетрудно, – это самый большой и прекрасный город на свете! Они уверяют, что Рим ни с чем ни спутаешь, как только Хастинг увидит Рим, он сам это сразу поймёт.

В одно прекрасное утро викинги огибают гористый мыс, далеко выдающийся в море, и попадают в обширный залив. В глубине залива устье реки. Входя в реку, викинги обнаруживают, что на правом берегу, чуть повыше устья, стоит большой прекрасный город.

Издали кажется, что он сплошь состоит из беломраморных дворцов, храмов и пышных садов. Викинги, как зачарованные, глядят на открывшееся их глазам великолепие.

– Это Рим! – произносит Хастинг сдавленным от волнения голосом.

Глава тридцать шестая. Нападение на город

Жители города Луна со страхом прислушиваются к тревожным звукам. Дозорные на сторожевых башнях изо всех сил бьют колотушками в чугунные била. В соборе на площади Святого Павла ударили в колокола.

Звуки эти могут означать только одно: у стен города появился враг. Но что это за враг, откуда он взялся? Даже самые старые и мудрые теряются в догадках.

Горожане бросают привычные дела – ремесленники оставляют гончарный круг или сапожную колодку, аристократы прерывают приятную беседу за прохладительными напитками – все устремляются на улицу.

На каменистом холме возвышается дом бургграфа⁵². Это красивейший дом в городе, сложен он из лунного камня, того самого, который добывают в окрестностях Луны. Бургграф – мудрый правитель и хороший воин. Может быть, лучше сказать «хороший воин в прошлом», ибо он уже в преклонных годах. У бургграфа есть страсть, которой он отдаёт всё свободное время. Эта страсть – цветоводство.

Он и сейчас в своем розарии возле дома. Розарий невелик, но для любителя цветов являет собой зрелище весьма притягательное. На небольшом клочке земли разместилось множество разновидностей роз – и местных, и привозных. Здесь и белоснежные цветы, и жёлтые разных оттенков, и розовые, и огненно-красные.

Предмет особой гордости бургграфа – новая разновидность, которую вывел он сам, потратив на это многие годы. При беглом взгляде цветок кажется совершенно чёрным. Но если приглядеться, особенно при ярком солнечном свете, увидишь, что сквозь черноту лепестков просвечивает красное, словно в лепестках тайно пульсирует кровь. Бургграф говорит, что цветок олицетворяет вечное борование жизни и смерти.

Роза бургграфа стала одной из достопримечательностей города, приезжим непременно сообщают о ней, и всякий, кто любит цветы, отправляется полюбоваться ею. Она уже носит имя своего создателя, и бургграф с тайным удовлетворением думает, что не разрушение городов и не убийство множества людей, а этот прекрасный печальный цветок обессмертит его имя.

Розы – существа нежные и любят, чтобы за ними ухаживали. Первая забота, конечно, удобрения. Тонкостями этого дела владеет далеко не всякий. Неумелый вместо того, чтобы помочь цветам, погубит их. Кроме того, у прекрасных созданий есть страшный враг – тля. Эти отвратительные крохотные твари полчищами набрасываются на молоденькие листочки и основания бутонов, и, если прозеваешь очередное такое нападение, прощайся со своими прекрасными нежными друзьями.

Особенное влечение проклятая тварь выказывает именно к чёрной розе. Недавно бургграф составил новый, весьма сильный яд для погубления тли и теперь осторожно мажет кисточкой места её скопления. Он так поглощён своим занятием, что несколько мгновений не осознаёт смысла звуков, летящих над городом. Наконец до него доходит, что это гудит набат. Он поспешно облачается в доспехи, препоясывается мечом и, вскочив на коня, скачет в штаб городской рати.

В городском соборе уже началась неурочная служба. Епископ возносит к Господу молитвы об избавлении города от неведомых язычников. Храм полон молящихся, главным образом женщин и стариков – в такие часы место истинно благочестивого мужчины не в церкви.

С городских стен и холмов взору открывается широкое устье, переходящее в простор залива. По сверкающей глади движутся несколько десятков кораблей. Человеку с острым зре-

---

⁵² Бургграф – правитель города.

нием видно, что на носу у каждого из них возвышается какая-то страшная голова на длинной шее, а на корме – хвост. Мерно шевелятся ряды длинных вёсел. Кажется, будто приближается стадо чудовищных сороконожек.

Городские фонтаны журчат по-прежнему, в садах громко щебечут птицы. Но никто уже не слышит этих звуков, ещё недавно доставлявших столько удовольствия людям, у которых был досуг их слушать.

Воины городской рати спешат проверить оружие и доспехи, тащат на стены метательные орудия и камни. Все горожане, способные носить оружие, отныне составляют ополчение. Каждый отправляется к месту сбора того отряда, к которому приписан.

Городские ворота пока ещё распахнуты, в них вливается толпа перепуганных насмерть жителей предместий, которым нападение врагов грозит бедой в первую очередь. Жители гонят скот и подталкивают повозки, нагруженные скарбом. Истошное мычание коров и жалобное блеяние коз сливаются с плачем детей и рыданиями женщин.

Но вот ворота затворены, мосты, перекинутые через ров, убраны, город замирает в напряжённом ожидании.

Викинги пытаются взять город с налёту, однако вынуждены отступить с большими потерями. Начинается осада. Она длится несколько дней, не принося осаждающим никакого успеха. Викинги раз за разом храбро бросаются на приступ, но каждый раз их приступ бывает отбит, и они откатываются назад, потеряв много людей.

Жители города отчаянно защищаются. Они засыпают нападающих градом стрел, дротиков⁵³ и камней. Самое страшное – это камни. От камня, брошенного сверху, не спасает ни шлем, ни кольчуга. А камней в этом городе, как видно, неиссякаемый запас. Да и не мудрено, у них ведь все постройки каменные – в случае чего можно начать разбирать дома.

Если какому-нибудь ловкачу удаётся всё же забраться по лестнице на крепостную стену, на него с такой яростью кидаются защитники города, что воин, каким бы доблестным он ни был, в конце концов погибает.

Горожане и во время затишья не оставляют викингов в покое – на стенах города установлены метательные орудия, которые довольно далеко мечут большие камни. После того как горожанам удалось разбить у викингов несколько кораблей, пришлось отвести корабли подальше от города.

Викинги пробуют взобраться на стены ночью, под прикрытием темноты, но, слышав шум, защитники города бросают со стен горящую просмолённую ветошь и, осветив таким образом поле сражения, берутся за камни.

В расчёты Хастинга не входит долгая осада, подобное занятие не для викингов. Но как быть? Неужто так и уйти ни с чем, оставив «вечный город» неразорённым, не совершив главного подвига жизни? Хастинг велит оставить город в покое, чтобы бранный шум не мешал ему думать, и погружается в размышления. По прошествии нескольких дней удачливого морского конунга осеняет дерзкая мысль.

---

⁵³ Дротик – метательное копье.

Глава тридцать седьмая. Взятие города

Дозорные на стенах и башнях неусыпно следят за вражеским станом, примечая малейшее передвижение викингов, любое их приготовление, чтобы очередной приступ не застал горожан врасплох.

Сегодня на глазах у защитников города происходит нечто необычное – от стана викингов отделяются трое и идут прямо к главным воротам. Они безоружны и, вне всякого сомнения, посланы для переговоров.

Их выпускают в город. Один из послов, сухощавый, с чёрной бородой, немного умеет говорить на франкском наречии. В Луне же едва ли не каждый третий знает по-франкски, поэтому без труда отыскивается человек, понимающий чернобородого. Посол объясняет, что у них важное дело к владельцам города и к самому главному священнику.

Их препровождают в Большой городской совет. Туда вскоре прибывают бургграф и епископ. Послы сообщают им о цели своего посещения.

– Хастинг, конунг датский, – говорят они, – волею судьбы лишившийся престола у себя на родине, и люди, последовавшие за ним в изгнание, низко кланяются вам, владельцам этого прекрасного города. Быть может, вам уже ведомо, что мы, изгнанники из Дании, после долгих блужданий по бурным морям попали наконец в державу франков. Судьба предоставила нам эту страну взамен нашей потерянной отчизны, мы вторглись в неё и после множества кровопролитных битв с франками привели её в покорность нашему конунгу.

Но, когда мы начали там господствовать, мы поняли, что для нас нет на свете ничего дороже нашей суровой северной родины. И мы, вняв зову смутных надежд, пустились в обратный путь. Однако встречные западные и северные ветры вконец измотали нас, и вот мы, не по своей воле, а по жестокой нужде, оказались на вашем берегу.

Теперь мы просим вас: дайте нам мир, чтобы мы могли запастись продовольствия. Вождь наш тяжело болен, он полагает, что это ваш Бог поразил его за то, что он напал на вас вместо того, чтобы сразу попросить о помощи. Он жаждет принять от вас Крещение, взывает к вашему милосердию и благочестию и просит о погребении в городе, если успеет принять Крещение.

На это епископ и бургграф отвечают:

– Согласны. Заключаем с вами вечный мир и крестим вашего вождя в веру Христову. И дозволяем вам покупать всё, что захотите!

И вот заключён мир, на берегу начинается торговля, а также оживлённое дружелюбное общение, главным образом с помощью знаков, ибо никто не знает языка друг друга. Невесть откуда взявшиеся загорелые светлоглазые воины – щедрые покупатели, они платят, не торгуясь. В их кожаных кошельках, как видно, золота и серебра, что камней в окрестностях Луны.

Кроме того, у них обветренные мужественные лица. Такие мужчины не могут не привлекать внимания женщин, местные красавицы охотно обмениваются с пришлыми воинами взглядами и улыбками. Среди торгующих и покупателей снуют любопытные мальчишки, особенный их интерес вызывает белобрысый воин такого же, как они, возраста.

Меж тем епископ со своими клириками готовит купель в баптистерии⁵⁴ возле городского собора, освящает воду, велит зажечь свечи. И вот несколько рослых воинов приносят в баптистерий Хастинга, сам он ходить уже не может, да что там ходить, у него едва хватает сил поднимать веки с крашеными ресницами, чтобы видеть епископа и бургграфа, своего крёстного отца.

Епископ и бургграф поднимают его из святой купели, и верные воины относят своего новокрещёного вождя обратно на корабль.

---

⁵⁴ Баптистерий – особая постройка при церкви для крещения.

На другое утро к городским воротам снова подходят трое послов. Препровождённые к епископу, они сообщают, что их вождь, датский конунг Хастинг, минувшей ночью скончался. Перед смертью он просил, чтобы его, новокрещёного, похоронили в городе в освящённой земле вместе с другими христианами. Он завещал крёстному отцу и епископу все свои воинские доспехи, драгоценные украшения и прочее имущество.

– Вот малая частица, – говорят послы, – того, что завещал вам конунг Хастинг.

И, опустившись на колени, они кладут к ногам епископа груды драгоценностей. Тут и серебряные сосуды, и золотые шейные гривны, и запястья, усыпанные дорогими камнями. Тронутый благочестивыми устремлениями покойного, а также великолепием его даров, епископ позволяет предать земле прах северного варвара по христианскому обряду. Чужеземный князь будет погребён в городе, в монастыре Святого Маврикия.

Настежь отворяются главные городские ворота. В них втягивается погребальное шествие. Во главе шествия идут несколько воинов, которые несут перед собой мечи и боевые топоры покойного, отделанные золотом и драгоценными камнями, другие несут кольчугу, сверкающий золотом шлем и пурпурный плащ из дорогой заморской ткани. За оружием несут открытые ларцы, содержимое их слепит глаза, как будто наполнены они осколками солнца.

Следом за дарами несут на погребальных носилках прах прозревшего язычника. Крики и рыдания оглашают воздух. Зеваки, собравшиеся поглазеть на необычные похороны, могут поклясться, что никогда не слышали столь громкого выражения скорби. Дикие язычники чувствуют горечь утраты, несомненно, острее, нежели благочестивые христиане. Носилки сопровождает свита, состоящая из отборных воинов.

По обе стороны ворот стоят стражники и считают входящих в город. Отсчитав условленное число людей, ворота затворяют.

Сквозь вопли и рыдания едва слышен колокольный звон, созывающий народ в церковь. От городских ворот впереди погребального шествия выступает хор мальчиков со свечами и крестами. Их ангельские голоса тонут в грубых проявлениях варварской скорби. Встречать прах раскаявшегося грешника явилось духовенство в праздничном облачении, градские старейшины со знаками отличия и женщины высшего сословия в траурных одеждах.

Христиане сменяют язычников у носилок и вносят их в монастырь, где для Хастинга приготовлена могила. Погребальные носилки ставят посреди храма. Бургграф с блестящими от слёз глазами кладёт в изголовье крестника несколько прекрасных чёрных роз – впервые его любимицы срезаны с родного куста, но торжественность случая стоит такой жертвы.

Взволнованный епископ служит заупокойную мессу. Звучит невидимый, как бы небесный, хор. Народ благоговейно внимает службе. Меж тем язычники, которых, по-видимому, не слишком трогает христианское богослужение, незаметно растекаются по храму, некоторые покидают его пределы... Впрочем, поглощённые молитвой люди не обращают на это внимания.

Голос епископа звучит всё проникновенней. Господь милостив к тем, кто оставляет пагубные заблуждения и ступает на стезю истины – новообращённый умер, но Господь не позволил смерти обезобразить его красивые черты. Покойник лежит на погребальных носилках, как будто он жив и здоров, его цветущему виду могли бы позавидовать многие из живущих.

Епископ с умилением глядит на обрамлённое золотистой бородкой лицо, не поддавшееся загару, как это часто бывает у рыжих людей, светлую кожу покойного оттеняют бургграфовы чёрные розы. Эти сильные руки с золотистыми волосками, которые загубили столько невинных душ, теперь навсегда неподвижно сложены на груди. Но что это? Шевельнулся большой палец правой руки! Нет, показалось...

Наконец месса завершается, епископ велит отнести тело к могиле. Правая рука покойника снова шевелится, сползает с груди и хватает спрятанный под саваном меч. Покойник спрыгивает с носилок, бросается на епископа, в ужасе заслонившегося служебником, и пора-

жает несчастного сверкающим мечом. В следующее мгновение та же участь постигает незадачливого крёстного отца.

Часть викингов бросается к дверям, чтобы никто не смог выйти из церкви, остальные быстро истребляют присутствующих. Поглядеть на необычные похороны собралось много жителей города, и, по обычаю, каждый вооружённый горожанин, входя в храм, оставил оружие в особом приделе. Там его предусмотрительно и захватили викинги, заранее покинувшие церковь.

Покончив с теми, кто был в церкви, викинги устремляются наружу. Одни из них бегут вниз по улице, ведущей к главным городским воротам, и, изрубив стражу, открывают их. Другие начинают убивать всех, кто попадает на глаза.

В отворённые городские ворота врываются викинги, они мгновенно наводняют город. Застигнутые врасплох, рассредоточенные по стенам воины городской рати и ополченцы не в состоянии дать сколько-нибудь существенный отпор. То, что происходит в городе, вернее назвать не битвой, а избиением.

Скоро не остаётся в живых ни одного защитника города. Викинги приступают к грабежу, попутно истребляя жителей. Только женщина, если она молода и красива, может не бояться смерти. Смерть ей не грозит, её ждёт вечная неволя – за неё дадут хорошую цену на одном из рынков, где торгуют людьми.

Глава тридцать восьмая. Кукша расстается с викингами

Сердце Кукши полно ликования – Сван взял его с собой! Берсерк сказал:

– Это будет великий подвиг. Потомки никогда не забудут тех, кто сегодня разграбит Рим.

Ты непременно должен участвовать в таком славном деле.

На этот раз Тюр не стал с ним спорить. И то сказать, ведь Кукша уже взрослый воин, его препоясали мечом больше года тому назад. К тому же Сван прав: не каждый день судьба предоставляет викингу возможность пограбить Рим.

Сам Тюр, поскольку он знает по-франкски, был в числе послов, а потом отправился сопровождать погребальные носилки с телом Хастинга.

Кукша и Сван среди тех, кто ворвался в город, когда викинги, хоронившие Хастинга, отворили ворота. Из презрения к этим изнеженным южанам Сван не надел ни шлема, ни кольчуги, а щит закинул на спину. Кукша ни на шаг не отстаёт от Свана и видит, как берсерк играючи расправляется с защитниками города. Он так ловко владеет мечом, что кажется, будто у него в руке не один, а три меча.

Никто не может напасть сзади на рыжего косматого великана в белой рубахе, потому что за ним неотступно следует отрок в сарацинском шлеме с обнажённым мечом. Один горожанин в отчаянии попытался сразить хотя бы отрока... Бедняга поплатился жизнью – отрок хорошо усвоил уроки, полученные в усадьбе Хальвдана Чёрного.

Защитников города больше не видать. Сван шарит глазами и никого не находит. А ведь он не успел даже размяться. Сван и Кукша углубляются в глухой немощёный проулок, по обе стороны которого тянутся каменные заборы, увитые виноградом.

Свану кажется, что в таком месте непременно должны скрываться насмерть перепуганные защитники города. Он раздувает ноздри, словно пытается уловить запах врага. Вдруг он прислоняет копьё к забору, подпрыгивает и повисает на ограде. Через мгновение он уже наверху. Кукша берётся за древко копья, и Сван поднимает его к себе, как поднимают бадью из колодца. Они спрыгивают в сад.

Перед ними красивый дом из белого камня с высокими дверями и огромными окнами. Окна и двери распахнуты настежь. Сван с копьём наперевес, а Кукша с обнажённым мечом устремляются в двери. В доме, по-видимому, пусто.

Они бегут вглубь и оказываются в маленьком внутреннем дворике, в который с четырёх сторон выходят окна и двери комнат. Дворик вымощен гладким белым камнем, посередине фонтан – огромная беломраморная чаша, и в ней бронзовый голый мальчик. Мальчик держит за шею гуся, а у гуся из разинутого клюва бьёт вверх струя воды.

Вдруг Кукше показалось, что до его слуха донёсся отдалённый детский плач. Он смотрит на Свана, тот ничего не слышал. «Померещилось», – думает Кукша.

В доме мёртвая тишина, её нарушает только журчание фонтана. «Конечно, померещилось», – повторяет про себя Кукша. Он с любопытством разглядывает хорошенького полнотелого мальчика и разноцветных рыбок, плавающих в мраморной чаше фонтана.

Тем временем Сван, отдав Кукше копьё – оно слишком длинное, с ним неудобно в помещении, – идёт осматривать покои, не притаился ли в них кто-нибудь.

Кукша слышит оклик Свана и, пройдя через покои, оказывается у окон, из которых видна зелёная лужайка с дорожками, выложенными белым камнем, а за нею заросли кустарника, усыпанного большими красными цветами. Глядя на кустарник, Сван говорит:

– По-моему, там кто-то прячется.

Кукша тоже так думает, он даже уверен в этом, он чувствует, что оттуда тянет запахом, который ни с чем не спутаешь: так пахнет испарина страха. Кукша молчит. Ему почему-то не хочется подтверждать догадку Свана.

И вдруг они оба явственно слышат плач ребенка. Сван выскакивает в окно и мчится к кустам. Кукша поспешает за ним, он немного отстает, потому что тащит тяжёлое копьё. Они останавливаются, напряжённо вглядываясь в заросли и прислушиваясь. Плач не повторяется. Вдруг Сван срывается с места, бросается в кусты и с хохотом возвращается, держа за ногу ревущего младенца.

За Сваном бежит худощавая черноволосая женщина в белом одеянии. Она протягивает руки, пытаясь отнять младенца, и быстро-быстро что-то говорит на непонятном языке. Сван берёт копьё из рук оторопевшего Кукши и высоко подбрасывает младенца.

Душераздирающий визг оглушает Кукшу. Женщина с перекошенным ненавистью лицом, хищно согнув пальцы, как кошка, прыгает на Свана, намереваясь вцепиться ему в лицо. Сван отбрасывает её ногой и обнажает меч. Кукша видит, как женщина падает спиной на бронзовые кувшины, стоящие возле дома. Сван делает шаг к женщине, распростёртой на белых четырехугольных плитах. Неожиданно для самого себя чужим голосом Кукша кричит:

– Стой!

Сван останавливается и с недоумением оборачивается к Кукше. Глаза его налиты кровью, Сван похож на разъярённого быка. Кукша даже не заметил, как занес меч. Обеими руками изо всех сил опускает он меч на то место, где под рыжей гривой должна быть могучая бычья шея.

Тем временем в городе начинается грабёж. Здесь немало золота и серебра, шёлка и бархата, вина и масла. Самые большие сокровища вывозят из собора, там обнаружили изобилие драгоценной церковной утвари.

Викинги обшаривают богатые дома и жалкие лачуги, церкви и кладбищенские склепы, грузят тяжелую кладь на ослов, которых много бродит по городу, и возят добро на корабли.

Хастинг велит ловить жителей, оставшихся в живых, и приводить к нему. Он требует, чтобы ему указали дворец папы римского, наместника распятого Бога на земле. Хастингу отвечают, что дворец папы римского находится в Риме.

– А разве это не Рим? – спрашивает Хастинг.

– Нет, – отвечают ему, – это Луна.

Полагая, что над ним издеваются, Хастинг в бешенстве рассекает мечом очередного насмешника.

Однако в конце концов ему приходится поверить, что он находится не в Риме, а в каком-то другом городе.

– Это Луна, – говорят Хастингу, – а Луне далеко до Рима, Рим в тысячу раз больше и богаче нашей Луны!

Злоба опростоволосившегося вождя викингов не знает предела. В бессильной ярости Хастинг велит сделать то, что делается и без всяких особых велений, – перебить всех жителей, какие ещё только остались в этой проклятой Луне, а по вывозе добра разрушить и сжечь всё, что возможно. Покончив же с городом, истребить всё живое на милю вокруг.

Викинги опытные в делах разрушения, они знают, что надо натащить в здания побольше соломы, дров и смолы. Когда огонь разгорается, в помещении становится жарко, как в огромной печи. Деревянные перекрытия сгорают, рушатся потолки и кровли. Иной раз помещение накаляется так сильно, что трескаются даже прочные каменные своды.

Но всего этого Кукша уже не видит. Зарубив Свана, он выходит из проулка на большую улицу и бредёт к городским воротам. Город кишит викингами. Попадают знакомые лица. Сперва Кукше кажется, что каждый встречный догадывается, что он убил Свана. Сейчас кто-нибудь ткнёт в него пальцем и крикнет:

– Кукша убил Свана!

Однако скоро он убеждается, что никому до него нет дела, а если кто-нибудь замечает и узнаёт его, то приветливо подмигивает и спешит осматривать очередной дом или нагружать на осла имущество.

Кукша выходит из города и спускается к реке. Он чувствует такую усталость, будто на нём возили камни. Как во сне, он сталкивает в воду первую попавшуюся лодку и прыгает в неё. Он не знает, куда он поплывёт. Это неважно. Важно, что кровожадный Сван, обидчик рода домовичей, лежит на дорожке, выложенной четырёхугольными белыми камнями, обогрив своей кровью чужую землю. Кукша выполнил свой долг, который тяготел над ним и о котором он, к стыду своему, почти забыл.

С викингами его ничто больше не связывает.

Река увлекает лодку вниз, к морю. В устье возле левого берега стоят корабли. На одном из них в корабельном сундучке спрятана Кукшина доля добычи, захваченной викингами в разных местах. Кукша опасается, как бы сторожа с кораблей не заметили его, поэтому он на всякий случай ложится на дно – пусть думают, что течение несёт пустую лодку.

Кукша лежит на спине и глядит в небо. Такого синего неба не увидишь над Домовичами. Он не знает, что с ним будет дальше, и не думает об этом.

Постепенно им овладевает блаженство, какого он никогда прежде не испытывал. Кукша сознает, что течение уносит его в открытое море, но не в силах пошевелиться и нарушить сладостное оцепенение. Наконец он чувствует, как челнок начинает медленно подниматься и опускаться. Это дышит море. Сегодня оно спокойное и безмятежное, оно ласково баюкает маленького Кукшу в своих огромных объятиях, и Кукша сладко засыпает.

Часть вторая. Кукша в Царьграде

Глава первая. Царьград

Великий, счастливый, царственный город! Каких только имён не носил он на протяжении своей долгой жизни – Византия, Константинополь, Царьград, Миклагард! И кто поручится, что не было других, не удержавшихся в памяти людской? Никому не ведомо, когда возник он на холмистом мысу, с двух сторон защищаемый морем.

С юга его омывает Пропонтида⁵⁵, в тёмно-синих волнах которой пляшут по воле ветра паруса, с северо-востока его отделяет от суши залив Золотой Рог с сотнями, а может быть, тысячами мачт, выстроившихся вдоль единой, во всю длину залива пристани.

Суда с вытасканными на берег носами отдыхают здесь после опасных странствий, где их трепали страшные морские бури и подстерегали свирепые морские разбойники.

В тихую погоду, когда спит морской прибой, из города доносится шум другого прибоя – это тысячи людских голосов, скрип повозок, вопли ослов, стук молотов в кузницах, слитые в единый гул. В зависимости от направления ветра гул то становится тише, то вновь нарастает.

Ещё издалека взору путника предстаёт прекраснейший город Вселенной, раскинувшийся на семи холмах, окружённый грозными стенами небывалой высоты и толщины. По склонам холмов лепится бесчисленное множество подёрнутых голубой дымкой домов, тут и там сверкают белизной огромные дворцы, утопающие в зелени, и над всем этим великолепием царят синие и золотые купола знаменитых царьградских церквей.

Неудивительно, что Пресвятая Богородица, Заступница рода человеческого, оказывает великому городу особое покровительство и неизменно приходит ему на помощь в случае нападения врагов.

Восхищённый путник, впервые увидевший Царьград, думает: «Вот он, город, который называют счастливым, поскорей бы войти в него, ведь это, наверно, всё равно, что войти в Царство Небесное!»

Впрочем, Кукша ни о чём таком не думал, когда его с несколькими десятками других рабов расковали и вывели из трюма сарацинского судна, причалившего к пристани в бухте Золотой Рог.

Прошло несколько дней отдыха на подворье за пределами царьградских стен, когда невольников хорошо кормили и ничего не заставляли делать, и вот Кукша стоит голый на невысоком помосте в галерее рядом с товарищами по несчастью.

Здесь невольничий рынок. Вдоль помоста лениво похаживают разомлевшие от жары люди, большей частью немолодые мужчины. Это покупатели. Время от времени кто-нибудь из них останавливается, разглядывает невольника и бредёт дальше. Рабов нынче в Царьград привозят много, поэтому покупатели не спешат истратить свои деньги, придирчиво копаются в живом товаре.

Иные поднимаются на помост, шупают мышцы у несчастных, покорно ожидающих своей участи, задирают им губы, заставляют разевать рот.

Зубы осматривают особенно внимательно, ибо качество зубов – один из главных признаков здоровья.

Покупатель, сделавший выбор, подходит к хозяину товара – чернолицему сарацину в белоснежном бурнусе. Кукша догадывается, что начинается торг, хотя и не понимает ни слова.

---

⁵⁵ *Пропонтида* (греч. Propontis, от *pru* – перед и *pyntos* – море), древнегреческое название Мраморного моря. Буквально: Преддверие Русского (Чёрного) моря.

Покупатель горячится, кричит, а невозмутимый сарацин сверкает в ответ белозубой улыбкой. Наконец торг завершается, покупатель отсчитывает деньги и знаком приглашает купленного раба следовать за ним.

Торговец невольниками считает Кукшу немым. Корсиканские сарацины, приехавшие с партией рабов в Сицилию, уступили ему отрока за бесценок, честно объявив о его недостатке. У торговца не было повода изменить своё мнение на этот счёт, и он тоже не запрашивает высокую цену за белоголового невольника. К тому же невольник очень молод и, по-видимому, ничего не умеет делать. Всё его достоинство заключается лишь в крепком здоровье.

Если бы в Большом царском дворце знали, что на одном из невольничьих рынков Царьграда продаётся храбрый и искусный воин с севера, его бы не замедлили выкупить, ибо царскую гвардию набирают большей частью из иноземцев варварского происхождения, выходцев из Тавроскифии – так жители Византийской империи называют Русь. Чернолицый сарацин неплохо заработал бы на немом отроке.

Но ни во дворце, ни на рынке никто ничего такого не знает, поэтому сарацин получает за невольника всего пять номисм⁵⁶. Кукшу уводит с рынка тощий старичок с маленькой лысой головой, похожей на высушенную головку мака. Выходя на солнце из-под навеса, старичок надевает шляпу с широкими обвислыми полями и становится похожим на гриб поганку, каких много растёт на родине Кукши в сырых ляднах⁵⁷ и ельниках. Впрочем, старик кажется добродушным.

Царьград ошеломляет Кукшу шумом и многолюдством. Ему и в голову не могло прийти, что столько народу может быть собрано в одном месте. Он идёт со стариком, который держит его за руку, чтобы не потерялся, и озирается по сторонам. Глаза и уши его почти не различают ничего в отдельности – ни людей, ни животных, ни голосов, всё сливается в один пёстрый хоровод красок и звуков, от которого голова кружится, как от хмельного мёда.

---

⁵⁶ *Номисма* (от *греч.* Nomisma – монета) – византийская золотая монета, обычно с изображением правящего императора.

⁵⁷ *Лядна* – покинутая и заросшая лесом земля.

Глава вторая. Свечная мастерская

Как боялся Кукша когда-то, что варяги продадут его в рабство! Тогда эта доля миновала его. Однако он сделался рабом, едва успев выполнить долг кровной мести. Может быть, рабская доля – возмездие за то, что он медлил с выполнением долга?

Хозяина Кукши зовут Кириаком. Он свечник. Неподалеку от храма Святой Софии он снимает помещение, где у него лавка и мастерская. Кириак небогат, в его мастерской работают всего трое – двое рабов и один наёмник. Недавно у него умер старый раб, и ему пришлось раскошелиться на нового.

Кукша, его напарник сириец Антиох и наёмник Димитрий делают одну и ту же работу, только в обязанности наёмника входит ещё надзирать за Кукшей и Антиохом. Целыми днями они изготавливают сальные свечи. К батожкам – аршинным гладко струганным палочкам – привязывают слабо скрученные пеньковые светильни, по полтора десятка на батожок. Подготовив дюжину батожков, их кладут в макальню, в которую налито горячее сало: надо, чтобы светильни утонули в нём и как следует пропитались.

Погодя батожки вынимают и, расправив светильни, кладут концами на особые подставки, под которыми стоит корыто для стекающего сала. Когда сало в макальне охладится и начнёт застывать возле краёв, в него снова окунают пропитанные и уже затвердевшие светильни. Окунув, очередной батожок кладут на подставки и берут следующий. Так раз за разом, слой за слоем на светильнях нарастает сало, пока они не превращаются в свечи. Нижние, слишком длинные и заострённые концы обрезают о нагретый над жаровней лист меди, и свечи готовы.

Дни идут, похожие друг на друга, как готовые свечи. Рано утром Антиох будит Кукшу. Кукша раздувает огонь под котелком с водой. Сейчас они будут завтракать. На завтрак полагается ячменная или кукурузная лепёшка с кружкой кипятку, Антиох тем временем разводит огонь под котлами с салом, сало будет растопляться, пока они едят. Приходит Димитрий, он строго следит, чтобы рабы не сидели за едой слишком долго.

Если хочешь, можешь намазать сала на лепёшку, это не возбраняется. К сожалению, оно частенько бывает подпорченным и пованивает, так что Кукша не решается взять сала, боясь испортить лепёшку. Однако Антиоха запах несколько не смущает, он благодушно обнажает два жёлтых зуба, его улыбка как бы говорит: «Ничего, привыкнешь!»

В середине дня обед. Он состоит из чечевичной или фасолевой похлёбки и нескольких сушёных рыбок. Справедливости ради следует сказать, что хозяин не скупится на попорченные плоды и овощи, благо плоды и овощи, даже самые лучшие, в Царьграде баснословно дешёвы. На ужин скова миска похлёбки. В праздник к обычному обеду добавляется горсть изюма на брата и немного прогорклого оливкового масла.

Жизнь кажется Кукше невыносимой. Самое ужасное – однообразие и безысходность. Сегодня то же, что вчера, завтра то же, что сегодня. И так будет всегда. Неужто с этим можно смириться? Единственное, что у него теперь осталось – это ночь, наступающая после каждого дня. Измученный Кукша добирается до тростниковой циновки в углу и сразу засыпает.

Сон – это не только отдых, это побег на волю. Ведь ему пока ещё снятся картины, большей частью далёкие от его нынешнего существования. Сны переносят его в усадьбу Хальвдана Чёрного, где царит смешливая Сигню, и в какие-то непостижимые края, в образе которых переплетаются черты виденных в походах стран.

Но чаще всего он видит свои Домовичи, а себя в Домовичах – снова малым дитятей. Его окружают родные лица, ещё жив отец, живы даже дедушка с бабушкой. Сам он маленький, а кругом – большие, все его любят, и ничего плохого с ним случиться не может – если надо, его защитят и утешат. Однажды ему приснилась мовня, он сидит в лохани, а матушка льёт на него из ковшика воду и приговаривает:

Вода текучая,
Дитя растучее.
С гуся вода,
С дитяти беда!
Вода книзу,
Дитя кверху!

Это был самый счастливый сон, он ясно помнил его несколько дней.

Иногда ему снится буря – над ним встаёт насквозь просвеченная солнцем волна, которая вот-вот поглотит его, и спасения нет. Но бывают сны и пострашнее. Вот он сопровождает Свана, он понимает, что должен как можно скорее зарубить варяга, иначе конец... Он пытается обеими руками поднять меч, но руки его внезапно слабеют, и он никак не может вернуть им силу. Сван со смехом оборачивается, и... Кукшу спасает Антиох, который тормозит его, проснувшись от его крика. Кукша не сразу понимает, где он. Но прерывистое свистящее южных сверчков, доносящееся с улицы через отворённую дверь, быстро возвращает его в Царьград.

Если бы Кукшу спросили, давно ли он в Царьграде, ему трудно было бы ответить. Он помнит, что, когда он уплыл от викингов и его выловили в море сарацины, была весна, а до этого он зимовал с викингами в южных пределах франкской земли. Но сколько времени прошло с тех пор – полгода, год или два, – он не мог бы сказать. Несколько раз как будто принималась осень, лили холодные дожди, даже выпадал снег, но проглядывало солнце, снег быстро стаивал, и до зимы дело, кажется, так ни разу и не дошло.

Мало-помалу Кукша осваивает греческую речь. Его учит разговорчивый Антиох, лишившийся собеседника, когда умер Кукшин предшественник. Антиох, которого никто не предупреждал, что новый раб – немой, попытался заговорить с ним. Убедившись, что отрок его не понимает, старый раб ткнул себя в грудь пальцем и сказал:

– Антиох!

Кукша тоже ткнул в себя пальцем и сказал:

– Кукша!

Свечник Кириак, узнав, что у молодого раба нет того изъяна, из-за которого торговец невольниками продал его столь дёшево, очень обрадовался и велел Димитрию и Антиоху учить его греческому языку. Однако к отроку так и прилипла кличка «Немой», и никто не называет его иначе, даже Антиох, слыхавший его настоящее имя.

Димитрий доволен, что болтливый Антиох избавил его от обязанности учить человеческой речи нового раба. Раб ему не нравится. Димитрию чудится в нём что-то неукротимо звериное. Взгляд юного варвара не назовёшь кротким или покорным. Проклятый дикарь никогда не опускает глаз перед своим начальником!

Сказать по правде, Димитрий – человек маленький, живёт он со своей семьёй в великой бедности и всю жизнь терпит унижения от сильных мира сего. Но именно поэтому ему нужно хоть над кем-то чувствовать себя господином. Хоть над этим жалким рабом по кличке Немой. Однако он не чувствует себя господином! Более того, он должен со стыдом признаться самому себе, что даже побаивается Немого. Да, да, побаивается, несмотря на свою власть над ним.

Это бесит Димитрия. Ему необходимо утвердить своё господство. Он должен что-то сделать, например, вытянуть Немого батожком вдоль спины. Но Димитрий не решается на такое действие без повода, потому что тогда он не ударит достаточно уверенно и только испортит всё дело. А повода проклятый варвар не даёт – к его работе не придерёшься, он легко перенимает навыки опытного Антиоха. Глядя на него, можно подумать, что он всю свою жизнь делал

сальные свечи. Дмитрий придирчиво наблюдает за работой молодого раба, ожидая, когда тот наконец допустит оплошность. Вскоре наблюдение превращается в настоящую охоту.

Глава третья. Скиф

Когда Димитрия нет поблизости, Антиох рассказывает Кукше всякие ужасы о жизни рабов в Царьграде.

– Хозяин, – говорит Антиох, – если захочет, может уморить раба голодом и холодом, может избить и убить его. Тут неподалёку дом одного богатого вельможи, так этот самый вельможа мучает своих рабов голодом и жаждой, зимой не даёт им тёплой одежды, и бедняги страдают от стужи. Он постоянно и за дело, и без дела избивает их плетьюми и всячески издевается над ними. Впрочем, бывают вещи и похуже, – продолжает Антиох, озираясь по сторонам и понижая голос, – я слышал от людей, что жена одного знатного сановника отрезала языки рабам, а потом и их самих велела разрезать на куски и бросить в море за то, что они донесли мужу о её неверности. А ещё был такой случай: раб из богатого дома потерял дорогую чашу и сам бросился в море, боясь пыток...

Ничего подобного не слыхивал Кукша в усадьбе Хальвдана Чёрного. И там, конечно, рабство не мёд. Кукша помнит, как, глядя на рабов, он всегда радовался, что сам он не раб. Но жизнь царьградских рабов, несомненно, ещё тяжелее, чем рабов варяжских.

Антиох рассказывает всё новые и новые истории. Его память хранит неиссякаемый запас всяческих случаев, один другого страшнее. В голове Кукши они постепенно сплетаются в один безысходный клубок страданий, без начал и концов. Кукша прерывает Антиоха и спрашивает, не бывает ли так, чтобы кто-нибудь из рабов убежал.

– Бывает, – отвечает Антиох, – иногда кто-нибудь не выдержит и убежит. Но это безнадёжно, по всем дорогам вокруг Царьграда ходят особые отряды стражников, их дело ловить беглых рабов.

Стражники жестоко истязают пойманных и препровождают их в темницы. Там руки и ноги беглецов забивают в колодки, несчастные мучаются, потому что не могут пошевелиться. По возвращении к хозяину их ждёт новая расправа. А жаловаться раб может только Богу, на земле у него нет заступника.

По словам Антиоха, Кукша должен радоваться, ему повезло, что он попал к Кириаку. Кириаки – добрый хозяин, у него рабы всегда едят досыта. Он благочестивый, богобоязненный человек, усердно читает «Жития святых» и никогда не лишает своих рабов положенных им свободных дней. Таких дней в году три – это праздники Пасха, Вознесение и Пятидесятница. Кириаки не заставлял в эти дни работать даже Скифа, хотя тот был некрещёный.

Кто такой Скиф? Это умерший раб, Кукшин предшественник. Скиф – это, собственно, не имя, его так называли потому, что он происходил из скифских племён. Родом он был откуда-то с севера и рассказывал, будто у них там чуть ли не полгода лежит снег.

Антиох говорит, что Скиф обликом был похож на Кукшу – такой же светловолосый и светлоглазый. Кто знает, может быть, Кукша и Скиф – одного роду-племени. Скиф, подобно Кукше, попал в рабство совсем молодым. Он рассказывал, что люди у него на родине, даже одного языка, часто нападают друг на друга ради добычи, особенно ради пленных, которых продают потом купцам-работоторговцам. Купцы же везут пленных на продажу к сарацинам или христианам. В один из таких набегов Скифа взяли в плен, и он попал в рабство в Царьград.

Сначала Скиф сильно тосковал по родине, даже отказался принять Святое Крещение, надеясь, что его боги, если он будет им верен, вызволят его из неволи. Годы шли, а Скиф всё оставался рабом, видно, власть его богов не простиралась на Царьград. Со временем Скиф забыл и имена этих богов, и своё собственное имя, и родной язык.

– И ты забудешь, – говорит Антиох Кукше.

Антиох улыбается, но большие чёрные глаза его остаются печальными. Он часто улыбается: приветливо Кукше, подобострастно Димитрию.

– В конце концов, – продолжает Антиох, – Скиф перестал мечтать о возвращении на родину. Умер он возле котла с растопленным салом. Выронил черпак, ткнулся носом в пол и умер. И мы с тобой так умрём.

Антиох уверен, что тех, кто обездолен на этом свете, на том – ждёт вечное блаженство. Как же иначе? Ведь не может же Бог допустить такой несправедливости, чтобы человеку и при жизни страдать и после смерти мучиться! Сын Божий сказал: те, что на этом свете были последними, на том станут первыми. В праздники Антиох ходит в церковь и возвращается просветлённый, будто уже побывал на том свете. Кукше тоже хочется в церковь, но он язычник.

Разговорчивый Антиох охотно рассказывает всё, что знает сам, и Кукша узнаёт от старика много нового. Оказывается, Сын Божий, Иисус Христос, Чью слабость высмеивали викинги, был распят на кресте вовсе не из-за слабости, а нарочно принёс Себя в жертву, чтобы умиловать Бога-Отца, перед Которым люди тяжко провинились. Они так сильно оскорбили Его, что их невозможно было простить без очень большой жертвы. Прежде люди всегда отдавали Богу лучших быков и баранов, но это были слишком пустяковые жертвы для искупления их грехов. Поэтому Сын Божий и принёс в жертву Отцу самое дорогое для Него – Себя.

Кукша не уверен, что люди стоят такой жертвы, однако ему по сердцу великодушный Сын Божий, добровольно пошедший на муку. Мужества у Него, оказывается, ничуть не меньше, чем у самого доблестного викинга, только оно у Него другое. И ещё Кукше нравится, что Христос учил богатых быть добрыми к бедным, а сильных – милостивыми к слабым. Кукше кажется, что он и сам всегда так думал, только не мог сказать этого словами. Правда, ему трудно понять, почему он должен подставить левую щёку, если его ударят по правой. Он привык думать, что на удар всегда следует отвечать ударом.

Коли в Царьграде любой человек, даже раб, как говорит Антиох, может принять Святое Крещение, Кукша хотел бы это сделать, и как можно скорее. Несомненно, здешний Бог могущественнее его родных богов, раз Ему поклоняется столько народу.

Может быть, этот Бог, который столь добр и могуществен, поможет Кукше вернуться на родину! Кукша день и ночь будет молить Его об этом и станет всегда поступать так, как Он велит! Даже научится подставлять левую щёку... Ясно, что Скиф зря отказался от крещения, Кукша не повторит его ошибки!

Но здесь, в Царьграде, дело обстоит иначе, чем в стране франков, где император крестил викингов, как только они его об этом просили, здесь к крещению нужно долго готовиться, знакомясь с христианским учением. Такая подготовка называется оглашением и длится не менее двух лет.

Кукше, поскольку он раб, надо обратиться со своим делом к хозяину. Нет, Кукша может не бояться отказа – это единственное, в чём не отказывают даже рабу.

Глава четвёртая. Столкновение с Дмитрием

По соседству с лавкой Кириака находится мастерская, где делают восковые свечи. Оттуда доносится благоухание воска, и Кукше чудится, будто он в родных Домовичах после сбора лесного мёда. Погрузившись в воспоминания, он не замечает, что на него смотрит Дмитрий. Наёмник уже давно обнаружил у Немого странную черту – иногда Немой работает, явно не сознавая этого. По выражению его лица видно, что он где-то за тридевять земель отсюда, а здесь только его руки, выполняющие привычную работу. До сих пор руки не подводили раба, но вечно так продолжаться не может, когда-нибудь он обязательно допустит оплошность. Особенно если этому помочь. Дмитрий наливает в макальню чрезмерно остывшего сала и замирает в ожидании.

Да, Кукша сейчас не здесь, он за околицей родной деревни у костра, сложенного из ольховых и берёзовых дров, он помогает бортникам, добытчикам лесного мёда, среди которых и его отец. Бортники сваливают в котёл опорожнённые соты, растапливают их и выливают воск в особые низкие посудины. Когда он остывает, его выколачивают из посудин, и получаются круги воска, за которые хорошо платят заезжие купцы. Надо заботиться, чтобы воск в котёл попадал чистый и не пригорал – пригоревший стоит в несколько раз дешевле.

Кукша не замечает, что за ним внимательно следит Дмитрий, не замечает, что сало в макальне слишком холодное и пристаёт к свечам комками. Он спокойно окунает свечи в макальню и вешает их на подставки, батожок за батожком.

В Домовичах никто никогда не спрашивал купцов, куда поедет домовичский воск. Кому какое дело? А здесь в мастерской, изготавливающей восковые свечи, Кукша часто видит точно такие же круги, как те, что отливают в Домовичах. Кто знает, может быть, они оттуда и привезены?

На подставках всё больше неровных свечей. Дмитрий напрягается, как кошка, выслеживающая мышь. Близок час его торжества! Проклятый раб заплатит ему за всё!

Кукша меж тем начинает обрезать готовые свечи о горячий лист меди. Запах воска будит тоску о доме и мысли о побеге. Но куда бежать? Ведь он даже не знает, в какой стороне его родина. Судя по царьградскому солнцу, можно догадываться, что она лежит на север от Царьграда. Впрочем, даже если бы он и знал туда дорогу, всё равно у него ничего не вышло бы, ведь, как говорит Антиох, на всех дорогах полно стражников. Нет, о побеге нечего и думать. Недаром его здесь никто не стережёт.

– Где были твои глаза, скотина? – вдруг слышит Кукша. Голос Дмитрия исполнен негодования. Как же, ведь на подставке полно некрасивых свечей, за которые хозяин его не похвалит!

От неожиданности Кукша вздрагивает, батожок, покрытый застывшим салом, выскальзывает у него из рук, свечи падают на горячую медь и мгновенно оплавляются почти наполовину. Кукша проворно поднимает обронённый батожок, но поздно – полтора десятка свечей пропали.

Дмитрий тут как тут. Он вырывает у Кукши из рук батожок, переводит гневный взгляд с испорченных свечей на Кукшу. Его душит праведный гнев, он размахивается и бьёт Кукшу по лицу связкой горячих оплавленных свечей. Кукша не успевает защититься, удар обжигает ему щёку, правда левую, а не правую.

Но, наверно, всё равно – теперь он должен подставить Дмитрию другую щёку. Однако на это он ещё не способен, он готов сделать многое из того, что велит распятый Бог, только не это. Наверно, сейчас он навсегда лишится Его помощи, и не видать ему родины, как своих ушей. Что поделаешь, значит, не судьба!

Кукша выхватывает из котла с салом медный черпак на длинной деревянной ручке. Димитрий испуганно следит за его действиями. Кукше плевать, что перед ним, рабом, свободный, полноправный гражданин Византийской империи. Хоть бы это был хозяин Кириак или даже сам царь, всё равно он получил бы своё! Димитрий закрывает голову, и удар приходится на руки. Но удар столь силен, что Димитрий со стоном валится наземь.

Кукше неизвестно, что делают в Царьграде с рабами, поднявшими руку на свободного. Антиох ему про это никогда не рассказывал. Но если бы Кукша взглянул сейчас на Антиоха, он увидел бы ужас в глазах старого раба, увидел бы, что Антиоха бьёт дрожь, что старик пытается что-то сказать и не может.

По всему этому Кукша мог бы заключить, что ему нечего ждать пощады. Однако он ничего не видит. Ноздри у него раздуваются, как у загнанного коня. Пощады он, впрочем, и не ждёт. Помешкав мгновение, он швыряет черпак и бросается на улицу в пёструю шумную толпу.

Глава пятая. Рябой

Уже много дней Кукша бродит по городу, не решаясь ни с кем заговорить и не отвечая, если к нему обращаются. Ночует он то в нише какого-нибудь здания, то в углу крытого портика вместе с городскими оборванцами или бродячими псами, которые увеличивают собой несметные толпы царьградских нищих. Он предпочитает улицы, расположенные подальше от храма Святой Софии – там лавка Кириака, там он скорее наткнётся на кого-нибудь, кто его знает. Но и вдали от Святой Софии ему постоянно мерещится, будто кто-то смотрит на него чересчур внимательно.

На узких царьградских улицах тесно стоят двух – и трёхэтажные дома. Стремясь выгадать место, их строят так, что этажи выступают один над другим и повсюду над улицей нависают закрытые балконы с непременными боковыми окнами. На подоконниках стоят вазы с цветами, из-за цветов целыми днями на улицу глазают любопытные, чаще всего женщины. Кукшу пугают эти праздные взгляды, ему всё чудится, что из окон глядят неспроста.

Малолюдные улицы и переулки кажутся Кукше более безопасными, но, чтобы раздобыть еды, он вынужден толкаться на самых шумных улицах и площадях. Он никогда в жизни не попрошайничал и не крал, поэтому, несмотря на голод, ему не приходит на ум попросить или украсть. Он подбирает выброшенные торговцами гнилые плоды или овощи, и это его единственная пища.

Когда Кукша проходит мимо пекарен, голову ему кружит горячий хлебный дух. Из харчевен доносится нестерпимый запах жареного мяса. Зеленные лавки завалены соблазнительными плодами. Прямо под открытым небом торговцы жарят рыбу – пищу царьградских бедняков.

Кукша останавливается посмотреть, как жарят рыбу, всё равно спешить ему некуда. На большой сковороде кипит оливковое масло, в него, издавая страшное шипение, шлёпаются свежие голубоватые рыбины. Когда они подрумянятся с одного бока, торговец с небрежной ловкостью переворачивает их на другой.

По улице, шатаясь и петляя, идёт пьяный. Когда он проходит мимо торговца рыбой, его вдруг неудержимо влечёт на таганок. Торговец не успевает оттолкнуть пьяницу, сковорода опрокидывается, и несколько рыб падают на землю.

Торговец накидывается на пьяницу с кулаками. Пьяница не остаётся в долгу. Между ними завязывается драка. Возле дерущихся сразу собирается толпа любителей даровых развлечений. Зрители хохочут, дают советы, подбадривая то одну, то другую сторону – словом, получают от зрелища полное удовольствие.

Кукша глядит на золотисто-коричневую рыбину, лежащую на земле. Сердце в груди у него колотится так, что он слышит его удары. Ему и невдомёк, что за ним наблюдает здоровенный детина с рябым лицом.

«Раз она извалялась в земле, её уже никто не купит, значит, всё равно она пропащая», – думает Кукша, но никак не может решиться взять рыбу. «Ну, бери, бери, – понукает он себя, – ведь драка кончится, и тогда будет поздно».

Кукша воровато озирается по сторонам, Рябой делает вид, будто поглощён дракой. Убедившись, что на него никто не смотрит, Кукша нагибается, хватая рыбу и пускается бежать. Вскоре он сворачивает в узенький крытый переулок, настолько тёмный, что даже днём его освещают фонари, в которых горят масляные плошки. Кукша забивается под деревянную лестницу, идущую снаружи дома, и набрасывается на еду. Вдруг он слышит, как рядом с ним кто-то произносит:

– Хорошо ли поджарилась рыбка, дружок?

Перед Кукшей, загораживая ему дорогу к бегству, опускается на корточки огромный человек. В тусклом свете Кукша видит большое рябое лицо, косматую бороду и густые чёрные брови. Судя по одежде, этот человек – нищий, один из бесчисленного множества нищих, наводняющих Царьград.

– Дай-ка её сюда!

Рябой протягивает руку к рыбе. Кукша невольно прячет рыбу за спину. Рябой со вздохом опускает руку. Кукша видит на его лице улыбку.

– Нехорошо поступаешь, – укоризненно говорит Рябой. – Украл у меня рыбину и не отдаёшь.

– Я не крал, – выдавливая из себя Кукша. Это первые слова, которые он произнёс с тех пор, как убежал из мастерской.

– Где же ты её взял?

– Нашёл.

– Где нашёл?

– На земле.

– А как она там очутилась?

– Упала.

– А почему упала?

– Прохожий повалил таганок.

– Верно. А зачем он его повалил?

– Он пьяный.

– Вот это ты врёшь, – осклабился Рябой. – Он не пьяней тебя, он твой сообщник. Он только притворился пьяным. Я видел, как вы с ним сговаривались, что он опрокинет сковороду и затеет драку, а ты тем временем украдёшь рыбу.

Эта ложь поражает Кукшу, он не находится, что возразить, и изумлённо таращит глаза на Рябого.

– Отдавай рыбу, или я кликну стражников!

При упоминании о стражниках Кукша съеживается. Он протягивает рыбу Рябому. Пусть берёт, пусть подавится, только бы поскорей проваливал.

– Вот так-то лучше! – замечает Рябой, беря рыбу.

Однако он и не думает уходить. Он счищает землю с рыбы, а потом неторопливо ест, выплевывая кости к Кукшиным ногам. При этом он загадочно поглядывает на Кукшу. Наконец он спрашивает:

– Ты кто?

Кукша молчит, глядя в землю.

– Молчишь? – говорит Рябой. – То-то! А я знаю, кто ты.

У Кукши сжимается сердце, он напрягается, словно ожидая удара.

– Да, знаю, – продолжает Рябой. Он умолкает, глядя в упор на Кукшу, и вдруг выпаливает: – Ты беглый раб!

«Погиб!» – думает Кукша. В голове молнией вспыхивает мысль – оттолкнуть Рябого и бежать. Так он и делает. Но он слишком ослаб за время голодных скитаний по Царьграду. Рябой вцепляется в него мёртвой хваткой. Кукша скоро понимает, что ему не вырваться из рук этого здоровенного оборванца, он готов заплакать от мучительного чувства бессилия. Его вдруг охватывает такая слабость, что даже начинает клонить в сон.

Убедившись, что Кукша оставил попытки вырваться, Рябой выпускает его из рук и толкает на прежнее место. словно в полудрёме, Кукша вяло думает, что Рябой сейчас кликнет стражу и его, Кукшу, потащат в темницу. Там его забьют в колодки, как рассказывал Антиох, будут долго мучить, а потом казнят. Конечно, казнят. Ведь он не просто убежал – он ударил свободного!

Неужели где-то на свете есть деревня Домовичи, в которой постоянно слышен шум порога, в которой есть матушка, чья одежда пахнет коровьим молоком, навозом и дымом, и нет стражников, колодок и темниц?

Однако Рябой не спешит звать стражу. Он доволен, что его догадка подтвердилась, с торжеством в голосе он сообщает Кукше:

– Я даже понял, откуда ты родом, по твоей белобрысой морде. А когда услышал, как ты говоришь, у меня и сомнений не осталось.

Рябой поднимает рыбий хвост, безнадежно извивавшийся в земле, и, повертев, кидает его на колени Кукше:

– На, ешь! Радуйся, что я сегодня добрый!

Кукша обгладывает рыбий хвост и тщетно пытается сообразить, что надо от него Рябому. Если он не собирается сдавать Кукшу страже, то почему не уходит? А Рябой ковыряет в зубах и, словно подслушав Кукшины мысли, говорит:

– Надо бы тебя сдать страже. Да уж больно я сегодня добрый. Сам не знаю, что на меня нашло.

У Кукши отлегло от сердца. Рябой меж тем продолжает:

– Предлагаю тебе хорошее дело – быть моим рабом. Согласен?

Кукша молчит.

– Если станешь мне служить, я не донесу на тебя. А не станешь – донесу. Так станешь?

Кукша поспешно кивает.

– Пойдём, – говорит Рябой, поднимаясь. – Отныне я твой господин. Только не вздумай убежать. Убежишь – плохо твоё дело. Я всё равно тебя найду и тогда уж обязательно сдам стражникам. А будешь меня слушаться, тебе же лучше. Как тебя зовут?

– Немой, – отвечает Кукша.

Кукшин ответ развеселил Рябого.

– Хорошее имя! – говорит он. – Надо бы лучше, да некуда! Отныне ты и на самом деле будешь немой. Значит, заруби себе на носу: ты немой. Так оно надёжнее. Ты слишком прост, у тебя ничего не стоит выведать, кто ты и откуда. Говорить будешь, только когда я разрешу, понял?

Кукша кивает.

– Вот так, – одобрительно говорит Рябой. – Если видишь, что к тебе кто-то обращается, мычи. Знаешь, как мычат немые?

И Рябой показывает: глухо мычит и разводит руками.

– Повтори, – велит он Кукше.

Кукша повторяет, и Рябой остаётся доволен. Теперь Кукша его раб.

Поистине счастливый город Царьград! Здесь даже нищий может в один прекрасный день обзавестись рабом!

Глава шестая. Андрей Блаженный

По улицам трусцой бежит человек, время от времени подпрыгивая, как делают дети. Губы его шевелятся, он улыбается каким-то своим мыслям. Трудно сказать, молод он или стар. Волос и бороды он не стрижёт и, как видно, нечасто моется. Из-за грязи не разобрать, седой он или белокурый. Одежда его состоит из ветхой тряпки, болтающейся на чреслах. Необыкновенная худоба его открыта взорам прохожих. Это Андрей Блаженный.

Навстречу ему важно шествует богатый горожанин в жёлтой шёлковой хламиде⁵⁸. У него холеная иссиня-чёрная борода. Пальцы его сверкают дорогими перстнями, в калите⁵⁹, подвешенной к поясу, звякают монеты. Горожанин надменно оглядывает прохожих, он не устаёт упиваться сознанием своего превосходства. Заметив богача, Андрей останавливается, глаза его загораются весельем, точно он увидел что-то очень забавное.

– Дай мне что-нибудь! – просит Андрей.
– У меня ничего нет, дурачок, – отвечает горожанин.
– А я тебя узнал! – говорит Андрей.
– Кто же я? – спрашивает богач, приосанившись.
– Ты тот самый верблюд, коему нипочём не пролезть в игольное ушко!
– Что ты мелешь, безумный? Будто вообще есть такие уши, в которые можно пролезть...
– Узки и прискорбны уши, – продолжает Андрей, – ведущие в царство небесное, а ты больно толст и тучен. Иного осла так навьючат, что бедняге не пройти по узкой улочке.
– Хоть ты и убогий, – кисло улыбается горожанин, – а лаешь не хуже доброго пса.
– Дай убогому златицу⁶⁰, – просит Андрей.
– Нет у меня златицы.
– Тогда дай медницу⁶¹ или кусок хлеба.
– Я тебе сказал: ничего у меня нет! – огрызается горожанин. – На всех не напасёшься. Вы только и знаете, раз богатый, значит, давай. А знали бы вы, сколько мы, богатые, совершаем всяких добрых дел! Кто жертвует на храмы, на приюты?

Горожанин снова приосанивается и становится ещё более важным, а взгляд Андрея грустнеет.

– Множество пчёл в улье, – говорит он, – но одни входят, другие выходят, так же и муравьи. А море, от всей Поднебесной принимая и пожирая реки, не насыщается. Разинул пасть свою змей великий, и никто не может наполнить чрево его снедью, а глотку – золотом.

– Болтаешь невесть что, – говорит богач, – одно понятно, что наглости в тебе не по убожеству твоему!

– Привыкла земля, – продолжает Андрей, – всё отдавать богатым, этим лакомым обжорам, кумиролобцам и сребролюбцам. Но как море и змей не бывают сыты, точно так и богатые!

Последние слова Андрей говорит уже в спину уходящего богача, который наконец сообщил, что ему нет никакой пользы от бессмысленных речей юродивого. И Андрей пускается дальше, бормоча что-то о бездушных камнях и страшном нелицемерном судии.

Оказавшись в шумной сутолоке одной из самых людных улиц, Андрей прикидывается пьяным, натывается на прохожих, выкрикивает бессмыслицы. Люди толкают его, бьют по шее, плюют в лицо, колотят палками по голове, а он на всё отвечает дурацким смехом.

---

⁵⁸ *Хламида* – прямоугольный плащ с застёжкой (у древних греков), накидка.

⁵⁹ *Калита* – кожаная сумка для денег в Древней Руси, подвесной карман.

⁶⁰ *Златица* – золотая монета.

⁶¹ *Медница* – медная монета.

На другой улице на Андрея набрасывается толпа мальчишек, они валят его, привязывают к его ноге верёвку и, впрягшись, волокут Андрея по земле. Остальные пинают его ногами и кричат:

– Бешеный, бешеный!

Кто-то раздобыл горшок сажи, и все с хохотом мажут ею лицо юродивого. Прохожие останавливаются и с интересом следят за мальчишеской забавой. А мальчишки волокут Андрея дальше. На Хлебном торгу они бросают его и отправляются поискать себе какого-нибудь нового развлечения. Юродивый поднимается с земли, и завсегдатаи Хлебного торго видят на его измазанном лице кроткую улыбку. Кое-кто окликает его:

– Как поживаешь, Блаженный?

– Что-то давно тебя не видать!

– Вконец ты отошал, того гляди, ребра кожу прорвут!

Некоторые сердобольные люди дают ему оболы, другие – хлеба или овощей, третьи – жареной рыбы или сыру: на хлебном торгу продаётся всякая снедь. Андрей принимает подаяния и идёт к ближайшей харчевне. Там, у входа в харчевню, он всё до крошки раздаёт таким же нищим, как он сам.

Двое хорошо одетых юношей стоят неподалёку, наблюдая за Андреем. Один из них, судя по одежде, служит в царской гвардии. Он дергает товарища за рукав.

– Нам пора идти, милый Епифаний, – говорит гвардеец. – Не забывай, что мы торопимся.

– Сейчас, сейчас, дорогой Патрокл, – отмахивается Епифаний, он так растроган незлобивостью и кротостью юродивого, что у него увлажняется взор, он восклицает: – Нет, ты только вдумайся, самый жалкий из всех отверженных – и он же самый щедрый! Он отдаёт всё, что имеет!

Епифаний снимает с себя плащ и подходит к юродивому:

– На, добрый человек, прикрой свою наготу.

Юродивый смотрит на него пронизательным взглядом, надевает плащ и вприпрыжку пускается прочь, что-то выкрикивая и улыбаясь бессмысленной улыбкой.

Он прибегает на шумную рыночную площадь, каким в Царьграде несть числа. Торговцы, покупатели и праздношатающийся люд встречают юродивого насмешками и глумливыми приветствиями. Огромный рябой оборванец, увидев на юродивом плащ, ослабившись, подходит к нему. Следом за оборванцем плетётся белоголовый отрок.

– Да ты никак с обновой! – говорит оборванец, не спуская глаз с плаща. – Ну-ка дай пощупать! Товар что надо, ничего не скажешь. Где взял? Украл небось?

Андрей не отвечает рябому оборванцу. Его заинтересовал отрок. Юродивый делает шаг к нему и кричит:

– Грязь! Грязь! Хозяин твой грязь! Беги грязи, юноша!

С этими словами он кладёт на лицо отрока свои чёрные от грязи руки, и тот брезгливо отшатывается.

– Ну, ты руки-то не больно распускай! – говорит оборванец. – Ишь ты, обижать бессловесного!

– Беги грязи, бессловесная скотина! Пастух твой грязнее грязи! – кричит юродивый отроку и трусцой пускается дальше.

Поздно ночью Андрей Блаженный укладывается спать в углу портика на голых каменных плитах. На одну полу плаща он ложится, другой укрывается. Едва задремав, он чувствует, что с него кто-то стягивает плащ. Андрей приподнимается, чтобы помочь вору вытянуть плащ из-под своего тела. Он видит, как на улицу, освещённую луной, выбегает светлоголовый отрок с его плащом в руках и как к нему тотчас подходит огромный человек и забирает плащ. Оба уходят вместе. Андрей тяжело вздыхает и закрывает глаза.

– Хищные патриаршьи дети, – бормочет он, – заблудшая юная душа!..

Глава седьмая. Кабак Мустафы

В царственном городе нет равенства даже среди нищих. Они заполняют форумы и улицы Царьграда, их столько, что вряд ли кто-нибудь решится сосчитать. Но среди них есть тысяча, а может быть, немного больше или меньше таких, которые находятся под покровительством патриаршья двора. Горожане называют их насмешливо «патриаршьи дети».

Патриаршья детей легко узнать по бычьим загривкам, сытым рожам и багровым от пьянства носам. Они значатся в особых списках, по которым им каждый месяц раздают свинцовые жетоны – тессеры. По этим жетонам патриаршьи дети получают деньги, хлеб, мясо, а иногда и одежду. Патриаршьи дети пользуются безраздельным правом просить милостыню у церкви Святой Софии, возле которой находится патриарший двор. Святая София – главная церковь Царьграда и всего христианского мира, поэтому попрошайничество здесь гораздо прибыльнее, чем где бы то ни было.

На паперти⁶² этого храма не составляет труда насобирать за день сто оболов⁶³, в то время как бедному подёнщику редко удаётся заработать тяжёлым трудом более десяти. Не диво, что патриаршьи дети весьма неохотно принимают в свою среду новых людей и без пощады избивают всякого, кто осмеливается самовольно просить милостыню у Святой Софии. Не брезгают они и воровством.

Рябой, новый хозяин Кукши, – один из этих избранных. Пока в Святой Софии идёт служба и к вратам храма тянется вереница прихожан, Рябой лежит на паперти, изображая расслабленного, он жалобно гнусавит:

– Подайте Христа ради расслабленному!

И голос его сливается с множеством других голосов. Здесь слепые, горбатые, безногие, безрукие, покрытые гнойными язвами и струпьями, бесноватые и расслабленные, настоящие и мнимые, здесь все виды человеческого убожества, какие только встречаются под синим небом этой благословенной страны.

Если поток прихожан иссякает, гнусавый гомон становится тише, начинаются сплетни, игра в кости, вспыхивают перебранки, иногда возникает драка.

Главное время сбора милостыни наступает по окончании службы. Прихожане, просветлённые молитвой и ангельским пением церковного хора, густой толпой выходят из храма. Сейчас они особенно щедры, даже самые скупые посчитают своим долгом расстаться с несколькими лептами. Тут надо только не зевать.

Когда запирают ворота величайшего Божьего храма Вселенной, Рябой покидает паперть и отправляется в кабак, дабы подкрепиться вином и какой-нибудь едой. В Царьграде несчётное число кабаков и харчевен, но Рябой предпочитает тот, что содержит сарацин Мустафа. Его и Мустафу связывают давние приятельские отношения.

Дом, в котором помещается кабак Мустафы, от старости врос в землю, и можно сказать, что кабак находится в подвале – в него ведут несколько стёртых ступеней.

Рябого обдаёт духотой и винным запахом. Ему приятны и эта духота, и винный запах, как, впрочем, и всем посетителям заведения.

Жители ближайших улиц и переулков, большей частью подёнщики и нищие, любят бывать у Мустафы. Трудно найти другого столь радушного и любезного хозяина. На смуглом лице его неизменно сияет белозубая улыбка, для каждого у него припасено доброе слово. Он охотно поверяет в долг, если знает, что за должником не пропадёт. У Мустафы пришедший

---

⁶² Паперть – крытая площадка перед входом в церковь.

⁶³ Обол (от греч. Obolys) – медная, серебряная, бронзовая монета в Древней Греции, Византии (IX–X вв. Сходно с лептой. Лепта (от греч. Lepton) – мелкая медная монета.

чувствует себя не посетителем, а гостем. Словом, хозяин кабака – золото, а не человек. Кабы ещё был он не магометанской веры, царство небесное было бы ему обеспечено.

Однако не все придерживаются такого мнения о Мустафе. Некоторые утверждают, будто он занимается скупкой краденого. Другие считают его иродом, отнимающим последний кусок хлеба у голодных детей, бессовестным грабителем, разоряющим семьи бедняков, а иные в глаза называют упырьём. Это женщины, несчастные жёны пропойц, оставляющих в кабаке свой жалкий заработок. Впрочем, кому какое дело до мнения женщины!

Рябой не скушает у Мустафы. Насытившись, он попивает винцо, наблюдает за тем, что происходит в кабаке, прислушивается к разговорам, запоминает лица. Одни посетители уходят, другие приходят. Есть и такие, что просиживают в кабаке целый день. Вспыхивает перебранка, она быстро перерастает в драку, грохочут падающие лавки, звенит разбитая посуда. Рябой поднимается и помогает Мустафе умирять буйствующих. Когда Рябой в кабаке, драка угасает быстро – Рябого бояться.

Драка – это чепуха. Рябого интересует другое. Из ближнего угла долетает подозрительный разговор, и Рябой наостряет уши. Какой-то не в меру захмелевший посетитель доверительно сообщает собутыльникам:

– Слыхали, Пьяница-то до чего додумался? Размалюет себе рожу, переоденется и с толпой бездельников слоняется по городу! Напьются и избивают кого ни попадя! И это царь! Слыханное ли дело!

Один из его товарищей, тот, что потрезвее, пугливо озирается и пробует переменить разговор:

– Говорят, во Фракии опять ничего не уродится. Всё как есть сгорело!

Но пьяный не унимается, он перебивает своего товарища:

– Нет, что бы там ни говорили про его отца, но Феофил⁶⁴ действительно был царь! Покойник тоже переодевался и ходил по городу, но зачем? Он самолично блюл справедливость, следил, чтобы торговцы не вздували цен, не обманывали бедняков! А этот что?

Ему кажется, что он говорит тихо, но на самом деле он почти кричит. Наиболее трезвый из собутыльников пытается утихомирить не в меру разговорившегося товарища.

– Тише ты! – шипит он и опасливо оглядывается на Рябого.

Рябой делает вид, что поглощён вылавливанием мухи из чаши с вином и не слышит разговора. Ему известен болтливый посетитель, он здешний, из завсегдатаев, его не надо выслеживать, узнавать, где живёт. Нужно лишь запомнить лица собутыльников. Потом Рябой сообщит об участниках предосудительного разговора Мустафе, на котором, как на всех кабатчиках, лежит обязанность осведомлять власти о настроениях среди посетителей.

Во втором часу ночи⁶⁵, как велит градской эпарх, управитель Царьграда, гостеприимный Мустафа закрывает заведение. Посетители неохотно покидают подвал, некоторых Рябому приходится подталкивать к выходу. Наконец кабак пустеет, и Мустафа запирает дверь на засов. Он гасит лишние светильники, оставляя один огарок сальной свечи. Рябой рассказывает Мустафе о посетителе, произносившем опасные речи.

– Который? – спрашивает Мустафа. – Рубец на висок? Феофан зовут? Хорошо, дорогой! Он у меня уже есть заметка.

Мустафа давно живет в Царьграде, но чисто говорить по-гречески так и не выучился.

– Кто слушал, запомнил? – продолжает он.

– Уж не без того! – отвечает Рябой и в свою очередь задаёт вопрос: – А как дела с тем, который болтал, что-де его царственность законопатил в монастырь свою мать и сестёр?

---

⁶⁴ Феофил – византийский император (829–842), сторонник иконоборческой ереси, отец императора Михаила III. Его вдова Феодора восстановила иконопочитание.

⁶⁵ В восемь часов вечера по нашему времени.

– А! – улыбается Мустафа. – Он уже площадь Пелагий⁶⁶, дорогой!

Но вот друзья переходят к делам более насущным.

– Что даёшь, дорогой? – спрашивает Мустафа.

– Нынче бедновато, – отвечает Рябой и достаёт из сумы плащ Андрея Блаженного.

Кабатчик долго щупает плащ, подносит ближе к свету.

– Почём хочешь, дорогой?

Рябой набирает в грудь побольше воздуха и говорит, махнув рукой:

– Ладно уж, чего там! Давай два милиарисия⁶⁷, чтобы не торговаться, и делу конец!

Мустафа присвистывает и изумлённо поднимает брови:

– Два милиарисий за этот старьё? Крест на тебе нет!

– Ну, а какова твоя цена? – осторожно спрашивает Рябой. Он, не отрываясь, глядит на Мустафу.

– Ешь мой кровь, забирай двадцать обол!

– Ишь ты какой добрый! Да за двадцать оболлов я лучше сам изношу!

– Износи, дорогой! – улыбается Мустафа.

– Ну уж ладно, – примирительно говорит Рябой, – давай полтора милиарисия, и по рукам!

– Совсем с ума сошёл! – восклицает Мустафа. – Получай милиарисий, отдавай плащ! Не хочешь, получай плащ, отдавай милиарисий.

Рябой соглашается на милиарисий, Мустафа снова щупает плащ, протягивает Рябому серебряную монету и весело говорит:

– Баба приходит кричать: Мустафа – упырь! Опять придёт кричать, скажу: зачем Мустафа – упырь? Рябой – упырь, Мустафа не упырь!

В дверь стучат: тук, тук, тук-тук-тук, тук, тук, тук-тук-тук... Это условный стук. Рябой идёт к двери и отодвигает засов. Входит Кукша. Рябой оттопыривает край Кукшиной сумы, запускает в неё руку, выкладывает на стол шёлковый женский покров и мягкие, расшитые золотом сарацинские туфли. Ещё он достаёт из Кукшиной сумы небольшую, туго набитую деньгами мошницу, но её на стол не кладёт, а сразу прячет. Рябой доволен: его раб не зря прожил день.

Видно, что Кукша здесь не в первый раз, он, не спрашивая, идет к затухающему очагу, над которым висит лоснящийся от сажи котел. В котле ещё слышно ленивое бульканье. Кукша накладывает себе полную глиняную миску густой бобовой похлёбки и, обжигаясь, жадно ест.

Рябой не морит Кукшу голодом – не потому, что у него доброе сердце или он хорошо усвоил евангельские поучения о любви к ближнему. Просто его слуге, чтобы исправно служить, необходимы сила и проворство, а от голода, как известно, человек слабеет и становится вялым.

До сих пор Рябой сам занимался воровством, прирабатывая к подаянию. Теперь у него совсем другая жизнь. Зачем ему воровать? За это могут избить или, ещё хуже, бросить в темницу. Теперь для него ворует беглый скифский раб. Дело чистое. Немой, надо думать, не скоро попадётся – больше всего на свете он боится угодить в лапы к стражникам. А когда он всё-таки попадётся, это ничем не грозит Рябому. Какое отношение имеет почтенный царьградский нищий к беглому скифскому рабу? Да мало ли их тут в Царьграде скрывается от своих хозяев и от правосудия!

Раб оказался ловок и сметлив. Пришлось, конечно, дать ему несколько уроков. Иногда Рябой поощряет его намёками: если-де Немой будет стараться приносить побольше добычи, то Рябой со временем позаботится о благоприятных переменах в его судьбе.

Да, воровать Рябому теперь незачем. Он мог бы и не валяться больше на паперти, но на это он не пойдёт – шутка ли, каждый день терять сотню оболлов! У Рябого есть давняя мечта:

---

⁶⁶ Во рву на площади Пелагия хоронили казнённых преступников.

⁶⁷ *Милиарисий* – позднеримская и ранневизантийская серебряная монета. Равен 24 оболам.

накопить достаточно денег, купить возле города усадьбу с домом и виноградником, жениться и зажить уважаемым человеком. Особенно его привлекает мысль завести у себя в саду павлинов. Он считает, что всякий настоящий богач непременно должен держать павлинов. Иногда Рябой, подвыпив, делится своими мечтами с другом кабатчиком, но тот только посмеивается над ним:

– Не надо павлин – голос дурной и денег стоит. Лучше соловей – голос приятный и поёт задаром!

Кукша наелся и должен уходить – больше ему здесь делать нечего. Он медлит, его размо-рило от горячей пищи, и глаза у него слипаются, он с удовольствием прикорнул бы где-нибудь в уголке, но ему не позволяют.

– Где ночует? – спрашивает Мустафа, когда за Кукшей затворяется дверь.

– Это его дело, – отвечает Рябой.

– В свой каморка не пускаешь? – улыбается Мустафа.

– Ещё чего? – говорит Рябой. – Я завёл себе раба, чтобы он на меня работал, а не для того, чтобы заботиться о его ночлеге.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.